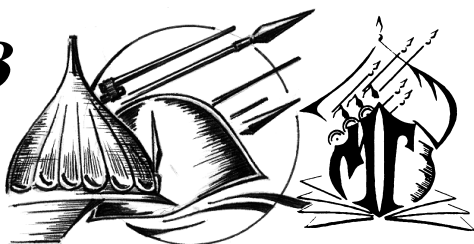

Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2025

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валентин КАТАСОНОВ. Начало и цена	
Второй мировой	3
Андрей СОШЕНКО. Давно назревшие вопросы	34
Ростислав ИЩЕНКО. Ради исторической	
справедливости	71

ПРОЗА

Камиль ЗИГАНШИН. Пышка. Отрывок из повести	14
Татьяна ГРИБАНОВА. Татьянаин день. Рассказ	21
Виктор БОЧЕНКОВ. «Не больничным от вас уйду	
коридором...» Рассказ	41
Николай ДОРОШЕНКО. Червь. Рассказ	79

ПОЭЗИЯ

Иван ЩЁЛОКОВ. Поющая память. Стихи	27
Алексей ГУШАН. То было в июле... Стихи	61
Наталья ВЕДЮШЕНКО. Бездомный ангел. Стихи	67
Сергей КРИВОНОС. Звёздная вода. Стихи	85
Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ. Не сойду с твоей орбиты. Стихи ..	90

РУССКИЙ МИР

Богдан БЕЗПАЛЬКО. Русская идея как фактор освобождения от украинства	93
Вадим ЕГОРОВ. О деукраинизации Малороссии	99

УРОКИ ИСТОРИИ

Игорь БОЙКОВ. Апрель роковой... ..	107
------------------------------------	-----

СУДЬБЫ

Виктория ЕВСЕЕВА. «Зачем вы это сделали?..» Живые рассказы	116
---	-----

ПАМЯТЬ

Лина МКРТЧЯН. Воинство земное и небесное	162
--	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Валентин КАТАСОНОВ. Подчинившие себе человечество	169
--	-----

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Юрий КЛИМАКОВ. Первый памятник Лермонтову	180
Валерий ГАБРУСЕНКО. Покоритель Кавказа	207

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Максим ВОРОБЬЁВ. Всемирная палата №6	211
Игорь ДРУЗЬ. «Свобода, равенство, братство»	215
Игорь ГРЕВЦЕВ. Одесса будет русской	219
Валентин ЛЕБЕДЕВ. Под прикрытием переговоров	224

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	226
Владимир КРУПИН. Незабываемое	234
Юрий ПАВЛОВ. «Стремя» Солженицына	241

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. Последний этого века. Народное слово в поэзии Владимира Кострова	256
--	-----

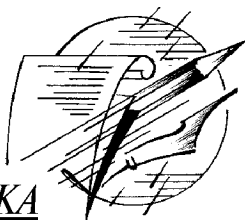
НАЧАЛО И ЦЕНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ

1

В учебниках по истории говорится, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года. С нападения Германии на Польшу, после чего 3 сентября 1939 года в 11.00 войну Германии объявил Лондон. Можно уверенно сказать, что старт Второй мировой войне дал именно Лондон. Историки утверждают, что на германо-польской границе в ночь на 1 сентября имела место провокация, подготовленная англосаксами. К тому же Гитлер чувствовал, что со стороны англосаксов готовится какая-то пакость, пытался заранее начать переговоры с Лондоном, но англосаксы всячески от них уклонялись. Через несколько часов после объявления войны Германии Лондоном то же самое сделал Париж. А дальше в конфликт стали втягиваться и другие государства, что позволило назвать его не просто «международным», а именно «мировой войной».

Вторая мировая война, согласно официальным источникам, длилась с 1 сентября 1939-го по 2 сентября 1945 года (до момента капитуляции Японии), т.е. ровно шесть лет.

Впервые меня заставили усомниться в такой датировке китайские товарищи,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

с которыми мне пришлось общаться в далекие нулевые годы. Когда я упомянул 1 сентября 1939 года как дату начала Второй мировой войны, они очень обиделись. Разъяснив мне, что это «западно-центрический» взгляд на историю. Что на самом деле мировая война уже как минимум два года полыхала на Дальнем Востоке. Они имели в виду начавшуюся в 1937 году интервенцию Японии в Китае. И сказали, что к началу Второй мировой войны в Европе число человеческих жертв японской агрессии против Китая измерялось уже миллионами. Погрузившись в хронологию Второй мировой войны, я неожиданно нашел даже таких авторов, которые датировали ее начало 1935 годом, когда Италия вторглась в Африку («Эфиопская кампания Италии»).

Но даже если ограничиться Европой, то и тут есть сомнения, что война началась 1 сентября 1939 года. Ведь к этому моменту с карты Европы исчезли три государства: Австрия, Чехословакия и Албания. Некоторые авторы называют это «тихой» войной, или «предисловием» ко Второй мировой войне, начавшейся 1 сентября. Ведь там почти не было выстрелов и боевых действий.

Но можно ли сказать, что с 1 сентября 1939 года в Европе действительно началась «горячая» война? То, что происходило в Европе на протяжении многих месяцев после указанной даты, некоторые историки справедливо называют «странной войной». Хотя Лондон объявил войну Берлину, однако никаких по-настоящему боевых операций ни Лондон, ни Париж, ни другие страны антигитлеровского альянса не вели. Была имитация войны. За это время без особых трудов Германия сумела оккупировать Норвегию и Данию. И так продолжалось до 10 мая 1940 года.

С указанного момента началась новая фаза войны, которую образно можно назвать еще не «горячей», но уже «тёплой». Гитлер начал широкомасштабные наступательные действия на территории нейтральных Бельгии, Голландии и Люксембурга. Затем через территорию Бельгии, обойдя линию Мажино с севера, немецкие войска вторглись в глубь Франции. Спустя месяц англо-французские войска были вытеснены в район Дюнкерка, а затем они через пролив бежали в Великобританию. С этого момента Британия, наконец, почувствовала войну, поскольку немцы с территории Франции, а также Бельгии и Голландии стали осуществлять авиационные налеты на острова Туманного Альбиона. Для Лондона война де-факто началась с мая-июня 1940 года. Но эта часть Второй мировой войны, которую уже не называли «странной». Тем не менее она была все-таки достаточно вялой. Я ее предпочитаю называть

«теплой». Она была «теплой» как для Великобритании и ее союзников, так и для Германии и других стран «Оси».

По-настоящему «горячей» для третьего рейха Вторая мировая война стала, начиная с 22 июня 1941 года, когда немецко-фашистские войска вероломно вторглись на территорию Советского Союза и встретили настоящее сопротивление со стороны советских вооружённых сил. С этого момента война стала «горячей» для третьего рейха и его союзников по «Оси». Но для Англии она по-прежнему оставалась лишь «теплой». В декабре 1941 года после Перл-Харбора в войну вступили Соединенные Штаты, став ключевым участником антифашистского блока. Но для Англии и США (ангლოსаксов) война была «теплой». Главное — ангლოსаксы избегали прямого военного противостояния с третьим рейхом в Европе. Против третьего рейха и других стран «Оси» в Европе по-настоящему воевал лишь СССР.

И так продолжалось до 6 июня 1944 года, когда, наконец, союзники открыли Второй фронт, когда, наконец, англичане и американцы высадились на атлантическом берегу Франции. Т.е. Лондон 3 сентября 1939 года запустил Вторую мировую войну, а реально начал воевать лишь через 4 года и 9 месяцев. С момента высадки ангლოსаксов во Франции и до капитуляции третьего рейха и объявления победы прошло еще 11 месяцев. Если внимательно отслеживать события на этом отрезке времени на восточном фронте (где боевые действия вел СССР) и на западном фронте (где эти действия вели американцы, англичане и примкнувшие к ним французы), то мы увидим очевидную асимметрию. Образно выражаясь, температура боевых действий на восточном фронте была на порядок выше, чем на западном.

В ходе войны просматривается множество странностей. И в этом ряду так называемых «странностей», наверное, первое место занимает резкая метаморфоза отношений между Берлином и Лондоном, которая произошла накануне 1 сентября 1939 года. Ведь в 1938 году Берлин и Лондон подписали договор о ненападении. Примеру Лондона последовал Париж, подписавший аналогичное соглашение с Берлином. Лондон, а также Париж в отношении третьего рейха проводили политику «умиротворения». Конечно же, Лондон в этой политике был ведущим, а Париж ведомым.

Достаточно в качестве примера привести так называемый «Рейнский кризис» 1936 года — резкое обострение отношений между Францией и Германией, когда французы были готовы оккупировать Рейнскую область. Естественное развитие «Рейнского кризиса», как отмечают историки, привело

бы к свержению Гитлера (тем более что и внутри самой Германии готовился заговор генералов против фюрера). У третьего рейха шансов выйти победителем из этого кризиса не было, так как 13 французским дивизиям противостояло всего 3 немецких батальона. Так вот, Лондон заставил Париж отказаться от оккупации Рейнской области. Т.е. он спас режим Гитлера от почти неизбежного краха.

Об особых отношениях Лондона и Берлина еще более убедительно свидетельствует то, что еще за 11 месяцев до начала Второй мировой войны (а именно 29—30 сентября 1938 г.) в Мюнхене имела место доверительная встреча между рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и британским премьер-министром Артуром Невиллом Чемберленом (другие участники встречи — премьер-министр Франции Эдуард Даладь и премьер-министр Италии Бенито Муссолини).

Все грамотные люди знают о том соглашении, которое было подписано на той встрече и которое получило название «Мюнхенский сговор». Британский премьер — главная фигура встречи, ему подыгрывали французский и итальянский премьеры. Они Гитлеру преподнесли на блюде с голубой каемочкой подарок под названием «Судетская область Чехословакии». Прагу обязывали буквально в течение недели передать третьему рейху эту область со всеми укреплениями, сооружениями, путями сообщения, фабриками, заводами и огромным количеством вооружения.

Некоторые историки и эксперты считают, что Мюнхен 1938 года фактически знаменовал формирование альянса четырех государств, которые собрались перекроить мир. Вот, например, Игорь Шишкин в статье «Пакт Молотова-Риббентропа — приговор Британской империи» пишет: *«Де-факто, по Мюнхенскому соглашению была образована Директория четырех (Англия, Франция, Германия и Италия), наделившая себя правом решать судьбу всех остальных европейских государств. А во главе этой Директории, и соответственно всей континентальной Европы, встала Великобритания. Это ли не успех?»*

Какая муха укусила Чемберлена, который через 11 месяцев после Мюнхена, не желая разбираться в расследовании так называемого «германо-польского пограничного инцидента», вдруг решил защищать Польшу путем объявления войны Германии?

Да всё очень просто. Гитлер стал выходить из-под управления англосаксов. Дело в том, что Адольфа Гитлера еще с момента назначения рейхсканцлером Германии в январе 1933 года (назначение было оформлено как «победа в выборах») англосаксы уже разворачивали на восток. Т.е. подталкивали к войне с Советским Союзом.

Да, поначалу Гитлеру казалось, что третий рейх как мировая империя может состояться лишь при наличии очень мощной экономики. А для мощной экономики нужна ресурсная база. Но ее у Германии не было. У Англии, Франции, Голландии и других европейских государств были колониальные владения. Особенно у Англии, над колониальной империей которой «солнце никогда не заходило». А вот у Германии таких владений не было. Лондон намекал Берлину, что единственное «неосвоенное» пространство — Россия (Советский Союз). Это целый континент, который раскинулся от Балтики до Тихого океана, с богатейшими природными ресурсами. К тому же население России — потенциально бесплатная рабочая сила. С точки зрения новой «науки» под названием «евгеника» (она, между прочим, зародилась в англосаксонском мире, а потом уже стала приживаться в третьем рейхе), жители России — «недочеловеки», следовательно, рабы, призванные служить представителям «высшей расы» (т.е. англосаксам и арийцам).

И Гитлер на протяжении нескольких лет настраивался на «Дранг нах Остен». Но в конце 1938 — начале 1939 гг. его настроения стали меняться. Фюреру показалось, что если ему так легко досталась Чехословакия (кроме Судетской области он к марту 1939 года прибрал к рукам всю Чехословакию), а также Австрия (аншлюс Австрии, т.е. включение ее в состав третьего рейха произошел в марте 1938 года), то, может быть, проще осваивать территорию Старого Света, чем лезть на советский рожон? Фюрер поднял флаг с лозунгом «Дранг нах Вестен».

Гитлер стал переосмысливать свою политику в отношении СССР. И этот пересмотр закончился подписанием 23 августа 1939 года так называемого пакта Молотова—Риббентропа — договора о ненападении между СССР и Германией. Москву к этому договору подтолкнуло то, что ни Лондон, ни Париж не желали подписывать с нами соглашения по обеспечению взаимной безопасности на случай внешней агрессии. Лондон и ведомый им Париж последовательно проводили линию на полную изоляцию Советского Союза. Что гарантировало бы с их точки зрения успех немецкой операции «Дранг нах Остен».

Неудивительно, что сделка Берлина с Москвой просто взбесила Лондон. Бурная реакция Лондона закончилась подготовкой и проведением провокации на границе Германии и Польши (с участием тех военных вермахта, которые также были против пакта Молотова—Риббентропа), а затем объявлением войны Германии. Тем самым Лондон давал Берлину команду: мол, надо идти на восток. Но Гитлер уже разогнал-ся в западном направлении, вошел в азарт. Лондон войну-то

Гитлеру навязал, а вот остановить его движение по Европе он не сумел. А потому Гитлер без особых трудов дошел до Атлантического океана.

В период так называемой «странной войны» (с 1 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г.) и далее после начала так называемой «теплой» войны Гитлер занял большую часть Европы. Вот, например, любопытное исследование английского экономиста Марка Харрисона «Экономика Второй мировой войны: шесть великих держав в международном сравнении» (1998 г.). В работе содержатся оценки экономик воюющих стран с помощью показателя валового внутреннего продукта (ВВП). У Германии в 1940 году ВВП, выраженный в американских долларах 1990 года, составил 387 млрд. долл. А вот экономики оккупированных Германией европейских стран создали в том же году ВВП в размере 430 млрд. долл. Т.е. экономический потенциал третьего рейха более чем удвоился.

Возникает вопрос: а почему все-таки Лондону удалось вернуть Гитлера на рельсы плана «Дранг нах Остен»? Почему все-таки Гитлер решился на вероломное вторжение на территорию СССР 22 июня 1941 года? Думаю, что это было уже исключительно решение самого Гитлера. А принимал его он потому, что утратил способность трезвой оценки и самооценки. Ведь он в течение короткого срока получил мощную экономическую поддержку оккупированных стран. К моменту начала войны с СССР ВВП оккупированных третьим рейхом стран уже в 2,5 раза превышал ВВП самой Германии.

Гитлеру показалось, что если он за какие-то полтора года сумел «освоить» большую часть Европы, то уж на Востоке он сумеет так же активно осваивать просторы России. Согласно архивным данным, за период с начала сентября 1939 года по начало июня 1941 года, т.е. за 21 месяц, людские потери вермахта составили около 90 тысяч человек — в среднем немного более 4 тысяч в месяц. При этом статистика учитывает всех умерших — как погибших в военных операциях (и умерших от ран), так и скончавшихся от обычных болезней.

А вот после начала настоящей, «горячей» войны после 22 июня 1941 года потери стали несопоставимо большими. Например, в июле 1943 года число умерших военнослужащих вермахта составило 57,8 тыс., августе — 58,0 тыс., сентябре — 48,8 тыс. Появилась статья людских потерь, которой почти не было во время «странной» и «теплой» войн — «пропавшие без вести». Рекордные величины пропавших без вести стали фиксироваться в 1944 году. Например, в июле — 310 тысяч, в августе — 407,6 тысячи (Статистический ежегодник Федеративной Республики Германия за 1960 год, стр. 78).

Накануне вторжения в СССР у Гитлера было «головокружение от успехов». Он полагал, что «Дранг нах Остен» будет лёгкой прогулкой. А между тем на восточном фронте Гитлер потерял 607 дивизий (507 немецко-фашистских и 100 дивизий её союзников).

Вероломное нападение на СССР стало роковой ошибкой фюрера. Но не меньшей оказалась и ошибка Лондона, который рассчитывал с помощью Гитлера реализовать свои планы «Дранг нах Остен». Они провалились, что и было зафиксировано 8 мая 1945 года в Акте о безоговорочной капитуляции Германии.

2

На протяжении нескольких десятилетий после окончания Второй мировой войны ни у кого в мире не возникало сомнения в том, что решающую роль в победе на фашистской Германии и ее союзниками сыграл Советский Союз. Однако после исчезновения СССР на Западе началась ревизия истории Второй мировой войны. Всё более умаляется роль Советского Союза в победе, и основные заслуги присуждаются западным союзникам СССР — Соединенным Штатам, Британии и Франции. Мол, этой победы не было бы без открытия Второго фронта в июне 1944 года, без американской программы помощи (ленд-лиза) и т.п.

Однако архивные документы говорят об обратном. Войска Советского Союза на восточном фронте уничтожили более 500 немецких дивизий и сотню дивизий стран-союзников Германии. А это в 3,5 раза больше, чем уничтожили наши союзники вообще на всех фронтах Второй мировой. Нашими доблестными воинами было уничтожено более 75% авиации, танков и артиллерийских орудий третьего рейха. Эти цифры ревизионисты истории Второй мировой войны отрицать не могут.

Но они утверждают, что, мол, за всеми этими военными победами Советского Союза стояли Соединенные Штаты и Великобритания, которые своей экономической помощью Советскому Союзу обеспечивали военные победы. В 1941 году валовой внутренний продукт (ВВП) Советского Союза, по оценкам западных историков, составил 359 млрд. долларов (в долларах США 1990 года). А у США этот показатель равнялся 1118 млрд. долл. А у Британии — 316 млрд. долл. Но у Британии еще были доминионы и колонии. С их учетом ВВП всей Британской империи составил 716 млрд. долл. Итого ВВП трех держав антигитлеровской коалиции в 1941 году составил 2193 млрд. долл. Доля Советского Союза в этом

суммарном показателе составила 16,4%; на англосаксонских союзников СССР пришлось остальные 83,6% суммарного ВВП.

Да, некоторую экономическую помощь от союзников СССР получал. Почти исключительно это была помощь со стороны США в виде программы ленд-лиза. За годы войны Советский Союз получил такой помощи на сумму 10,98 млрд. долл. Между прочим, почти в три раза меньше, чем то, что получила Англия (31,4 млрд. долл.). Да, Москва ждала с нетерпением поставок оружия, боевой техники и боеприпасов из-за океана. Особенно в 1941—1942 гг., когда шли самые ожесточенные бои на нашей территории и когда еще не все советские оборонные предприятия сумели выйти на полную мощность. Но поставки по ленд-лизу начались лишь в 1942 году. В указанном году Советский Союз получил 27,6% от всего объёма ленд-лиза, а в 1943—1945 годах — 71,5%.

В 1948 году увидела свет книга председателя Госплана СССР Николая Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». В ней отмечается, что военные поставки союзников составили лишь 4% от собственного производства СССР. Конечно, спасибо союзникам. Наверняка они помогли сократить число наших людских потерь и приблизить день Победы. Но ни о каком решающем вкладе союзников (даже не военном, а экономическом) в саму Победу говорить нельзя.

Пользуясь случаем, хочу дать некоторые цифры, дающие представление о том, какова была цена войны для основных ее участников. Цена складывается из двух основных составляющих: 1) людских потерь; 2) экономических потерь и издержек.

Про людские потери скажу кратко: на долю СССР пришлось почти 50% людских потерь всех стран, участвовавших во Второй мировой войне (61 государство, в которых проживало около 80 процентов всего населения Земли). (Л.Л. Рыбаковский. Людские потери СССР и России в 1941—1945 гг. // «Народонаселение», №1, 2011). Официальная цифра наших потерь, полученная в 1990 году в результате оценок специальной комиссии Генштаба и Госкомстата СССР, — 26,6 млн. человек (и это без учёта косвенных демографических потерь).

Сосредоточусь на экономических потерях и издержках («экономической цене» участия в войне). Они включают три основные составляющие: 1) военные расходы; 2) прямые материальные ущербы от разрушений (потери национального богатства); 3) косвенные ущербы (потери, вызванные прекращением или сокращением производства товаров).

Начну с третьей составляющей. К сожалению, далеко не по всем странам имеются расчеты косвенных ущербов. При-

веду лишь оценки по советской экономике. Н. Вознесенский в упомянутой выше книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» приводит цифры по отдельным видам недополученной продукции за годы войны. Речь идет о предприятиях, которые оказались на оккупированных территориях или которые были разрушены в результате боевых действий. За основу расчета взяты объемы производства в 1940 году. Вот объемы потерь некоторых производств (за время до окончания войны) в натуральных показателях

1. Каменный уголь — 307 млн. т
2. Электроэнергия — 72 млрд. кВтч
3. Сталь — 38 млн. т
4. Алюминий — 136 тыс. т
5. Металлорежущие станки — 90 тыс. шт.
6. Сахар — 63 млн. ц
7. Зерно — 11 млрд. пудов
8. Картофель — 1.922 млн. ц
9. Мясо — 68 млн. ц
10. Молоко — 567 млн. ц

Суммарная величина косвенных потерь, по официальным оценкам Москвы, составила 1890 млрд. рублей.

Теперь о второй составляющей «цены войны» — прямых материальных ущербах от разрушений. Многие страны проводили инвентаризацию таких потерь, как в физических, так и стоимостных показателях. Физические показатели — квадратные метры разрушенного жилого фонда, километры уничтоженных железных и автомобильных дорог, линий электропередач; киловатты мощностей электростанций и т.п. Имеются стоимостные оценки прямых материальных потерь. Обычно в национальных денежных единицах и в ценах довоенных лет. Но всё это не очень годится для международных сопоставлений.

По Советскому Союзу оценки прямых материальных потерь были подготовлены и обнародованы Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР в годы Великой Отечественной войны (комиссия была учреждена 2 ноября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР). Назову наиболее значимые цифры, свидетельствующие о наших гигантских материальных потерях: разрушено 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, крова лишились около 25 миллионов человек. Было уничтожено около 32 тысяч промышленных предприятий, 84 тысячи школ и других учебных заведений,

разрушили и разграбили 98 тысяч колхозов. Кроме того, ими было уничтожено 4100 железнодорожных станций, 36 тысяч предприятий связи, 6 тысяч больниц, 33 тысячи поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 82 тысячи начальных и средних школ, 1520 средних специальных учебных заведений, 334 высших учебных заведения, 43 тысячи библиотек, 427 музеев и 167 театров.

Более детальные цифры можно найти в уже упоминавшейся книге Николая Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Они, кстати, включают потери не только в виде разрушений, но и хищений (вывоз оккупантами имущества с советской территории). Оценки сведены в четыре основных блока.

I. Потери основных фондов промышленности: металлорежущие станки (ед.) — 175 тыс.; молоты и прессы (ед.) — 34 тыс.; врубовые машины (ед.) — 2,7 тыс.; отбойные молоты (ед.) — 15 тыс.; электростанции (мощность кВт) — 5 млн.; доменные печи (ед.) — 62; мартеновские печи (ед.) — 213; ткацкие станки (ед.) — 45 тыс.; прядильные веретена (ед.) — 3 млн.

II. Потери производственной базы сельского хозяйства: лошади (голов) — 7 млн.; крупный рогатый скот (голов) — 17 млн.; свиньи (голов) — 20 млн.; козы и овцы (голов) — 27 млн.; тракторы (ед.) — 137 тыс.; комбайны (ед.) — 49 тыс.; зерновые тракторные сеялки (ед.) — 46 тыс.; молотилки (ед.) — 35 тыс.; животноводческие постройки (ед.) — 285 тыс.; плодовые насаждения (га) — 505 тыс.; виноградники (га) — 153 тыс.

III. Потери инфраструктуры транспорта и связи: железнодорожные пути (км) — 65 тыс.; паровозы (ед.) — 15,8 тыс.; вагоны (ед.) — 428 тыс.; железнодорожные мосты (ед.) — 13 тыс.; суда речные (ед.) — 8,3 тыс.; телеграфные и телефонные линии (км) — 2078.

IV. Потери жилого фонда: жилые дома в городах (ед.) — 1 209 тыс.; жилые дома в сельской местности (ед.) — 3,5 млн.

Материальный ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками СССР, по расчетам упомянутой выше Чрезвычайной государственной комиссии, составил около 30% его национального богатства, а в районах, подвергшихся оккупации, — около 67%.

Прямой ущерб СССР был оценен в 679 млрд. советских рублей (по ценам довоенного 1940 года). Французский экономист А. Клод сделал сравнительные оценки прямых экономических потерь (разрушение и хищение имущества) по основным воюющим странам. В ценах довоенного 1938 года они составили по Советскому Союзу 128 млрд. долл., по Германии — 48 млрд. долларов. А вот у наших союзников они были следующими (млрд.

долл.): Британия — 6,8; Франция — 21,5. У США потери были очень незначительными (измерялись не миллиардами, а миллионами долларов). Еще имеется оценка по Польше — 20,0 млрд. долл. Хотя суммарных стоимостных оценок прямого ущерба по всем странам, втянутым в войну, нет, однако можно смело утверждать, что на Советский Союз пришлось не просто «больше половины» (как пишут некоторые журналисты), а львиная доля суммарного прямого материального ущерба.

Теперь о военных расходах (первой составляющей «цены войны»). Здесь наиболее полными и надежными являются оценки западногерманского экономиста Б. Эндрукса, который постарался привести бюджетные расходы на военные цели воюющих стран к «общему знаменателю» в долларах США (в ценах военного времени и по валютному курсу 1938 года). И вот какие цифры получились (млрд. долл.): СССР — 357; Германия — 272; Великобритания — 120; Франция — 15; США — 275; Италия — 94; Япония — 56. Итак, на антифашистский блок пришлось 767 млрд. долл. А на страны «Оси» — 422 млрд. долл. Явное преимущество на стороне антифашистского блока. В этом блоке на СССР пришлось 46,5%.

Если просуммировать военные расходы и прямые материальные ущербы стран-участниц Второй мировой войны, то мы получим следующие значения «цены войны» по основным участникам (млрд. дол.): СССР — 485; Германия — 320; Великобритания — 126,8; США — 275. В «большой тройке» антифашистского блока на Советский Союз пришлось примерно 55% суммарной «цены войны», а на англосаксонских союзников — остальные 45%. И это при том, что в «цене войны» не учтены косвенные потери (непроизведенные товары и услуги). С их учетом доля СССР в суммарной «цене войны» «большой тройки» антифашистского блока была бы намного выше.

Еще на Ялтинской конференции в 1945 году И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль обсуждали вопрос о возможной величине репараций, которые Германия заплатит победителям, и о распределении этих репараций среди стран-победительниц. Сталин проявил невероятное благородство по отношению к Германии, заявив, что ей следует определить общую сумму репараций в 20 млрд. долларов (вспомним, какое непосильное бремя репараций Лондон и Париж возложили на Германию на Парижской мирной конференции 1919 года). И одновременно он проявил невероятную щедрость в отношении союзников, сказав, что Советский Союз рассчитывает лишь на 50 процентов указанной суммы. На потсдамской конференции эти предложения Сталина были уже оформлены как решение. Увы, сегодня это благородство и это великодушие Москвы Западом начисто забыты.

ПЫШКА

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Из промороженной глубины хребтов надвигалась буря. Деревья зашевелились, раскачиваясь из стороны в сторону, словно пьяные. Ветер, задирая юбки елей, сбрасывал снег, завывал голодным зверем в сухих дуплистых стволах. Тайга грозно рокотала. Даже кряжистый кедр заскрипел узловатыми суставами.

Не выдержав очередного яростного натиска, подкреплённого мощным снежным зарядом, он затрещал и со стоном стал крениться к земле. Пытаясь устоять, судорожно цеплялся ветвями за обступавшую его молодёжь. Но кто удержит такую махину? Круша всё на своём пути, старец с горестным стоном рухнул на пухлую перину и затих, наполовину утонув в ней.

Много ветровалов и гроз пережил лесной великан и вот распластался с надломленной вершиной у ног молодых собратьев. Не успела снежная пыль осесть, как из бурелома вынырнул и покатился к скалам, похожий на маленького медвежонка, мохнатый, пышный шар — росوماха Пышка. Ночная

ПРОЗА

охота у неё не задалась. Пробежав до утра, она так и не встретила ни одного свежего следа, не выловила в струях ветра ни единого запаха. А грянувшая непогода делала продолжение поисков и вовсе бессмысленными.

Росомаха спешила к логову, устроенному в расщелине скалы среди каменных плит неподалёку от горного ключа: пора было кормить детёнышей. На прогалине её чуткий нос уловил соблазнительный аромат рябчика.

Хищница перешла на мягкий, вкрадчивый шаг и, вычислив по сочащемуся из-под снега запаху местоположение ближайшей спаленки, прыгнула. Придавленная лапами курочка не успела даже взмахнуть крыльями. Вокруг тут же вздыбились белоснежные фонтаны от выпархивавших из соседних спален рябчиков.

Через несколько минут от неё осталась лишь кучка перьев. Случайный завтрак так взбодрил Пышку, что она несколько раз перекувыркнулась на бегу через голову.

Вот и приметная расщелина. Тут тихо: отвесные стены надёжно ограждают от снежной круговерти. Раскидав широкой лапой нападавший перед лазом снег, Пышка проползла по длинному каналу в логово и, призывно урча, легла на тощую подстилку из полуистлевших листьев и мелких веток. Она так устала, что только в первые минуты чувствовала, как заелозили по её животу, лихорадочно работая лапками, оголодавшие малыши. Когда они, наконец, припали к соскам, её окатила волна блаженства, и мамаша задремала...

Проснувшись, Пышка осторожно освободилась от зарывшейся в густую материнскую шубу ребятни и выбралась из логова. Жмурясь от слепящего света, росомаха осмотрелась. Белая лента речушки в лучах солнца искрилась мириадами крохотных бриллиантов. Тайгу после бури было не узнать. Повсюду валялись обломки веток; во впадинках и ямках желтели груды непонятно откуда взявшихся сухих листьев.

Над головой протрещала, здороваясь, сойка. По извилистому руслу тянулась вверх по течению строчка из округлых следов длинноногого самца рыси. Росомаха вспомнила, как она, ещё брюхатая, отняла вместе со своим косматым кавалером у этого кота зайца. Поначалу крапчатый сосед грозно шипел и щерился, но стоило её угрюмому спутнику обдать его мускусной струёй, как тот, морщась от едкой, перехватывающей дыхание вони, отскочил и, делая вид, что вовсе и не голоден, удалился.

Но сегодня иная ситуация: Косматый уже неделю как пропал. Теперь она охотится и смотрит за детёнышами одна. Интуиция подсказывала, что в исчезновении супруга повин-

ны прямоходящие с Большой реки — оттуда несколько раз доносился несущий смерть гром. Пышка однажды даже видела, как с помощью такого грома люди издали остановили громадного лося.

Может, пойти за крапчатым? Вдруг опять что-нибудь перепадёт. За скальным прижимом след рыси свернул в круто взлетающий боковой распадок. Пышка зашла было в него, как сзади раздался непонятный гул. Хищница остановилась. Гул усиливался. Выскочив из-за прижима, она увидела, что с гребня отрога катится, вскипая белыми бурунами, ломая как спички деревья, снежный вал.

— Малыши!!!

Высоко вскидывая зад, росомаха кинулась к логову. Но вал уже накрыл долину многометровой толщей снега. Местность так изменилась, что Пышка только по торчащим макушкам скал, обрамляющим расщелину, определила, где находится её логово. Росомаха забегала по бугристой мешанине, пытаясь уловить запах или услышать писк детёнышей. Единственное, что удалось ей вынюхать и раскопать, работая не только когтистыми лапами, но и зубами — это измочаленного зайца.

К утру были сломаны о впрессованные в снег камни и сучья несколько когтей, разодрана до крови кожа на лапах. Но больше она ничего не нашла. Обессиленная мать задремала в одном из раскопов.

Разбудило её бьющее в глаза солнце. С трудом поднявшись на кровоточащие лапы, Пышка оглядела снежную кашу, покрытую оспинами вырытых ям. Где-то под этой толщей её малыши! Глаза росомахи наполнились тоской: она понимала — их уже не спасти. Тем не менее, всё ещё надеясь на чудо, несколько раз кругами обошла полузасыпанные скалы, и, ничего не вынюхав и не услышав, побрела прочь, оставляя на снегу алые капельки.

От нервного потрясения росомаха бездумно шла и шла, наращивая скорость, словно куда-то опаздывала. Широкие, покрытые жёстким волосом лапы были идеальными снего-ступами. Молочные соски распирало от прибывающего молока. (Эти болезненные ощущения продолжались ещё пару дней: пока молоко, наконец, «не перегорело».)

Крутые склоны очередного ущелья сходились всё тесней и тесней. Соединившись, в конце концов, они вывели росомаху на водораздельный гребень. Ветер срывал с него снежную пыль. Искрясь на солнце, она тянулась в воздухе полупрозрачным шлейфом. Перед Пышкой открылась широкая лесистая падь, упирающаяся в смазанные дымкой хребты. Самый ближний, изрезанный мазками каменистых обнаже-

ний и осыпей, выделялся массивной, похожей на гигантскую нахохлившуюся куропатку, горой.

Местность малознакомая, но тёмные, посеребрённые снегом склоны, витиеватые змейки речушек, торчащие там и сям скалы, напомнили ей прежний участок. Пышка понеслась равномерными махами вниз, взбивая снег и наслаждаясь скоростью.

Впереди с дерева посыпалась снежная кухта. Росомаха остановилась. Всё в ней замерло кроме глаз, прощупывающих кроны. Ах, вон оно что — в ветвях мелькали белочки в тёмно-серых шубках с чёрными пушистыми хвостами. Хищница стала наблюдать за весёлой компанией в надежде, что кто-нибудь спустится на снег. Проворные зверьки долго и беспорядочно носились по ветвям кедра, играя друг с другом.

Но вот они, наконец, прервали беготню и, закинув на спину хвосты, разбежались по кудрявым вершинам с темнеющими кое-где пучками шишек и принялись деловито шелушить их. Расправившись с одной, принимались за следующую шишку. На снегу валялось множество голых стерженьков и ещё больше чешуек. Неугомонные хлопотуньи и не думали спускаться. Временами они поворачивались друг к другу и начинали «беседовать»: звонко цокали, цвиркали.

Разочарованная Пышка побежала к речке. Под обрывистым берегом, на быстротечье, густо парила полынья. Подойдя к дрожащей от напора воды закраине, стала всматриваться в прозрачную черноту. Заметив тёмную спинку хариуса, напряглась и, как спринтер на старте, подалась вперёд. Молниеносное движение когтистой пятерни — и хариус с веерообразным спинным плавником, сияющим всеми цветами радуги, забился на снегу. Отталкиваясь хвостом, он чуть было не соскользнул обратно в полынью: росомаха едва успела накрыть его лапой...

Подкрепившись, она продолжила рыбалку. Однако стайка была уже настороже, и Пышке удалось выхватить ещё лишь одну беспечную рыбёшку. Хрумкая её, боковым зрением засекала промелькнувшего на белом фоне тёмного, с длинным туловищем, зверя. Повернула голову: «Выдра! Это интересно».

«Родственница» подбежала ныряющими прыжками к противоположному краю полыньи и бесшумно соскользнула в воду. Пышка же продолжила знакомство с новым участком. На пологом склоне она наткнулась на непрерывно тянущуюся парную борозду. Росомаха знала, что такие следы оставляют только люди, и они таят опасность, но поскольку бежать по ним значительно легче, она перескочила на лыжню.

Дед Ермил неторопко обходил на окамусованных* лыжах Дальний путик**. Как и подобает промысловику, одет он был легко, тепло и удобно: ничего не висит, ничего не задевает. На ногах — кожаные олочи, похожие на лапти, сшитые из прочной шкуры сохатого. Поверх штанин суконная «труба», привязанная полосками сыромятины к поясному ремню. Куртка — обрезанная солдатская шинель. Сзади трусила на поводке рыжеватая лайка.

Охотник то и дело с грустью поглядывал из-под седых, сурово сдвинутых бровей на забрызганный солнцем лес, сопки, распадки, безлесый купол горы, которую в деревне из-за не тающей даже летом снежной шапки, именовали Сахарной головой. Через неделю закончится промысловый сезон, и он покинет эти места до осени. А может, и навсегда: как-никак разменял восьмой десяток.

Из-за болей в спине и прострелов в левую ногу он в эту зиму большую часть сезона провалялся в зимушке. Порой было так худо, что за дровами на карачках выползал. Оттого и пушнины кот наплакал: четыре соболя и две норки — харчи не окупить.

Одно утешало старого промысловика: на лабазе почти сотня тушек беляков. Слава богу, зайцев нынче прорва. (Лето выдалось благоприятным и во всех трёх помётах большинство зайчат выжило.) Снег вокруг иных поваленных осин — заячьих столовых — до того истоптан, что по нему можно было шагать не проваливаясь. Старик, ставя петли на тропах и сбежках, каждый день по два-четыре беляка снимал. Ружьишко пускал в дело лишь тогда, когда сами набегали.

Доставшийся от отца участок он за пятьдесят с гаком лет исходил вдоль и поперёк. Здесь ему знакомо каждое дерево и каждый камень. Сызмальства повадился: как выдастся свободный день, так с отцом в тайгу. Такова уж натура. А что поделаешь с натурой-то? На промысле он не только не тосковал о семейном уюте и удобствах жилухи, а даже наоборот, отдаваясь всем сердцем во власть древнейшей страсти — охоте, забывал и о жене, и о доме.

— Эх! Было времечко, по сорок вёрст за день по целине хаживал, ещё капканы успевал ставить! Как же я буду без этих сопок, распадков, ручьев?! — сокрушался Ермил Фёдорович.

От грустных раздумий его отвлекла большая синица. Радуюсь первому теплу, пичуга неумоимо звенела серебряным колокольчиком. Её поддержали бойкой трескотнёй белобокие сплетницы-сороки. Эти звуки отвлекли старика от невесёлых дум.

— Чего это они сказать пытаются?

И тут же получил ответ — лыжню пересекли свежие собольи следы.

Чтобы Динка не порушила их, Ермил не стал отпускать её с поводка.

«А соболь-то бывалый — следы путает мастерски!»

Вот он спрыгнул с ели на снег, нарыскал, напетлял, прошёлся по бурелому, сдвоил следы, сделал полутораметровый прыжок на пень, с него — на кучу хвороста, затем взобрался на берёзу и ушёл верхом, перемахивая с ветки на ветку.

Теперь только по осыпавшейся хвое да мелким сухим веточкам можно было определить направление его хода. На свежей пороше эти посорки были хорошо заметны. Вскоре следы опять вернулись на лыжню. Между стволов мелькнула и тут же исчезла в ложбине коричневатая шубка. Промысловик мгновенно превратился в зрение и слух: «Неужто нагнал?! Да крупный какой!»

Из-за взгорка показалась «прыгающая» вверх-вниз тёмная спина и прямо на Ермила выбежал косматый зверь размером с собаку. Охотник опешил:

— Ба-а-а-тюшки! Росомаха!

Внешне зверь напоминал медвежонка: приземистое, плотно сбитое туловище, короткая шея, толстые ноги с широкими ступнями. Но, в отличие от топтыжки, шерсть намного длинней и лохматей, а по бокам хорошо заметная золотистая полоса — шлея, дугой окаймляющая тёмно-коричневое поле спины.

— Вот это удача! — возликовал, забыв даже про соболя, старик.

Ещё бы! Меха росوماхи обладает чрезвычайно полезным для шапок таёжников качеством — на нём не оседает иней от дыхания. Последний раз Ермил Фёдорович встречал следы росوماхи лет пять назад. В прежние годы этот зверь был в их краях завсегдатаем: иные охотники за сезон до трёх брали. Но и тогда ему попадались лишь следы, а тут — живём!

— Надо же! Впервой на погляд подпустила.

Промысловику и в самом деле выпала большая удача: увидеть росوماху так близко мало кому удаётся, острый слух вкупе с тонким обонянием помогают этому зверю избегать нежелательных встреч с человеком.

Бежала росомаха несколько боком, плавными скачками. В пышном зимнем наряде она казалась массивной. Более длинные задние ноги делали её фигуру сгорбленной. И трудно было представить, что под внешней неуклюжестью и не-

поворотливостью скрывается гибкое и сильное тело.

Из-за бокового ветра росомаха слишком поздно уловила тягучую едкость табака. Эта вонь заставила её поднять голову. Увидев впереди двуногого и оскалившуюся собаку рыжей масти, она нырнула под согнувшиеся от тяжести скопившегося снега еловые лапы.

Ермил спустил Динку с поводка. Вскоре та забрехала зло, настырно: похоже, загнала на дерево! Точно, вон в развилке чернеет.

Увидев приближающегося человека, росомаха заметалась: то на него зыркнет, то на яростно лающего рыжего пса. Понимая, что двуногий, с тускло блестящей палкой опасней, Пышка спрыгнула с ветки на снежную перину. Динка успела подскочить и хватануть её за ляжку, но тут же отчаянно запричитав, закрутилась на снегу будто юла. А росомаха побежала ровным галопом, почти не проваливаясь, дальше. Иногда она оглядывалась и, как казалось Ермилу, злорадно улыбалась.

Частокол деревьев мешал сделать прицельный выстрел. Расстроенный охотник прикрикнул на собаку:

— Чего спужалась?! Нагоняй давай!

Та, поджав хвост, поспешила возобновить преследование. Однако росомаха не только не прибавила ходу, а, напротив, остановилась, и, повернувшись к лайке задом, задрала хвост. Обрадованная Динка сходу набросилась, но тут же отпрянула. Мотая головой, подняла визг. Вроде как заплакала от обиды и, тыкаясь, будто слепая, в обступавшие стволы, отскачила. Тошнотворная струя мускусной железы угодила ей прямо в морду: бедная собака на некоторое время потеряла зрение и нюх. Пышка же тем временем исчезла в чаще.

— Вот бестия! — ругнулся расстроенный Ермил. — Умеет постоять за себя.

* *К а м у с* — шкура с голени северных оленей, лосей, маралов, изюбрей, лошадей, приклеиваемая к поверхности лыж, чтобы они не проскальзывали обратно при подъёме в гору.

** *П у т и к* — охотничья тропа, на которой устанавливаются капканы и ловушки. Обычно имеют форму замкнутого овала.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

РАССКАЗ

Год мой начинается не первого и даже не 25 января, а только лишь под Сретенье, в середине февраля, в самые рассугробы, разметели. Заглянув в Святцы, бабушка нарекла меня Татьяной, и родные не заспорили, не стали перечить. Склонившись над люлькой, пригляделись к новорожденной получше и обнаружили, что как раз это имечко дитяти и к лицу.

От раннего детства у меня остались обрывочные воспоминания. Вот я просыпаюсь в подвязанной к потолку люльке. Она опущена на такую высоту, что бабушка, сидя за ткацким станом, может в любой момент меня подкачнуть. Копшусь в одеялах, сбрасываю поясок-свивальень. Маме наперекор бабуля почти до двух лет обвязывает меня им, «чтобы статной росла да чтоб сама себя ручонками не будила».

Выбравшись из баек-фланелек, устраиваюсь половчее и дивлюсь, как сноровко управляют-ся бабушкины руки с мельгешащим туда-сюда челноком; как, поддев коготком, выкатывает из плетёной корзины и гоняет по горнице разноцветные шерстяные клубки мой, не знающий ни рода, ни племени, но

ПРОЗА

самый обожаемый друг — Барсик. И вообще — вокруг столько неизведанного, манящего! Да хотя бы дедушкина, недоплетённая со вчерашнего вечера плетушка. Ишь, развалилась в углу хаты, будто барыня!

Печка уже протоплена, позднее утро. С люльки сброшена тюлевая занавеска, и мне хорошо видно, как завтракает печка — мумлит, жуёт широченным беззубым ртом бардовые уголья. Покрякивает и причмокивает от удовольствия, лакомясь, словно ветхая старушонка, переспелыми калиновыми ягодами: и горчит, и вкусно. А может, пожалела бабуля сиротинушку, расщедрилась да моей любимой кашей угостила?

Чую знакомый запах. Каша в нашем дворе знатная, хитрая! На пяти крупах стряпана: тут тебе и маночка, и греча, и рис, и геркулес (как же без него?), и, конечно же, пшено. Маслицем топлёным сдобрено, в печке утомлено, распарено.

Барсик от такого корму уж и в форточку не протискивается. Приноровился, мышатник, как только отвернётся бабуля, он из моей миски хап да хап. Ну не отпихнуть жирнящего!

Григорьевна, я уже знаю, так все мою бабушку кличут, составляет работу, поправляет напыленные по случаю крайних холодов, свостоженные из собачьей шерсти ходоки, и, словно Барсик на своих пушистых лапках-пампушках, отправляется хлопотать у печи. Рогами выхватывает с жару (видать, отбирает у прожоры, а то бы мне и пеночки не досталось) чугунок разомлевшей на сливочках каши. Достает из-под припечки заслонку, прилаживает на загнетку, и, наконец-таки, печища захлопывает неужённый рот. «Сыта, видать, — решаю, — спать отправили. И верно, пусть каша поуляжется, а то не ровён час беда приключится — треснет толстуха. Как же тогда на полатях станем с бабулей сказки друг другу сказывать?»

«Ну, солнышко, пора и подкрепиться». — Григорьевна усаживает меня на колени, натягивает на мои ножонки переночевавшие в печурке, «для сугреву», точь в точь, как и у неё (из пушистой смоляной Полкановой шерсти, только совсем крохотные) вязанки-тапчонки.

Восседаю на высоченном, слаженном дедушкой, липовом стуле. С бортиками-подлокотниками, «чтоб не бабахнулась», с белогрудыми гусями-лебедями по спинке.

Края деревянной ложечки, «любо-дорого поглядеть!», источены, изгрызены моими молочными зубёнками. Пробую на очередной режущийся зубок всё, что попадает под руки. Откапываю рисованных, спрятавшихся под кашей, на дне миски, прониру Патрикеевну и румяного, веснушчатого,

словно бабушкины плюшки, в маковых зёрнышках, Колобка. Кашей замурзано всё, до чего могу дотянуться. Григорьевна неотступно принуждает меня к самостоятельности. Работы и в дому, и на дворе, да и на бакше — неупророт. И побаловала бы внучонку, да когда тут!

А в три года я уже знаю, что, оказывается, у всех людей есть именины. Это такой вкусный праздник. С бабушкиным пирогом, на который раным-ранёхонько, чуть забрезжит, конечно, если детки вчера не капризничали, когда их кормили рыбьим жиром и горькими микстурами, и вообще вели себя хорошо, слетает золотистый, румяный ангелок.

Замечательный праздник — именины! С дедулиной, вырезанной из ракового сучка, дудочкой-свистулькой. Со сшитой мамой на недосыгаемой для меня заветной игрушке — швейной машинке, нарядным, с оборочкой по подолу, платьицем. С папиными новыми книжками про Снегурочку да про зайкину избушку.

С утра бабуля умывает меня водицей из маленькой склянки с Божницы, даёт глоточек испить и важно радуется: «Ну, Солныш ты мой ясный, готовься менины справлять!»

Только много лет спустя узнаю, что в старину Татьянин день называли «Солнышем». Потому и бабушка меня так ласково называла.

А ещё этот праздник известен как Татьяна Крещенская. Дня за окошком ровно на «воробьиный скок» прибывает, но сила солнца уже обретает значение. «Солныш» — так называется самое тёплое место в доме, «к солнцу повёрнутое» — устье печки. Недалеко и люлька моя висит. Бабуля стряпает у печи, и я тут же. В народе считается: рождённая в эти дни одарена светом, крепостью и надёжностью. Какие бы лютые морозы ни стояли, Татьянин день всегда солнечный. А солнце ещё с древнейших времён для славян, особенно для русского народа, имеет священный смысл.

Переступив школьный порог, я чувствую, что бабушка живёт какой-то иной жизнью, чем страна, в которой не только «не помнят Бога», но порою и рода-племени. Она сама, хата её с образами в Красном углу, с запахом елеса от прокопченной лампадки, с тяжелой старинной «Библией» на липовой этажерке, с протяжными-грустными песнями вьюжными декабрьскими вечерами кажутся настолько древними, словно сошедшими со страниц моих любимых сказок.

Из года в год, на Татьянин день, следуя какому-то давнишнему обычаю, везёт она к проруби на деревянных хозяйственных салазках домотканые дорожки, круги-половики, диванные покрывала. Покрасневшими от студёной воды ру-

ками полощет на лютном ветрище своё «тканство», отбивает, колотит их на камушке «как следно» берёзовым, с резными завитушками, валёчком, промытым за несчётные годы до синь-бела.

В этот день она пренебреженно наряжает меня «за-ради менин», но не броско, приговаривая при этом: «Татьяна должна всему и во всём меру чутать». Откуда уж моя родная это знала, один Господь ведаёт.

Говорит Григорьевна всегда уверенно, будто пророчествует. Как сейчас, помню её слова: «Татьяна и каравай печёт, и половики на реке бьёт, и корогод ведёт!»

Греческого бабуля не знала, а имя моё, оказывается, переводится на русский как «Труженица». Вот так удружила! Но родимая, видать, и сама не догадывалась, какую судьбу уготовила любимой внучке с таким именем.

Как бы там ни было, но дорожки и ковры в крещенском снегу в этот день я обязательно, следуя старушкиным заветам, по сей день чишу. Занесу с мороза в дом — и дышится легче, словно хворобы из дому повыбила-повыгнала.

Помнится, у бабули на мои именины была куча примет. Коли солнце красно заходит за лес — к ветру колючему. Снег на Святую Татьяну — быть летом частому дождичку. А уж если солнышко поутру выглянуло да до полудня простояло над деревней — птицы рано возвратятся, весне, знать, дружной да бурной быть.

Мне — восемь. В Татьянин день остаюсь переночевать у бабушки, благо школа рядом, утром можно не торопиться.

Вечером, «справив менины», забираюсь на печь, а уснуть не могу: подарки вспоминаю, бабушку поджидаю. Захлопоталась неугомонная, задерживается где-то.

Лежу-лежу, а её всё нет и нет. Соскальзываю с печи, смотрю: дверь в дальнюю комнату приоткрыта. Подхожу, слышу шёпот: «О, Святая мученице Татиано, прими ныне нас молящихся и припадающих к святой иконе твоей. Молися о нас, рабех Божиих, да избавимся всяких скорбей и болезней душевных и телесных и благочестне проживем в настоящем житии, и в будущем веке сподоби нас со всеми святыми поклониться в Троице славимому Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Любопытство охватывает меня, и я на цыпочках подкрадываюсь к комнате, боясь нарушить бабулино священнодействие, замираю в нерешительности у дверей.

Она стоит на коленях перед иконостасом. Почувяв меня, встаёт, манит к себе. От лампы проникает во все уголки комнаты, просачиваясь сквозь щёлку двери на другую по-

ловину хаты, разливается очень знакомый запах... елейный... родной... бабулин. Перед одной из икон оплавленная свеча.

— Подойди, солнышко, поближе. Это твоя Святая... Татьяна... за тебя со мною просит у Господа денно и ночью, — перекрестившись на образок, вздыхает Григорьевна.

Небольшая в недорогом окладе иконка. Женщина в красных одеждах. В правой руке — крест, в левой — кадило.

— Бабуль, почему она такая строгая?

— Да как же не посуровать, коли житие такое! Кабы завтра тебе не в школу, обсказала б.

— Бабулечка! — подластиваюсь, — проснись, как кличешь, сразу и вскочу.

— Давно думала тебе об ей поведать. Не след — житие своей Святой Заступницы не знать... Ну, смотри у меня, Татьяна! Поутру, чтоб как штык!

Перебираемся на печку. И я слушаю удивительный рассказ о героической христианке.

— Давно это, Солныш мой яснай, было. В чужом городе — Риме... Как читала я в житиях, родилась Татиана в богатой да знатной семье. Отец её аж консулом в ихней империи состоял. Семейство исповедовало веру праведную, потому и дочь свою воспитывали в благочестии, в христианстве. А как возросла девица, надумала замуж не идти. Читала я у Димитрия Ростовского, что за свою добродетельную жизнь поставлена она была диаконисой. Случились в те времена, в году 226, гонения на христиан. Схватили Татиану и привели в храм Аполлона для поклонения ему.

— А кто это, бабуль, почему ему поклоняться-то надо?

— Да, внученька, по ту пору язычников было боле, чем христиан праведных. А энтот Аполлон — бог языческий... Не могла она, знамо дело, этого свершить и вознесла молитву Иисусу Христу, и произошло землетрясение великое. Статуя божка-то развалилася, и храм их рассыпался. В житиях прописано: «Диавол, обитавший в идоле, с громким криком и рыданием бежал от того места, причём все слышали вопль его и видели тень, пронёсшуюся по воздуху».

Бабушка Григорьевна молчит, будто погружается в прошлое.

— Бабуль, а дальше-то что? — тереблю её, увлёкшись преданием.

— А потом... и рассказывать жутко, каким пыткам подвергли Татиану нехристи! Но следы мучений с её тела исчезали, как и вовсе не бывало. К тому ж объявились чудеса!.. Сничтожился в пыль, рухнул — камня на камне не осталось — язы-

ческий храм, усмирится злющий лев, на съедение которому была брошена святая.

— Значит, Татьяна победила всё-таки язычников? — забегаю наперёд.

— Победила, конечно, победила... Духом... Жрецы остригли её, мол, «чтоб не волховала», и заперли в храме главного своего бога, а как возвратились, смотрят: статуя бога разбита, а Татьяна жива, невредима. Не справился их божок с великой верой Христовой!.. Татьяне вынесли лиходеи смертный приговор, и она вместе со своим отцом была усечена мечом. Мученическую смерть приняла 25 января 226 года.

— Бабулечка, что же ты мне раньше не рассказала о Татьяне?

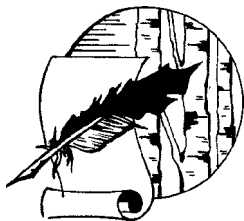
— Как же! Расскажешь тут! То концерт к седьмому готовите, то правила октябрятские учишь...

Так и возрастаю между бабушкиными сказами о житиях Святых и походами с родителями на спевки в колхозный клуб.

А у старушки всё по-прежнему: работа, работа, изредка передышка — великие праздники, потом опять — работа, работа и ещё — каждодневная молитва... за нас всех... — уклад простого русского человека, испокон веков ведшийся на Руси до самого семнадцатого года.

По пути в школу, каждый раз забегаю к бабуле Григорьевне, иногда остаюсь на выходной. Общение, разговоры с ней выпадают целительной росой на мою разгорячённую душу. Хочу того или нет, но слово Божие, благодаря бабушке, оседает и накапливается в потаённых пластах моей детской души, омывает и подпитывает её корни, закрепляется в ней навечно, чтобы не сумела забыть Христово ученье, чтобы когда-нибудь и мои внуки узнали его от меня.

Моей ранней весной мудрая бабушка, несмотря на безбожные времена, умудрилась посеять во мне, словно на нови, на только что вспаханном поле, благодатные семена Православия.

Иван ЩЁЛОКОВ

ПОЮЩАЯ ПАМЯТЬ

* * *

Птица белая. Время чёрное...
Что здесь делаю? Дёрнул чёрт меня...

Что здесь делаю? И по праву ли
Птицей белою душу правлю я?

То ли нё жил я, то ль живу сейчас...
Жил бы, нежился в свой досужий час.

Но пришли горя́, беды прочие...
Голосит заря девкой спорченной.

Над яругами, над болотиной
Вдаль с хоругвями смотрит родина.

Птицей чёрною — время дымное...
Заграничный чёрт до войны довёл.

Мать Божия — птица горняя —
Растревоженной вьётся горлицей

Над Оскол-рекой, по-над Доном ли...
Я и сам такой, обездоленный!

Распростёр крыла в небе родины.
Эх, была ль, не была — целы вроде бы!

Звоны. Благовест... Сердце — птахою...
Лишь поправлю крест под рубахою.

* * *

На русском просторе, на русской дороге...
Александр Нестругин

На русском просторе,
на русской дороге
Ты думай о вечном, ты думай о Боге.
Полно большаков и раздолий на свете,
Но только они не такие, как эти.

На русской дороге,
на русском просторе
Душа закалялась в родстве и раздоре,
И волю крепила водой родниковой,
И силу давала для битвы суровой.

На русском восходе,
на русском закате
Ты помнил о матери, помнил о брате,
Ходил босиком по росистому лугу,
К крыльцу провожал со свиданья подругу.

Поют родники вековечно и звонко,
Кровь предков вливается в жилы потомков...
Все токи едины в любви и тревоге
На русском просторе,
на русской дороге.

* * *

Зачерпни да не бойся,
Из ладоней хлебни...
В роднике, как и в войске,
Дух и воля — сродни.

Ключ струится и бьётся,
С пульсом жил норовит
Силу выплеснуть к солнцу
Через ил и гранит.

Страсть к победе не сгубят
Ни снаряд, ни праща...
Льнут солдатские губы
К родникам, как к мощам.

По всему приовражью
Бой три ночи, три дня...
Родниковая жажда
Русским душам — броня.

* * *

А я опять не ставлю точку,
Опять вопросами живу...
И лишь одно я знаю точно:
Я здесь с тобою наяву.

Коснись губами щёк небритых,
Сдави ладонями виски...
Быть не хочу средь неубитых
Последней точкой от тоски!

На восклицаниях заточен
Столетия реактивный след...
Молю, молю о многоточье
Мгновений вместо лет и бед.

И к тем, кто пал на поле боя,
Ты тоже с точкой не спеши:
Пусть память будет запятою
На тонких линиях души.

ЗА КОМБАТА ЛЁХУ

Когда нам бывает плохо,
Встречаемся по звонку,
Клянёмся не ныть, не охать,
Не нагонять тоску.

Всё сказано, даже слишком.
Всё считано по зрачкам:
И смерть от ракетной вспышки,
И жизнь вопреки врагам.

Всей мощью бывшее сцапав,
Мчит с грохотом порожняк...
Найдём себя по ватсапу,
Простим, если что не так.

Глаза велики у страха.
По спинам ползёт сквозняк...
Клянёмся не ныть, не ахать
И пьём по глотку коньяк.

У сущего нет мгновений,
Чтоб к точке, а дальше — мрак...
Идёт строка в наступленье
На фоне других атак.

А ночью был гром, и бахал,
И бухал, как ушлый чёрт...
Послать бы всех хитрых на фиг,
Да совесть наружу прёт.

Толпятся у врат эпохи
Герои, мерзавцы, чмо...
Мы пьём за комбата Лёху,
За пацанов СВО.

* * *

Через сны мои и бессонницу
Без смущения, без вины
Полночь выстрелит по околице
Раскалённым ядром луны.

Будет свет, как напалм, накрапывать,
Выжигая остатки сна,
Чтобы полночь смотрелась храброю
В стороне, где живёт война.

А на сотни вёрст от околицы
Смерть в ответку пальнёт внахлёт
Бронебойным или осколочным
С приземлением на погост.

Ты, душа моя, в несуразности,
В беспросветности чёрной лжи
Доберись уже по-спецназовски
До сокровищ, где прячут жизнь.

В небе коптеры — словно кречеты.
Над окопом у нас — луна:
Видно, трудно ей рядом с вечностью,
Если здесь, на земле, война.

* * *

Не забывать, не зазнаваться,
Смотреть в окно и видеть свет.
Так день встаёт. Так мысль с абзаца
Рождает книгу и сюжет.

Мелькает день анфас и в профиль
В авто, вагонах, витраже,
Чтобы пройти через Голгофу
Мгновений, прожитых уже.

Сердца впустую не терзайте
Неудовольствием из слов,
Мелькайте в окнах дня, мелькайте —
С торцов, фасадов и углов.

Нам важно быть, а не казаться,
Чтоб отражались на лице
И день, начавшийся с абзаца,
И многоточье на конце.

* * *

Яблоки зреют в саду,
Зреют румяно и зелено.
Будто дозволено, велено,
Зреть им у всех на виду.

В августе с ветки сорву
Это, в полоску, румяное,
Чтоб не свалилось в духмяную
Ночь на траву-мураву.

В пору сентябрьской страды
Снимется то, изумрудное,
Чтоб воробьи баламутные
Не истребляли плоды.

И в предназначенный час
В плотное, серое, рьяное
Вместе с зелёным румяное
Осень упрячет от глаз.

* * *

Октябрь напридумывал время туманов,
Туманов любви и туманов войны.
Дожди по распахнутым душам каштанов
Шагают без всякого чувства вины.

С дождями и я — торопливо-невнятный.
И каждый мой шаг — будто новый фальстарт.
Ах, сколько расколото душ, перемято,
Впечатано в серый холодный асфальт!

Любовь — это сказка, война — это сущность.
А время меж ними — добро либо зло...
На фоне дождей и туманы всё гуще.
С ненастьем и нас не туда повело.

И сердце разбитым каштаном тревожит,
И ищет для счастья надёжный приют.
Но вряд ли увидит и вряд ли поможет
Дождями упрятанный в зонтики люд.

Придумал бы что-то другое, багряный!
Всё меньше любви и всё больше войны...
И падает сумрак на землю каштаном.
И нет ни намёка на чувство вины.

* * *

Дождик ноябрьский — небесный тихоня.
Сеет из тучи без всякого зла.
Я подставляю под капли ладони,
Чтобы тоска не сжигала дотла.

Сей, бедолага! С последним денёчком
Сдует тепло, и присыплет снежком...
Хочешь — целуй эту девушку в щёчки:
Щёчки под зонтиком — кровь с молоком.

Хочешь — томлёную гроздь «изабаллы»
Наземь с лозы оголённой смахни.
Только бы души в нас не перезрели,
Путая вечность и скорые дни.

Стоит замешкаться — мимо проскачут
С ветром залётным мгновенье и век...
Гроздь виноградную рву наудачу —
Самый счастливый в тот миг человек.

* * *

Звени под февральскую замять,
Былинка на синем снегу.
Твой звон — как поющая память,
Где быть я собою могу.

Где мальчик гуляет с девчонкой
Вдоль речки — ладошка в ладонь,
Где выюг серебристые чёлки
Из щёк высекают огонь.

Где он не проронит ни слова
И где не умолкнет она
От счастья такого простого,
Что в мире уже не одна.

И будут былинки шептаться
С обоих речных берегов
О тех, кому только шестнадцать,
В ком чувства правдивее слов...

Года — отзвеневшие льдинки,
А тронь — зазвучат над тобой
И песней февральской былинки,
И голосом девочки той.

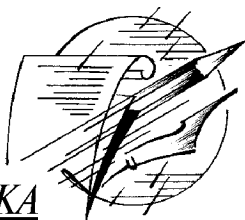
г. Воронеж

ДАВНО НАЗРЕВШИЕ ВОПРОСЫ

Вернуть нашу акваторию!

Как недавно сообщалось, правительство России денонсировало соглашение с Норвегией, Финляндией и Швецией о сотрудничестве в Баренцевом регионе. «В соответствии со статьей 37 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» денонсировать соглашение... о создании Международного Баренцева секретариата в целях развития сотрудничества в Баренцевом/Евроарктическом регионе... и соглашение между правительствами государств-членов... о сотрудничестве в области предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации», — говорится в документе.

В сообщениях информагентств напоминают, что Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) был создан в 1993 году как орган межправительственного взаимодействия в интересах обеспечения устойчивого развития региона, расширения двустороннего и многостороннего сотрудничества в области экономики, торговли, науки и

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

техники, окружающей среды и развития транспортной инфраструктуры.

А почему мы выходим из соглашения со скандинавскими государствами? Тут же уточняется, что в марте 2022-го Норвегия, Финляндия, Дания, Швеция и Исландия, а также Евросоюз объявили о приостановке сотрудничества с нашей страной в рамках этой организации.

То есть, денонсация соглашения с тремя скандинавскими странами со стороны России, так сказать, носит технический или вынужденный характер. Не Россия инициировала ущербное и странное соглашение, а действия Запада просто заставили это сделать.

И тут возникает весьма интересный вопрос. А не в развитие ли этого милого соглашения с Норвегией, Финляндией и Швецией о сотрудничестве в Баренцевом регионе, датированного 1993 годом, затем был принят скандальный договор России с Норвегией «О разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане»?

Президент России Дмитрий Медведев и премьер-министр Норвегии Йенс Столтенберг 5 сентября 2010 года подписали договор «О разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане». А 25 марта 2011 года Государственная Дума 5 созыва усилиями депутатов Единой России одобрила закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств...» Против ратификации договора — 57 членов нижней палаты парламента. Члены фракции КПРФ проголосовали «против», а представители «Справедливой России» и ЛДПР также высказывались против, но не голосовали. Подписав договор о разграничении на норвежских условиях, Россия не только потеряла около 80 тысяч кв. км, но и поставила под угрозу российское рыболовство в западных районах Баренцева моря. 30 марта 2011 года Совет Федерации ратифицировал договор между РФ и Норвегией о разграничении пространств в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. Как отмечалось, ратификация прошла, можно сказать, под грифом «секретно». Впервые за последние годы об этом не сообщили центральные СМИ.

До этого около 60% всего российского улова в Баренцевом море добывалось в районах, которые договор отдал под юрисдикцию Норвегии. Потерян огромный рыбный и иной промысловый потенциал. Речь идёт об акватории площадью около 240 тысяч квадратных километров. Нельзя забывать и о

том, что заключение этого договора — колоссальный шаг укрепления НАТО и наращивания давления на Россию. Кстати, Йенс Столтенберг, принявший такой подарок Медведева, успешно стал в 2014 году генеральным секретарем НАТО со всеми исходящими отсюда выводами...

Кроме этого, совершенно верно констатировалось, что Медведев подарил норвежцам море нефти. В Норвегии в 2013 году была прямо-таки общенациональная эйфория. На части шельфа Баренцева моря, которую уступили Норвегии в 2010 году, нашли углеводородов на 30 млрд. евро. Но о залежах нефти, газа и иных природных богатств в этом регионе было прекрасно известно со времен разведок советских геологов...

И как назвать этот акт, совершённый Д. Медведевым и в целом российской властью?!

Сейчас первый заместитель председателя Военно-промышленной комиссии и заместитель председателя Совбеза России Дмитрий Медведев любит делать весьма жёсткие заявления в адрес киевской хунты и «цивилизованного Запада». А не хочет ли Дмитрий Анатольевич пояснить, как стало возможным, что он подписал этот порочный договор? О чём он тогда думал? О России? Или об интересах «наших партнёров»? Почему за здорово живёшь разбазаривалось национальное достояние? И почему мы, представители общественности, знали в «лихие 90-е», затем в «нулевые» и «десятые» годы, что «партнёры» никакие нам не партнёры, а откровенные враги. А вот «профессиональные» руководители страны тогда об этом «наивно» не догадывались? Как так получилось?!

И ведь никто из российской власти, да и из официозных институтов, «аналитиков» и «экспертов», на серьёзном уровне не поднимал и не поднимает сейчас вопроса о денонсации этого странного договора России и Норвегии. Вернее, периодически и слабенько этот вопрос возникает на околоставном уровне, но как-то быстро из раза в раз вновь уходит в песок. Что, боимся обидеть Запад? Они, враги, значит, не боятся поставлять дальнобойные ракеты киевской хунте и страшать Россию своей экспансией. А мы всё «выдержку», «скромность» и «тактичность» проявляем...

Если соглашение от 1993 года, где речь идёт об умирительных «дружбе и сотрудничестве» и набившем оскомину каком-то «устойчивом развитии» в Баренцевом море, скандинавы сами изничтожили, потому как оно уже выполнило свою роль, и из него в деле грабежа России больше выжать ничего нельзя, то ждать от Норвегии, что она станет инициатором

денонсации договора 2010 года «О разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане», разумеется, не приходится.

Значит, казалось бы, нужно Норвегию просто принудить к возвращению акватории, то есть — со стороны России нужно для начала разорвать прежний договор 2010 года о разграничении морских пространств в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане.

Но Россия, как всегда это было с 1993 года, стесняется оберегать, брать и возвращать своё. Власти молчат по данной проблеме. В том числе и те, для кого решение этих вопросов является их работой. А Запад «благодарит» за это, диктует в таком режиме всё новые и новые свои санкции, «условия» и «ультиматумы». Уже заявляют, что Калининградская область должна вернуться в «цивилизованную Европу».

Само собой напрашивается то, что в развитие денонсации соглашения со скандинавскими странами 1993 года о сотрудничестве в Баренцевом регионе нужно ставить вопрос о денонсации порочного договора с Норвегией 2010 года «О разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане». Кроме следования принципу справедливости и возвращения русских природных богатств, денонсация стала бы актом давления на европейские страны в условиях, когда они нагледят по т.н. Украине и собрались направлять туда свои войска.

Заодно и Трампу сделать предложение: «Дональд Фредович, хочешь Гренландию? Так мы тебе поможем, в ООН поддержим. Только дай своим шавкам в Европе команду, чтобы акваторию Баренцева моря вернули России. Хотелось бы нам подобру-поздорову этот вопрос решить...»

По «сделке» между Россией и Норвегией 2010 года в очередной раз приходится констатировать, что территории и акватория в Баренцевом море, которые должны были бы добавлять потенциал нашей стране, работают в результате таких «договоров» на врага.

Это будет продолжаться?

Вновь повторю то, о чём писал неоднократно. В 2022 году было зафиксировано преступлений, совершённых иностранными гражданами, почти в три раза больше, чем в 2021 году. Число преступлений, совершённых нелегалами в России в 2023 году, также было более чем в три раза выше показателя предыдущего 2022 года. А ещё в октябре 2024 года Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин

сообщил (и какое совпадение!) вновь о трёхкратном росте числа преступлений нелегальных мигрантов в 2024 году по сравнению с аналогичным периодом 2023 года.

Вот такая прогрессия! Этнопреступность растёт, как на дрожжах, в три раза (!) каждый год, а органы государственной власти на это почти никак не реагируют.

В январе 2025 года было зарегистрировано 462 преступления террористического характера, что более чем на 168% больше, чем за январь 2024-го. При этом более чем в два раза выросло и число преступлений экстремистской направленности. За счёт чего это происходит? За счёт трехкратного из года в год прироста этнических преступлений. Как пишет «Царьград», надо ли говорить, что и 1 процент мигрантов в числе осуждённых по такой тяжёлой статье (террористической) — это слишком много. А тут целых 19%. При этом следует понимать, что, как правило, террористы-мигранты обзаводятся гражданством России и в «мигрантскую» статистику по преступлениям просто не попадают. Вспомним «Крокус», где у части террористов из Таджикистана были русские паспорта, что не помешало им потом на суде запросить себе переводчиков. А террорист, получается, может скрываться где угодно, быть доставщиком еды, курьером, поваром в ресторане узбекской кухни.

Вопрос беспредела мигрантов, наведения порядка в миграционной сфере должен бы стоять первым в повестке дня правительства и администрации президента, ГД и СФ Федерального Собрания. Должен бы стоять, но не стоит.

Недавно созданная Указом президента В.В. Путина в МВД «Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранцев» пока никак не обнаруживает своего существования. Что она есть, что нет. И напрягает то, что служба создана в системе МВД. Неоднократно обращал внимание на профанацию борьбы с миграцией со стороны МВД и министра Колокольцева. Нужна самостоятельная служба по этим вопросам, а не подчинённая МВД. Насколько можно понять, с образованием Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранцев сохранено Главное управление по вопросам миграции МВД России, его продолжает возглавлять Валентина Казакова, та самая, которая прежде заявляла, что преступления мигрантов против русских «выдуманные истории». Как эта «система» при МВД будет работать? Наверное, так же, то есть — никак.

Факты множатся резонансных и наглых преступлений террористического и экстремистского характера, преступлений против русских перечислять надоело, да всё и не пере-

числишь. Чуть ли ни каждый день сообщается о продолжающихся и усиливающихся русофобских заявлениях представителей среднеазиатских диаспор в России, о каких-то киргизах в какой-то бане в Москве, в которую вход русским был запрещён, о моельных мусульманских комнатах (или домиках) на детских площадках в той же Москве, не говоря уже об актах оскорбления и насилия над русскими. Просто противно перечислять всё то, чего не должно было бы быть априори в нашей стране.

А сколько в России было, скажем, пожаров за последние три года, доподлинные причины которых неизвестны или стыдливо умалчиваются? Например, пожар в январе прошлого года на складе Wildberries в Шушарах под Петербургом, нанесший урон более чем в 11 миллиардов рублей. Одна из версий — «занесение огня извне неустановленными лицами». Давно уже фиксируется, что по всей России участились случаи подозрительных пожаров, причём на очень больших площадях — горят здания культуры, научные центры, предприятия ОПК, торговые центры, рынки, складские помещения и другие объекты. Есть основания полагать, что это — поджоги агентурой врага или южными мигрантами, наполняющими просторы России вследствие непрекращающихся миграционных потоков. Впрочем, то и другое очень даже связано между собой. ЦИПсО и ВСУ весьма несложно находить исполнителей и подельников своих преступлений среди армии мигрантов в России.

Вот и из пожара в Хабаровске 2 октября прошлого года выводы, судя по всему, не сделаны. Спалили уникальный и красивейший музыкальный театр в этом городе. Никаких выводов, похоже, не сделано, если пожары продолжают.

Пожары и поджоги, разумеется, не единственные следствия политики «открытых дверей» для всех южных и восточных мигрантов. Куда более значимыми рисками являются террористические и экстремистские проблемы, напрямую угрожающие самому существованию страны, беспредел нацменских ОПГ и этническая преступность, геноцид русских на своих же территориях. Да что там выводы по Хабаровску! Выводов по «Крокусу» до сих пор никаких не сделано.

Вот факт очередного теракта в России с участием «ценного специалиста» из Средней Азии по образу и подобию с «Крокусом», к счастью, с пометкой «предотвращённый». Спецслужбы обезвредили предполагаемого террориста в тот самый день (16 апреля), когда он намеревался устроить бойню на концерте популярного комика и телеведущего Павла Воли в Пятигорске.

Мигранты собирались атаковать нефтехимический завод дронами со взрывчаткой. Как констатирует политический аналитик Алексей Иванов, теракт в Нижегородской области планировался при координации со стороны бандеровских спецслужб. Трогательное единение — что сегодня уже привычно — украинских нацистов и среднеазиатских ваххабитов. На этот раз теракт удалось предотвратить: террористы открыли огонь и были ликвидированы силовиками.

Следственный комитет, ФСБ, иные силовые службы делают многое, что в их силах. Но если бы поток потенциальных преступников исчислялся хотя бы тысячными значениями, то его можно было бы купировать правоохранительными органами. Но речь давно идёт о миллионных, десятиллионных потоках мигрантов. И речь идёт о бездействии и непринятии мер со стороны федеральной законодательной и исполнительной власти.

И сколько это будет продолжаться?

«НЕ БОЛЬНИЧНЫМ ОТ ВАС УХОЖУ КОРИДОРМ...»

РАССКАЗ

С. Б.

Ирка шла по узкой асфальтовой полосе тротуара, как по болоту: опустит стопу и настороженно пытается понять, не опасно ли на неё перенести всю тяжесть тела.

— Ноги будто ватой набиты, иногда совсем их не чувствую. — Она посмотрела на меня так, словно в чём-то была виновата. Ей надо было сразу взять меня под руку. А я только на улице догадался предложить. Не думал, что за те четыре месяца, что я её не видел, ей станет только хуже...

Мы вместе поступали в Политехнический институт и оказались в одной группе. В начале девяностых уже стали отменять обязательное распределение. Работай где хочешь и кем хочешь. Я получил диплом, Ирка из-за болезни нет. Она не появлялась на лекциях с начала марта. Зрение упало резко и неожиданно. Однако меня настораживало не это, а таблетки — горошины сернисто-жёлтого цвета. Я сам с глубокого детства носил очки, близорукость развивалась стремительно, но мне кроме витаминов ничего не прописывали. Иркина мать заказывала это драже в медицинском кооперативе. Недавно, в 1988

ПРОЗА

году, вступил в силу закон «О кооперации», и частных лавочек, в том числе медицинских, расплодилось пруд пруди. Считалось, самостоятельная практика — хороший способ заработать для опытного врача, которому ничего не платит плохое советское государство... Но у меня был распространённый дефект зрения: изображение фокусируется не на сетчатке, а перед ней, и предмет видится размытым, а у однокурсницы «забарахлил» глазной нерв. Так она объясняла, не вдаваясь в подробности, и я в какой-то момент поверил, что это поправимая «техническая неполадка»...

Коллектив держится общим делом. Когда единая цель достигнута, он распадается. Так и мы, окончив институт, мало-помалу утратили друг с другом связи. Нам было чуть за двадцать. Но тогда шёл только первый год, как завершилась учёба (выпускные экзамены Ирка не сдавала), и было ещё памятно то, что нас объединяло. Я не работал. Делать нечего. Лето, июль. Позвонил Ирке. Хотелось узнать, как она. Ведь рядом за столом сидели. То, что мной двигало, можно назвать обычным интересом, чисто приятельскими отношениями, не больше. Я ничего не знал о том, что ходить она может только медленно, а что глаза и ноги как-то связаны — представить не мог. Таких недомоганий не было ещё весной.

К Ирке надо было ехать в Голтяево, всего минут сорок от областного центра. Бывшее село стало крупным посёлком; здесь работали три завода, на одном выпускали стройматериалы: щебень, облицовочную плитку, тротуарные бордюры, на других полиэтиленовые трубы и фильтры тонкой очистки воздуха. В начале восьмидесятых выросло несколько пятиэтажек из силикатного кирпича. Ирка жила в одной из них на втором этаже. Прогуляться предложила она.

Помню, в одном из дворов стояла скамейка без спинки. Я тогда курил. В киосках ещё свободно продавался «Казбек». Пачку помнят все, кто застал то время: чёрный силуэт всадника в бурке на фоне горы. Сигаретный кризис 1990-го, когда с прилавков исчез весь табак, грянул чуть позже.

— Дай и мне, — вдруг попросила Ирка.

Случалось, она курила, но разве за компанию с другими девчонками и, конечно, что-нибудь полегче вроде болгарских сигарет «Родопи» или «Опала». Их было завались. Я опешил.

— Это ж папиросы!

— И что?

— Крепкие.

— Ничего. Дай!

Я выудил из пачки папиросу.
— Спички.
— Сейчас зажгу.
— Не надо. Сама... Дай сюда коробок.
Я пожал плечами.
— На.

Ирка чиркнула спичкой, но слабо, наверное, держала, потому что сразу выронила её. Достала вторую. Я помню её лицо. Оно стало сосредоточенным и напряжённым. В её полуслепых сощуренных глазах вспыхнула искорка, но тут же погасла, когда спичка сломалась. Ирка полезла за третьей. Пальцы у неё почти не сгибались. Она смотрела куда-то мимо спички и, я думаю так сейчас, не видела её. Я вздрогнул, потому что понял — не курить ей нужно; зажечь спичку — значит взять назад у болезни то, что некогда она отобрала, хотя бы послушные руки, ощутив себя наравне со мной.

Третья спичка упала Ирке на самый носок туфельки. Она извлекла четвёртую. На скулах и щеке, до этого бледной, выступил румянец.

— Остановись, — одёрнул я и отнял коробок. Ирка отдала его без сопротивления. Она уже сама убедилась, что ничего не выйдет.

— У тебя и с рукой что-то, да?

— Как воздухом изнутри накачана. Пальцы еле работают.

Перед очевидным бессилием сделать что-то самое простое Ирка не смогла сдержаться. Расплакавшись, она упала на моё плечо. Последняя воля к борьбе её оставила. Мы долго сидели молча. Я резко сжал кулак и смял полупустую папиросную пачку в комок. Ирка размазывала кулаком тушь возле глаз. Я чувствовал, что говорить ничего не надо, что я одновременно и лишний, и должен быть рядом...

На обратном пути она обмолвилась, что мать выходит замуж в Москве, и было непонятно, как сама Ирка относится к этим семейным переменам. Она говорила совершенно равнодушно. Мать собирается перевезти её, там, дескать, можно найти врача, который способен помочь. Местные до сих пор не поставили диагноза. Я не слишком смутился: Москва не край света, три часа туда и три обратно и, если поехать, за день обернуться можно. Совсем другое дело — лечить человека, не зная от чего.

В следующий раз меня вытащила к Ирке однокурсница. У нас на конструкторско-механическом факультете девушки дружили тесно, их было раз-два и обчёлся. В этот день мы никуда не ходили, сидели на кухне в квартире. Ирка подарила мне книгу.

— Почитай, тебе понравится, — заверила она. Кажется, я молча кивнул: мол, не спорю. Задавать вопросы, о чём это, что тут интересного, показалось неудобным.

— Хорошая книга, — настояла Ирка.

Она была карманного формата. На обложке нарисованы дома, высокие и низкие, тесно прижатые друг к другу, с плоскими крышами и очень узкими окнами. Сплошные прямые линии, сплошные стены — мрачно-оранжевые, залитые заходящим солнцем, с чёрными точками кирпичной кладки. Пожарная лестница, погашенный фонарь на стене, козырёк подъезда, балкон. Вдали художник изобразил купол собора, а внизу, на первом плане, старый легковой автомобиль со слепыми фарами. Под ним стояла фамилия автора и заглавие: Елена Кироба, «У каждой улицы своя жизнь». Это имя мне ничего не говорило. Аннотация извещала, что, «рассказывая о сложных взаимоотношениях героев, автор воссоздаёт духовную атмосферу Испании 1950-х годов». Дома я убрал книжку в ящик письменного стола. Читать не стал. Я вообще не понял, зачем мне эта «атмосфера»...

В августе я снова позвонил в Голтаево. Трубку сняла Иркина сестра. Она поведала, что мать возила её недавно в церковь креститься, потому что уверена: у дочери «сглаз». Это посоветовала какая-то местная бабка-шептуня. Потом Ирка почувствовала себя плохо. Её положили в больницу, но уже на следующий день мать перевезла её в Москву. У той же Иркиной сестры я разведал московский телефон.

Хорошо помню, как я тогда разозлился. Зачем поволокли больного человека в церковь?! Тряска, запах бензина в машине, да и далеко, наверно! Организм слабый, не выдержал. Какие заговоры! Оттого, что больше года не было никаких улучшений, не только эта новая перемена, но вся ситуация с болезнью выходила в моём сознании за пределы реальности. Я вспомнил, как в первый раз приехал в Голтаево, как поднялся к Иркиной квартире. Справа от двери, обитой дерматином, укреплённым крест-накрест мебельными гвоздями с широкими шляпками, располагался звонок. Я надавил на кнопку. Раздалась весёлая мелодия «Калинки-малинки». Такие звонки появились недавно, входили в моду. Этот развесёлый сигнал о том, что кто-то пришёл, и странная болезнь словно подчёркивали: всё происходящее — какая-то нелепость, она должна исчезнуть.

На следующий день я позвонил в Москву. Мать сказала, что Ирка лежит в Четвертой градской больнице. Я ещё переспросил — в городской? Нет — в градской, правильно так. Отчим сумел устроить её туда без прописки, и доехать я

могу на трамвае от метро «Павелецкая». Пятнадцатый корпус, пятый этаж, неврологическое отделение, палата пятьдесят два.

Наш разговор был в понедельник. А в Москву я вырвался в ближайшие выходные. Странное беспокойство испытывал я, пока тянулась эта неделя. Что-то не позволяло мне прекратить отношения — не дружбу, тем более не любовь, не влюблённость... Что это было? Долг, основанный только на том, что некогда мы учились вместе? Так, Боже мой, она в надёжных руках — у отчима со связями! Я буду только под ногами путаться. Но неизвестной связью, как закланием, соединили нас та спичка с папиросой, те слёзы, то доверенное мне как самому близкому человеку страдание. Оборвать её я не находил сил. Почему? Здесь какая-то тайна, которую я до сих пор не понимаю. Человеческие отношения — самая непостижимая тайна на земле.

Прежде чем нырнуть в метро на Киевском вокзале, я посмотрел букет роз. А когда вышел из «Павелецкой» — вот склерозная голова — только тогда вспомнил, что не уточнил, в какую сторону-то нужно ехать трамваем. Стал спрашивать. Никто не знает. Не переходя улицы, я зашагал мимо красной церкви с похожим на старинный шлем куполом. Через минут десять или пятнадцать поравнялся со старинным двухэтажным особняком; по внешнему виду это был некогда купеческий дом, его хозяин решил отличиться: соорудил оригинальную многощипцовую крышу с большой башней по центру; первый и второй этаж разделял выступающий карниз, а два самых крайних окна вверху были обозначены колоннами, которые поддерживали треугольный выступ фронтона. Я заметил незнакомый флаг: три вертикальных полосы — зелёная, жёлтая и красная, а прошагав мимо скучавшего милиционера возле железных ворот у будки, обратил внимание на вывеску. Она сообщала, что здесь располагается посольство Мали. Пока я стоял, раздумывая, куда же я пришёл и что делать, на улицу вышел шуплый африканец с колли на поводке. Чернокожий человек с собакой меня совершенно смутил, хотя прошагал мимо, даже не покосившись в мою сторону. Я подумал: раз тут посольство, то больницы быть рядом не может. Тут всё обязано быть солидным и представительным. Больница — всегда горе, а его надо прятать подальше от таких мест. Мне в противоположную сторону.

Я пересёк дорогу, сел на трамвай. Он и довез меня до четвёртой градской. Водитель объявлял все остановки.

Ирку я отыскал в столовой. То есть, не отыскал, а проходя по коридору, увидел её в полуоткрытую дверь. Она сидела

перед телевизором. Рядом на диване, закинув ногу на ногу, расположилась женщина в бордовом халате. Я зашёл и поздоровался. Ирка обернулась и, уставившись на голос, сильно сощурила глаза, чтобы меня рассмотреть. Я заподозрил, что зрение ещё сильнее упало. Телевизор она тут вовсе не смотрит, а слушает.

— Серёжа, ты?

— Я.

Знакомый мне слабый румянец проступил у неё на лице.

— Пойдём ко мне в палату.

— Пойдём.

В пустой комнате стояло шесть кроватей. Мы сели на вторую постель от двери. Все койки были аккуратно застелены и на тумбочках возле них ничего не лежало. Мне подумалось, что Ирка вообще тут одна. Я достал цветы. Она очень обрадовалась и больше покраснела.

— Это розы?

— Да.

— Спасибо. Я их очень люблю.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ни шатко, ни валко. Дают какие-то таблетки, а уколы мне вообще замучили.

Говорили мы долго. О делах, о бывших однокурсниках, кто где устроился, словом, ни о чём. Что за болезнь, по-прежнему было неизвестно, по крайней мере, ей. Какое-то «нервное расстройство». Так она объяснила. «Понятно, что нервное, — сказал я, — раз отделение неврологическое». Глаза стали видеть хуже, и всё из-за нерва. Сетчатка, хрусталик, сосуды, всё это в норме. Но болезнь странная: то накатит, и лежишь пластом, то отпустит, тогда можно пойти побродить по больничным аллеям. Приступы бывают периодически. Она будто смеётся, болезнь, — накатит, помучит и, успокоившись, притихнет, но не уйдёт. Я заподозрил, что врачи что-то скрывают, или наоборот, Ирка от меня. Но ничего не сказал. Меня почему-то успокаивало, что температуры у неё либо нет, либо очень маленькая, под тридцать семь.

Распахнулась дверь. В палате появились медсестра и милиционер в сбитой набок фуражке, державший под локоть растрёпанную женщину лет тридцати на вид с отёкшим лицом в водянистых буграх и подбитым глазом.

— Ложись вот тут, красавица! — медсестра указала на кровать рядом с Иркиной.

Я заметил, что у Красавицы рваные колготки. На ней не было больничного халата. Юбочка до колен с широкими складками, сшитая так, чтобы создавалось впечатление, буд-

то её легко можно задрать, и синяя блузка с попугаем у правой ключицы, плотно обтягивающая грудь, подчеркивая ее объём. Наверное, не во что было переодеться. Принесут потом что-нибудь...

Красавица легла на одеяло и закрыла лицо обеими ладонями.

— Лишнее с тумбочки убери, — сказала медсестра Ирка.

Ирка взяла маникюрные ножницы возле банки с моими цветами, спрятала в ящик.

И мы остались с Красавицей наедине. Как только милиционер с медсестрой вышли, не отрывая головы от подушки, новенькая перевернулась на бок лицом к нам и спросила громко, в лоб:

— А как вас зовут?

— Ира.

— Сергей.

— А я, значит, Лера. Валерия. Угу. А что вы обо мне думаете?

Вопрос казался неуместным и дурацким, даже не знаю, каким больше. Я пожал плечами.

— Ничего.

— Я не гулящая, — пояснила Красавица, поправляя юбку, — я...

Непонятно было, шутит ли она, играет или говорит всерьёз.

— Три дня мы, понимаете, пили, пили напролёт, а он... он... он...

Лера захлебнулась собственным голосом и театрально вцепилась в волосы. Они были густыми, да и на лицо она бы выглядела симпатичной, если б не побои и всё то, что за эти три дня в неё вливалось. Приступ откровения её не оставил.

— Он в КПЗ, а я здесь!

Посмотрев на Ирку, я с удивлением отметил улыбку, даже интерес. Что-то нежное блестело в её глазах. Так глядят на ребёнка. Моё желание вытащить Красавицу из палаты остыло, и я вдруг отчётливо осознал, что вряд ли это и сделал бы. Меня б самого выперли из отделения. Та же медсестра. Сил хватило бы, руки у неё были вовсе не тонкие. Лера тем временем отпрянула и, оставаясь сидеть, ткнула в меня пальцем, уставившись на однокурсницу. И в этом движении тоже было что-то механическое, отработанное, заученное.

— Простите, мадам, а это — ваш муж?

— Нет, — Ирка замотала головой.

— Значит, лучший друг.

Она привстала. Настроение у новой соседки менялось независимо от воли, и теперь, похоже, её потянуло на лирику.

Опершись на правую руку, она воздела левую к шарообразному, как модель планеты, плафону под потолком и, растопырив пальцы, продекламировала, стараясь криком перебороть всхлипы:

*— Сергей, вы такой нехороший!
Мне горько,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.
Скажите, что с вами случилось?..*

Тут она выдержала паузу и зачем-то пояснила, будто сменив роль, уже скорбно и даже равнодушно:

— Я не гулящая. Я закончила ГИТИС... А заложил нас сосед, который выносил мусор. — И плюхнулась на подушку. Поток откровений, искусственных или нет, непонятно, обессилил её, и это не было игрой.

В коридоре я сказал Ирке, что у новенькой, наверно, сотрясение мозга и неплохо бы попросить врачей перевести соседку в другую палату. Мы спустились и сели на лавочке во дворе. Там через полчаса у Ирки ни с того ни с сего закружилась голова и я проводил её в корпус, до лифта на первом этаже. Прощаясь, она положила обе руки мне на плечи, притянула к себе и резко оттолкнула.

— Я, Серёжа, понимаю, почему ты ездешь... цветы... Хорошо понимаю...

Но я как раз ничего не понимал. Голос её сорвался, она побледнела и уже не говорила, а с натугой выталкивала слова, застрявшие где-то в горле, потом заплакала и отвернулась.

— Я умру, Серёжа...

Она стояла ко мне боком. Я обнял её, погладил по волосам, промямлил: «Ну не реви» и, разумеется, сказал, что она не умрёт, пообещав приехать. А в сердце заворочалась иголка.

Возвращаясь к остановке, я думал о том, что все наши отношения сопровождает череда нелепостей: сама её болезнь в двадцать лет, круглые таблетки из частной лавочки, этот квартирный звонок с развесёлой мелодией, этот негр с шотландской овчаркой, избитая Красавица, наконец, это признание. Она думает, что я в неё влюбился. Нелепо даже то, что я мог подать повод так думать. Должен ли я её разубеждать? Тут не любовь, не жалость, не инерция распавшихся отношений, тут... я даже не знаю что. Ещё одна нелепость.

Я шёл и размышлял, надо ли было вообще её навещать. С другой стороны, что произошло? Я боюсь любви? Так очевидно, что её нет. В глубине души я радовался, что Ирка ошибается. Пусть думает что хочет. Не надо ни в чём её разубеждать, не надо вообще на эту тему говорить.

Месяца через два, когда я позвонил Ирке, узнал, что Крассавицу в тот же день куда-то перевели или вообще увезли из больницы. За ней приходил другой милиционер.

Вскоре подвернулась мне работа в частном туристическом агентстве. Всё смешалось в девяностые годы: отец одного моего знакомого, акушер-гинеколог, начал торговать на городском рынке обувью, рабочий обувной фабрики пёк и продавал ватрушки и слойки, комсомольский секретарь нашего вуза приватизировал макаронную фабрику, спекулянты рвались в депутаты, а актриса драматического театра открыла туристическое агентство. Ей-то меня и «сосватали». Турфирма специализировалась только на Финляндии и называлась «Локки», и это странное слово было единственным, что я знал по-фински. Актрису звали Лариса, на греческом языке её имя означало «Чайка», а «локки» — то же на финском. Мы разработали несколько экскурсий, но люди больше ездили покупать машины, чтобы потом их перепродать. До финских достопримечательностей почти никому не было дела. Скандинавские страны для российского турбизнеса были дороги, желающих мы набирали долго. Я не знал языка, но там у нас работал свой гид-переводчик. Мне понравилась эта страна. Зимой она, как невеста. На Рождество принято ставить на подоконник зажжённые свечи, а уже с октября развешивать белые лампочки на деревьях. Едешь через какое-нибудь село, в каждом окне, на улице — огни. Море мелькающих огней. И снег искрится, как будто тоже по-своему горит. Тысячи озёр, архипелаги на них, нетронутые леса, тундра, перелётные птицы, по весне оглашающие криками сонные шхеры, — страна мне запомнилась своей красотой, но... Агентство быстро прогорело, я снова остался у разбитого корыта.

Ирку, конечно, я навещал очень редко. Каждый раз, когда вырывался, она спрашивала, когда приеду. А я мялся, не зная, что ответить. Работа такая, что ничего планировать нельзя.

Так минул ещё год. Ирку то выписывали, и она находилась при матери дома, то опять клали в больницу. Я не пропадал — так чтоб уж совсем с концами — позванивал. Иногда трубку брала мать. Как из мозаичных стёклышек — одно к одному, грань к грани — складывалась в моей памяти из коротких разговоров история болезни: «левый глаз ещё хуже

стал видеть», «ноги отнялись», «с трудом шевельнуть рукой может»... Болезнь наваливалась и давала передышку, но брала своё. Мать была уверена, рано или поздно всё остановится, но Ирке грозит инвалидность. Спрашивать о диагнозе я почему-то стеснялся.

Последняя наша встреча была в начале августа. Я уже за-был год. Помню, очень жаркий стоял тогда день. Ирку положили в ту же четвертую больницу, в то же неврологическое. Но в бокс, не в палату — тяжелобольная.

Как обычно, я поставил на белый подоконник в литровую банку с водой розы, потом положил на больничную тумбочку целлофановый пакетик с вишнями и немецкую шоколадку «Марс». Присел у постели на стул.

За окном была длинная аллея каштанов. Когда порыв ветра клонил их ветви, то из приоткрытой фрамуги в бокс доносились их шелестящая музыка. Я сидел, слушая одновременно и шум, и Ирку, которая непонятно рассказывала, что раньше, когда она могла немного ходить сама, ей очень нравилось временами смотреть из окна на деревья. Они представлялись живыми: не могут сдвинуться с места, но стоят и играют, словно у каждого — невидимая скрипка. Их покачивание напоминало ей скрипача. У него зелёный сюртук...

Я посмотрел в окно и, не найдя сходства, подтвердил:

— У тебя богатое воображение.

Ирка не могла ни встать с постели, ни тем более ходить. У неё непроизвольно дрожала голова. В прошлый раз она уже поведала, что часто двоится в глазах и при взгляде вбок дергается туда-сюда зрачок. Онемевшие холодные руки и ноги, как прежде, будто надуты изнутри воздухом и не подчиняются. Пальцами пошевелить нельзя и в них что-то колет. Говорила Ирка слабо, гнусаво, медленно, путала ударения, порой как будто захлебываясь словами, сливая их и разрывая где попало; казалось, что их изнутри кто-то дергал и старался затащить обратно.

Под головой у Ирки лежала белая подушка с серым казённым штампом. На наволочках в её общежитии, когда мы учились, были такие же, прямоугольные. И кровать по ширине, как общежитская, только спинка выше. Пестрое клетчатое покрывало, кем-то аккуратно сложенное, покоилось на табуретке в углу.

Ирка говорила о деревьях, а я заметил, какие белые у нее зубы. «У неё же еле слышны руки, — не удивлялся я, — она не может чистить зубы, а они такие белые». Я захотел сказать ей что-то приятное, а что, придумать никак не мог, наверное, очень хотел.

— А ты красивая, Ир, — наконец нашёлся я.

— Не родись красивой, а родись...

Мне показалось, ей стало больно. Зачем я о красоте? Разволновавшись, я начал постукивать ногой по полу, в такт. По-прежнему шумели больничные каштаны. Их шелест накладывался на лязганье проходящих недалеко трамваев, которых не было видно в окно, так располагался корпус.

Продолжительную паузу в разговоре Ирка нарушила первой. Её глаза стали немного влажными. Или мне так показалось? Может быть, ей хватило воли, чтобы не заплакать. Не знаю...

— Ну что ты замолчал, говори что-нибудь.

— А какое у врачей мнение о твоей болезни?

И тут же, испугавшись, как бы не обидеть её, я одернул себя: а к месту ли спросил?

— Да никакое. Это неважно. Я думаю, это от того, что я ещё давно упала в городе с мотоцикла. С парнем. Ты его не знаешь. Мы катались. Лет девять назад... Я ударилась шеей, где позвонки, о бордюр. Впрочем, скорее всего, сглазили меня.

— Чего?

— Сглазили.

Ко всяким оккультным знаниям я всегда относился скептически, поэтому не выдержал, стал шутить:

— Это врачи говорят, что сглазили? Значит, должен быть такой раздел медицины — сглазология. Но я о нем не слышал.

— Нет, это мое такое мнение. Догадки.

— Чушь. Это ты чего-то надумываешь... Сглазов не бывает. А вообще... помнишь фильм «Крах операции “Террор”»? Про Дзержинского. Там Миронов играл Глазова. Генерала. Был Миронов — стал Глазов. Сглазили мужика.

Ирка поморщилась, отчего на лице сильно выделились глубокие складки, идущие от носа к губам.

— Не играй под своего Миронова, — произнесла она, не меняя обычного тона, потом продолжила: — А если серьезно, у моей сестры болела нога. Врачи не могли определить, что, собственно, с ней. Таньке, ну ты её видел, помогли найти бабушку, которая умеет заговаривать. Бабушка ей так и сказала: «Тебя сглазили. Повезло тебе, что хотели не насмерть». Потом она заговорила ей воду, Танька пила, и у неё прошло.

— Это от самовнушения прошло, — завёлся я, — аутотренинг. Улавливаешь? Или просто болезнь такая была. Да как угодно можно объяснить. И зачем вообще ты проводишь аналогии с Танькой?

Я потёр указательным пальцем глаза, чтобы не слипались. Встал очень рано, чтобы ехать к Ирке, поэтому не выспался. Она продолжила, не заметив, что я отвлёкся.

— Я ехала один раз на электричке в Москву. Это когда мы ещё учились. Курсе на втором. Так вот, ко мне пристала цыганка. Ну знаешь, по электричкам бегают. Стала просить денег. А я на неё накричала, вроде: как вы можете попрошайничать! — и всё такое. Она, уходя, заявила: «Помни, я аукну тебе, и откликну! Сляжешь». И представь, через несколько дней я почувствовала в руке что-то. Тяжесть. И рука неделю была как деревянная...

— Ты то падаешь с мотоцикла, то цыганки у тебя. Надо гнать мысли о черноте! — я начал злиться из-за этих её суеверий. — Может, у тебя иммунитет обезвитаминился, вот и вся причина. Я вишни принес, попробуешь, ага? Всё пройдет, и печаль, и радость... И сглазы разные.

— Нет, но я думаю...

— Петух тоже думал... Чтоб сглазить, цыганка волосок у тебя должна была выдрать. Только тогда сглаз получается. Нужна какая-то твоя вещь. А она просто сказала что-то, цыганка, и свалила в туман. А ты начала себя страшить...

— Да я не внушаю себе ничего.

— Я вообще не понимаю, как заговор получается. И про волосок — это всё мура... Какой механизм? Допустим, как человек получается — ясно. Наука! Зиготы, клетки там... разные. Тут я понимаю. А сглаз? Выйду ль я на улицу, на село, скажу: «Чтоб у Ирки там, Маньки, Ваньки рука отвалилась, чтобы стало мне весело». Но она ж не отвалится. Между словами одного и заболеванием другого нет связи. Где связь-то? Ау!

— Ты меня не понимаешь. Я спорить не хочу с тобой.

Ирка закрыла глаза. Я заметил, что она побледнела.

— Точно, точно, это у тебя от того, что ты упала с мотоцикла! — Я начал говорить повышенным тоном, не замечая этого. — Да, тут связь есть между событиями: падение и заболевание. Всё естественно. А между словами цыганки и Глазовыми разными — извини меня, пардон...

— Объясни тогда, как человек получается. Поподробней.

— Я не помню. Но этот механизм даже в школе проходят. По биологии. Мы с тобой в восьмом классе целую книгу «Человек» штудировали. Помнишь, был такой учебник.

— Значит, не знаешь, не можешь объяснить, а говоришь. И сглаз вот также бывает.

Она приподнялась немного.

— Да мы так учим, что не помним ничего, — оправдался я, чуть остывая, и увидел, что она не хочет продолжать этот тя-

жёлтый разговор. Мы замолчали, и в установившейся тишине слышно было, как шумели и шумели каштаны. Ирка вновь первой нарушила молчание.

— Ну что ты замолчал, говори, что ли.

И я продолжил всё ту же тему:

— Диагноз-то известен?

— Да. Рассеянный склероз.

— Господи, это когда всё забываешь! — (я вспомнил, как забыл уточнить у Иркиной матери про трамвай), — я шучу. Расстройство памяти. Под старость случается. Но с этой-то ведь болезнью не кладут в больницу.

— Ты про другое говоришь.

— А почему рассеянный? С улицы Бассейной?

Она серьёзно и внимательно посмотрела на меня.

— Не знаю. Я ж не энциклопедия. Это ты... семи пядей во лбу. А мне мама так сказала: рассеянный. С нервами связано. И это не смешно.

Она закрыла глаза и молча отчего-то улыбнулась, вымученно, но как-то дорого, по-родному. Прежнего яблочного румянца на её худых щеках больше не было, и только знакомым остатком той, доболезненной, жизни лучилась тонкая улыбка, единственное, что не изменилось, что ещё не покорено было болезнью. Покрасневшие веки, синеватая кожа вокруг глаз, глубокие морщины на лбу и у носа до краешков губ. Но улыбка та же, какой я помнил её на первом курсе, больше семи или восьми лет назад!

Отчего-то вдруг заворочалась и застонала на соседней кровати Иркина соседка. Эта старуха всё время лежала тихо и без движения, как бревно, с постоянно открытым ртом, из которого виден был большой жёлтый клык. Ирка попросила меня позвать медсестру. Я вышел, отыскал её, сказал про старуху. В бокс возвращаться не стал — что мешаться? Там, наверно, надо перестилать постель.

В коридоре, где напротив медсестринского поста стояла полированная кадка с кривым развесистым фикусом, закрывавшим всю стену, я присел в свободное кресло. По соседству располагались кучкой какие-то мужчины и женщины в белых халатах, человек шесть, и что-то обсуждали между собой. Я вначале решил, что это здешний медперсонал. Но тут ко мне подсел один из них, почти совсем лысый, с рябоватым лицом, мужик в очках и спросил, верю ли я в Бога. Я ответил, что нет. Он стал мне внушать, и не могу сказать, чтобы слишком навязчиво, что скоро на землю придет Христос и надо спасаться, а спасаться можно вот по какому адресу — сунул мне узенький листик бумаги размером с ладонь.

Я прочёл: «Церковь христиан адвентистов седьмого дня», и где её отыскать. Ни спасение, ни адрес меня не интересовали, но я сказал мужику «спасибо». Листок спрятал в карман, решив, что выброшу его, когда пойду на остановку... Я человек неверующий, но до сих пор — уж сколько лет прошло! — храню добрую память о тех людях. Не знаю, в чём там у них особенности веры, но вот так добровольно идти в больницу и выносить утки (что они там ещё могли делать без медицинского образования), оказывать конкретным людям конкретную помощь — это, я считаю, достойно добрых слов. То был их путь ко спасению, на которое они надеялись. Была, может, у них и другая цель — привлечь к себе людей, но это делают все...

Два санитары провезли мимо нас каталку с трупом, накрытым простынёй. Из-под неё торчала голая ступня. Каталка противно скрипела. Санитары скрылись, повернув к лифту. Провожая их взглядом, я припомнил невзначай строчку из песни — «Не больничным от вас ухожу коридором, а Млечным путём». Однажды я услышал её на улице из открытого окна. Там включили магнитофон. На излёте советских лет часто звучала из квартир музыка... Потом я увидел эти стихи, пролистывая какой-то сборник советских поэтов и узнал автора — Смеляков. Мне представлялся за этими строчками сутулый человек в полосатой пижаме, шаркающий тапочками: идёт он по больничному коридору, отворяет какую-то дверь, и нет его. Ушёл и всё. Коридором. А Млечный путь — вот уж непонятно для чего, для красоты, видимо. И лишь тогда, в тот день, когда сидел я с адвентистом у больничного фикуса и санитары прошагали мимо с каталкой, совсем другой смысл увиделся мне: ни при чём тут больной в пижаме — это вот точно так же увозят по коридору труп, человеческое тело, но душа, живая, наделённая сознанием, чувствующая и способная переживать, покидает землю непостижимой дорогой, Млечным путём. В вечность космическую уходит. Сейчас, когда прошли годы, я по-прежнему не верю в Бога, но верю почему-то, что смерти нет, человек оживёт, воскреснет, и как это во мне совмещается, не понимаю.

Вышла медсестра из Иркиного бокса, сказала, что я могу вернуться. Я вновь присел у постели. Ирка улыбнулась.

— О чем ты думаешь? — произнёс я. Вместо ответа она задала вопрос:

— Хочу тебя спросить, пока не забыла. Может, ты слышал или читал... У меня в последнее время такое странное чувство... Будто я всех люблю... Непонятное ощущение. Отчего? Переживаю за тех, кто был мне более-менее бли-

зок, добр со мной... и за тех, кто сделал подлость... Были такие. Им особенно хочется счастья. Вот в чём чудинка. Не понимаю этого.

Говорить ей было трудно. Она то начинала как будто глотать что-то, то, чтобы произнести слог, долго держала рот открытым, словно он костенел, и на её языке, покрытом беловатым налетом, и на губах я видел слюну.

— Это у меня началось с того лета, когда я слегла, а ты приезжал. Только уяснила себе, что умру — так и потихоньку... Это, наверно, перед смертью так бывает. Когда не осталось уже ничего. — Она повернула голову к стене и закрыла глаза.

— Да ну, умрёшь ты! — Подскочил я, — ты ещё на моих похоронах простудишься!

Ирка молчала. Губы у неё подрагивали.

Я приложил ко лбу ладонь, вдумался в её слова. Оттого, что в боксе, несмотря на открытую фрамугу, было жарко, меня тянуло снять пиджак. Я заметил, что Ирка ждет ответа.

— Знаешь что, — наконец выдавил я, — у тебя температуры нет?

— Нет, — Ирка повернула голову ко мне, и я явственно осознал, что, собственно, бессилён поддержать её, развеселить, отвлечь.

— Ты мудрые вещи говоришь. Мудрейшие, можно сказать... Я не знаю. — Ёрзнув на стуле, я бросил взгляд на белую дверь и на розовый кусочек мыла, лежащий на раковине умывальника, из крана которого медленно падали капли. Наверно, медсестра мыла руки и не закрыла его до конца.

— Серёжа, — повторила Ирка обращение ко мне, — а раньше этого не было...

— И цыганку, что тебя заколдовала, любишь?

— Побирается, наверно...

— Если всех, получается, что и меня тогда?

— Пойми, то не та любовь, которую ты имеешь в виду.

Донёсся металлический грохот уходящего от больницы трамвая, потом чьи-то шаркающие шаги в коридоре. Я вдруг подумал, что это к нам, но дверь никто не открыл. Старуха на соседней кровати лежала спокойно и тихо.

— Я понял, Ира. Если со мной что-то случится, ты придёшь на помощь. Я тебе обязательно скажу. О'кей. — Этот разговор уже стал меня раздражать.

Через минуту в бокс вошла медсестра. Время обеда — и она поставила на тумбочку разнос, отодвигая вишни и шоколад. Спросила:

— Ира, будешь есть?

— Ой, потом, — ответила Ирка, но следом поправились: — а вообще кушать хочется... Ты, Галя, поставь, пожалуйста, на тумбочку. Я поем.

— Сейчас я тебя подниму, посажу.

— Да не надо. Спасибо. Ко мне скоро должна придти мама, да? Она покормит.

Медсестра сняла с подноса стакан с компотом, две железные баклашки, искоса посмотрела на меня и отчего-то вздохнула. Затем, как бы невзначай, стала поправлять у Ирки под головой подушку. Из-под неё выпал клочок тетрадной бумаги в клетку, исписанный незнакомым мне остроугольным почерком.

Обыкновенная, разрезанная на четыре части страничка. «Пресвятая Богоро...», — успел я прочесть. Медсестра быстро спрятала квадратик бумаги обратно. «Молитвы, — догадался я. — Адвентисты! Нет, скорей мама. Думают, что поможет...»

Не то, чтобы из-за бумажки упало настроение, нет, но как-то не по себе стало. Если надеются на молитву, значит, другой надежды больше нет.

Через две недели Ирку выписали. Как-то я позвонил в Москву, трубку взяла Иркина «соседка и подруга» — так она представилась. Она даже имени не назвала. Но у Ирки в Москве не было времени подруг заводить. Скорее, дочь отчима от первого брака. Неважно. Оказалось, у Ирки воспаление лёгких.

— Отчего?

— Хотела у окна лежать. Ей смотреть нравилось. Деревья качаются... И продуло.

Я попросил передать Ирке привет. Что мне ещё оставалось?

Недели, кажется, через три трубку поднял Иркин отчим. Говорил он подчёркнуто вежливо и благодарил, что я не забываю о сокурснице. В то же время «попросил об одолжении»:

— Больше не общайтесь с ней. Ваши приезды и приветы она переносит плохо. Вы догадываетесь, что происходит с ней, как только вы уезжаете?.. Если надумаете приехать, сначала поставьте в известность нас. Мы скажем, в каком она состоянии и можно ли с ней встретиться.

Сним нельзя было спорить. Наверно, было бы лучше, если б я тогда «соседку и подругу» ни о чём не попросил. Но какой был у меня выбор? Совсем исчезнуть? Отчиму я пообещал, конечно, всё сделать так, как он просит. Из этого разговора одно меня утешило: Ирка поправляется. Значит, переселит. Пусть останется инвалидом — лишь бы жила.

Забыл я теперь и год, когда получил самую последнюю о ней новость. После того разговора с отчимом, должно быть, прошло месяцев десять. Я накрутил на телефонном диске нужный номер. Трубку в этот раз взяла её мама. Конечно, сначала я представился, а потом спросил:

— А как Ира?

— А Ира наша... умерла.

Я растерялся и даже не помню, что тогда ответил. Но, помню, что она предложила съездить со мной на могилу, а меня что-то остановило согласиться сразу. Я не спросил и название кладбища. Наверно, сказал, что обязательно позвоню, если надумаю ехать в Москву. Что-то надо же было говорить... Но я так и не позвонил. Может, зря. Может, ложная то была неловкость... Не знаю.

Мне было больно. Я звонил с работы и, помню, когда вечером пошёл домой, расплакался — как беспощадно хрупкой показалась мне жизнь. Хорошо, что этого никто не мог видеть... Чья вина, что между нами встало то, что было сильнее нас обоих? В то же время мне было легко: я не оставил Ирку до просьбы отчима. Она научила меня понимать чужую боль. Но есть некая несправедливость в том, что один должен уйти, чтобы другой постигал эту науку.

Недавно, стараясь отыскать в залежах бумаг паспорт на газовый счётчик (он был мне нужен, чтобы купить для замены новый, точно такой же), я увидел Иркину книгу. Она расстрепалась. У неё был клееный корешок, и непрочный клей, схвативший страницы, высох, листы выпали из переплёта. Я прочитал её, когда прошло лет тридцать, а то и больше, после моего последнего звонка...

Нелепая смерть преподавателя мадридского университета дона Вентуры приводит в его комнату всех родственников, совершенно разных людей. Он погиб нелепо: упал с балкона, когда его вторая, гражданская, жена Пресенсия спустилась купить клубники. Он хотел увидеть, не возвращается ли она, и не рассчитал, слишком перегнулся через перила... Разбившись, он был ещё жив. Священник успел его исповедать, хотя дон Вентура не произнёс ни слова. Но он мог слышать. Чтобы подвести итог всей своей жизни, человеку не требуется много времени, и эта мысль звучит в книге... Глаза скажут всё. Священник понял взгляд умирающего. «Я отпустил ему грехи. Я спросил у него: «Вы каетесь во всех своих прижизненных грехах?» Он пристально, широко раскрытыми, разумными глазами смотрел на распятие, которое я держал в руках. «Поцелуйте крест», — сказал я. И почувствовал, как этот чело-

век, который уже не мог говорить, сделал над собой нечеловеческое усилие, чтобы прикоснуться к распятию...»

Я читал об одиноких людях, живущих в огромном городе. У каждого своя жизнь. И объединяет их на короткое время смерть примирившегося с Богом человека с самой заурядной судьбой. Впрочем, только ли смерть?.. Нет, наверно, она вообще не сближает никогда и никого, это может только любовь, пусть подавленная, но так и не уничтоженная до конца, в которой герои не могут признаться даже себе. Но ведь они собрались вместе. Ведь что-то заставило их пойти на эту улицу Дезампарадос. Как сосуществуют в людях противоположные свойства души, и каким образом способно одно прикрывать собой другое? Вот в чём вопрос и вот в чём тайна.

Законная жена, гражданская жена, дети от той и от другой, зять. Передо мной разворачивалось прошлое каждого из них, стоящих перед гробом. Для каждого героя начинается мучительный нравственный экзамен, ибо всё то, что раньше казалось естественным, правильным, порядочным — поступки, действия, слова и мысли, — с этой смертью предстаёт совсем иным. Если раньше можно было жить спокойно, что-то запрятав в подвалы памяти, оправдывая свои дела, нанесённые другим обиды, если можно было лицемерить, то теперь, перед смертью, которой никто не избежит, перед гробом, поставленным так, что лежащий в нём человек, открой он глаза, сразу бы увидел окна, а не дверь, куда его вынесут, — это уже невозможно.

Я вспомнил, как в студенческие годы мы отправились в колхоз на картошку, в страшную глушь. Девушки дежурят по кухне. Ирка передаёт мне тарелку дымящегося борща, поддерживая её обеими руками, через маленькое окошечко в стене, отделяющей кухню от бревенчатой комнаты тесного сельского дома, где оборудована столовая. Волосы убраны под косынку. Серые живые глаза с коричнево-зеленоватой точкой, как недозревшее семечко укропа, у правого зрачка. Она улыбается. Нам по восемнадцать — и мне, и ей, — и кажется, что жизни впереди действительно много...

Я вспомнил, как, положив телефонную трубку после последнего разговора с Иркиной матерью, возвращался домой, на окраину города, поздно, в сумерках, короткой безлюдной дорогой. Слева тянулись рельсы, там курсируют электрички и товарные поезда. За густыми кустами вечером уже не видно насыпи. Я знал, что в этих зарослях проложена стальная лента с шипами, потому что рядом колония для несовершеннолетних. Здесь нет никакой вывески с гербом, только железные ворота — шлюз для машин, от них тянется серая вер-

тикаль бетонных плит с колючей проволокой поверху на металлических штырях. Тут некуда идти, только вперёд или только назад. Есть ещё вкопанный в землю столик и две лавочки, это для приезжих, для родственников, ожидающих свидания.

Дорога вела в маленькую рощу. Юную листву деревьев весело трепал ветер. Пахло берёзовой влагой, отходящей от холодов землёй, новорожденными цветами ив. Пели, перекликаясь, соловьи. Десятки звонких птичьих голосов рассыпались колокольчиками над моей головой, слева и справа, и больше никаких других звуков! Казалось, они оглушали меня. Самец зовёт самку. Мужчина зовёт женщину..

Я прошёл немного дальше, где заканчивалась стена и стояли хозяйственные постройки из белого кирпича, сел на обочине и расплакался, зная, что в это сумеречное время здесь никто не ходит, мимо этой скорбной стены, делящей мир. Никто не помешает. Звонкая соловьиная ода к радости долго и безучастно стояла над моей головой, слышная и по ту сторону забора...

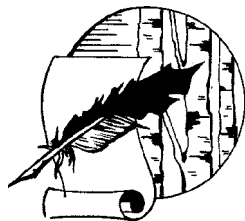
Она знала, что умрёт. Сколько нужно было ей сил, чтобы не показывать этого, по крайней мере, друзьям?... То, о чём было написано в книге, она воспринимала особенно близко. Наверно, представляла себя и меня, своих друзей, на месте этих героев. В жизни возникает неизбежная черта, когда надо дать беспощадную оценку своим делам и мыслям. Надо жить так, будто завтра тебя не будет. Каждый день... Книга ставила вопрос: если мир устроен так, что мы умираем, чтобы жить дальше в каком-то совсем особом преображённом мире (допустим, он есть), то что необходимо, чтобы не закрыть двери в Вечность? Ведь это зависит от нас, от кого же? Если, конечно, она действительно есть, эта самая Вечность, которая открывается только через веру. А что это такое, вера? Что в жизни настоящее, а что подделка?

На самых последних страницах Пресенсия вспоминает, как дон Вентура подарил ей Евангелие. Она падает на колени и плачет. Ей представляется, как муж подводит её к дверям церкви, но сам не открывает их, потому что не может, не верит. Чтобы не верить, нужно большое мужество. У меня его, наверно, нет... Опять и опять я спрашиваю себя, что такое вера?

Сегодня, когда я пишу эти строки, уже конец декабря. На улице сухо и холодно. Я смотрю сквозь стекло на свой маленький дворик, на улицу и промозглое небо. В нём, будто на палитре, смешаны бледно-фиолетовый, синий, сизый, белый

цвета. Завершается год. Минуло ровно столько лет, сколько было нам, когда мы познакомились, даже больше. Её нет, а я живу. Я смотрю на запорошенные соседские яблони. Они большие и старые, похожи на призраки ушедших людей. На подоконниках лежит снег. Вдоль забора из металлической сетки крестики воробьиных следов. Чуть поодаль стоит куст жимолости, рядом с ним калина. На ней уцелела рубиновая гроздь ягод. По дороге едет маршрутное такси. Если бы снег был мокрым, я бы видел чёрные полосы асфальта... Я отрываюсь от окна. Мне грустно и светло, мне спокойно. Я беру забытый на годы подарок и протягиваю жене:

— Почитай. Хорошая книга.

Алексей ГУШАН,
лауреат премии «Форпост»
им. Сергея Короткова за 2024 год

ТО БЫЛО В ИЮЛЕ...

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Отцвела в овраге медуница.
Снова лето в северном краю.
Белая, как полночь, кобылица
Чешет бок об изгородь мою.

Чешет бок... И наплывает дрёма
На забор, на яблоневый сад.
Два оконца векового дома
Полусонно за реку глядят.

Ночь нежна, и ласково безлюдье.
Ровно треть июня на часах.
Называют белоглазой чудью
Тех, кто знает эти чудеса.

Чудесам тут незачем таиться.
Вот с руки доверчивой моей
Белая, как полночь, кобылица
Слизывает сахар тёплых дней.

Слижет и пойдёт своей дорогой
К тем сердцам, где всё ещё темно...
Хорошо, что Господом так много
Радости для нас припасено!

ПОМИНАЛЬНОЕ

Здесь всё, как прежде... Там, где был сельмаг,
Единственный фонарный столб хиреет,
Кренится набок: так ему виднее,
Что дело с освещением — табак.

Мост на реке скрипучий, подвесной
Пока ещё работает исправно,
Соединяя левый берег с правым
В бескрайний холод и в случайный зной.

Смекнув, что дальше некуда годить,
Дома, амбары, бани, сараюшки
Боками прижимаются друг к дружке,
Не ведая, что будет впереди.

А впереди известная пора,
Но так её ещё не проходили —
Последнюю старуху проводили,
Последнюю избу заколотили
Вчера...

ИЮЛЬСКИЕ СУМЕРКИ

Прошу, не зажигай ни лампы, ни свечи.
Пускай в иных домах огни, огни повсюду.
Мы в сумерках одни, мы любоваться будем,
Как лилии в саду скромны и горячи.

Я лилиям родня — я из того же сада.
Я тоже в нём цвету на свой особый лад.
Не зажигай огня, прошу тебя, не надо.
Не нужен тварный свет, когда есть этот сад.

Июль уже принёс сюда свои наряды.
И жизнь уже давно мне не сестра, а дочь.
Пока нам не слышны сомненья листопада,
Будь беспечален, день, будь благосклонна, ночь.

СУЗДАЛЬ

Оснежен снами вековыми
Над Спасом небосвод.

В монастыре живёт Евфимий —
Семь сотен лет живёт.

Хоть день январский монотонен —
У старца уйма дел:
Он веточку берёзки тронет,
Чтоб снег с неё слетел,

Он лучик солнечно-пригожий
Посадит на амвон
И с колокольни на прохожих
Прольёт медовый звон.

А после не спеша Евфимий
Пойдёт на Покрова.
— Жива ли, матушка София?!
— Жива!

* * *

То было в июле... То было в июле
Такого числа,
Когда все земные заботы уснули
И липа цвела.

И белая ночь над июлем парила —
Не сыщешь белей!
Под липой Пречистая Дева Мария,
Три ангела с Ней.

Пресветлая вёлию Тайну носила
Во чреве Своём.
— Тебе бы родиться, Младенец мой милый,
В цветенье таком!

Три ангела крыльями тихо взмахнули
И скрылись в заре...
Младенец-творенье родился в июле.
Творец — в январе.

ДОМ

Дождь смывает остатки снега.
Птицы кликают благодать.

Много неба, такого неба —
В пору только стихи писать!

Я пишу, но пишу не ручкой,
А рубанком и топором.
Для поэзии самой звучной
В глухомани затеял дом.

И когда я рублю, строгаю
От зари до исхода дня,
Знаю, женщина дорогая
Смотрит ласково на меня.

Хвалят пусть или пусть ругают:
Чудаки вы, мол, чудаки...
Моя женщина дорогая
Смотрит, как я рублю, строгаю
И, конечно, пишу стихи.

* * *

Дом без хозяина всё-таки сирота.
Дом вековой без хозяина — так вдвойне.
Лезет и лезет куриная слепота.
Ноет и ноет в осунувшейся стене.

Может, пора успокоиться и под снос?
Сроки подходят — последний несут поклон.
Только чего же столетний так в землю врос?
По сердцу, видно, землеце пришёлся он.

Вот и хозяйка (ведь экая егоза) —
Ветхая бабка (да что-то неймётся ей) —
Красит наличники, щурит свои глаза...
Дом продолжается в цвете июльских дней.

* * *

Спряталась луна за колокольню,
Зацепила черноту ветвей
И блесит осколочком стекольным,
Радуюсь ещё густой листве.

Под луной, в песочнице, сандалик —
Маленький, забытый, голубой.

Рядом, на скамейке, муж скандалит
С не совсем законною женой.

Что прибавить к сельскому пейзажу?
Что убавить в уходящем дне?
На луну гляжу, котёнка глажу —
Этого достаточно вполне.

* * *

Летает сорока над бором.
Летает сорока над полем.
Дремучая наша Мещёра
Дожди приютила в подоле.

Но это-то, Господи, ладно.
Но это-то, Господи, сдюжим.
Сегодня не так уж прохладно
И ветер как будто бы южный.

Вчера же был ветер строптивый.
Вчера же был ветер лукавый —
Казнил невинные ивы,
Виновные миловал травы,

Куражился... Нынче безмолвен
И, кажется, даже недужен...
Я осенью душу наполню
И сдюжу, конечно же, сдюжу!

* * *

Муж с женой едят из одной тарелки —
и в Царствии Небесном будут вместе.
Народное поверье

Всё, как жили-были бабка с дедом,
Поросло быльём да лебедой.
И теперь их внук, их непоседа,
Сам старик и сам уже седой.

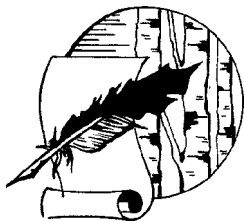
Да, старик... Ни домик, ни ограду
Он не вспомнит. Вспомнит лишь о том,

Как сидели дед и бабка рядом
За щербатым маленьким столом.

Неужели вспомнит?! Неужели?!
Вечер и окошечка проём.
Старики сидели, мирно ели
Из одной тарелочки вдвоём.

Кажется, нет никакого толка —
Просто память сердце берedit.
Но стоит тарелочка на полке —
Что-то очень важное хранит.

п. Тума Рязанской обл.

Наталья ВЕДЮШЕНКО

БЕЗДОМНЫЙ АНГЕЛ

* * *

А у бабушки Фаины,
Что живет в большой деревне,
Пахнет в доме квасом тминным
И малиновым вареньем,

А еще — немножко хвоей
Новогоднего убранства
И душистою травой —
Разноцветием цыганским.

Мне — пока еще немного:
От роду всего двенадцать,
Я мечтаю по дорогам
С рюкзаком большим скитаться.

И, конечно же, не верю,
Что когда-то волей судеб
Будут жить за этой дверью
Незнакомые мне люди.

* * *

И это вспаханное поле,
И неуклюжий грач на нём
Тебе напомнят поневоле
Твой старый деревенский дом,
Остатки давности неспешной,
Дрова у печки, колыбель
И тех мужчин, что в ад крошечный
Ушли из дома, взяв шинель.

Портреты их грошовой сдачей
Война оставила родным.

...Тот дом теперь зовётся «дачей»
И дышит лишь по выходным,
Да летом в отпуске недлинном,
Да в тот неповторимый миг,
Когда среди вещей старинных
Найдёшь прабабушкин рушник.
И оживает рядом с домом
Столетний яблоневый сад
И, детским смехом очарован,
Плоды роняет невпопад,
Как слёзы.

...С почерневшей пашни
Взлетает одинокий грач,
Неспешно направляясь дальше
Над тишиной таких же «дач»...

* * *

Как сложно сделать первый шаг,
Сказать «прости», признать ошибки...
Где взять терпение и такт,
Когда всё вкось и всё не так
И ссора тяжелее пытки?

Любовь... Дано лишь ей одной
Вести вперёд, крушить преграды,
Прощать, испытывать тоской,
Готовить свадебный настой
Для тех, кто заслужил награду.

Так пусть она царит в веках!
А нам, её покорным слугам, —
Нести сосуд любви в руках,
Не растеряв, не расплескав,
По капельке делясь друг с другом!

БЕЗДОМНЫЙ АНГЕЛ

Ни свечки, ни лампадного огня,
Обрушен купол, стены без икон...

Ни служб, ни таинств. На исходе дня
Давно не слышен колокольный звон.

Под сенью опечаленных рябин
Холмы погоста зарослей полны.
Нет ни души, и только лишь один
Бездомный ангел плачет у стены...

1941-й

Он шёл неровно, с правым креном,
Винтом дробя верхушки сосен.
Неслась стремительно по венам
Кроваво-огненная осень.

Скользили тени по болотам,
Где клюква, кажется, поспела.
Дымилось дуло пулемёта.
Рука предательски слабела.

Он вжался в корпус фюзеляжа,
И над непрожитою жизнью
Кулик, как добрый дух бродяжий,
Пел нескончаемую тризну...

...Стонали жалобно болота,
Когда из них тяжёлым тросом
Тянули части самолёта —
Кабину, двигатель, колёса...

Его нашли среди обломков:
Планшет и кубики в петлицах,
В кармане лётной гимнастёрки —
Судьбы размытые страницы.

В неровных строчках карандашных
Едва угадывались буквы.
И горько плакала над павшим
Кроваво-огненная клюква...

ДВА СОЛДАТА

Однажды, я упорно в это верю,
В один из дней безжалостной войны,

**В разрывы мин и в залпы артиллерий
Ворвался вдруг осколок тишины.**

И два бойца с весёлыми глазами
У костерка делились табаком,
И был танкист, парнишка из Рязани,
С скалужским пехотинцем незнаком.

Но в этот час, довольные друг другом,
Они взялись шутить наперебой,
И предложил танкист: «Давай, Калуга,
Мы в день Победы встретимся с тобой!..»

...Один из них погиб под Сталинградом,
Другой — в суровой схватке за Потсдам,
И с фронта две солдатские награды
Отправились по разным городам.

Но в светлый день,
 в великий день Победы,
Они опять в строю — который год.
Портреты двух своих героических дедов
Их общий правнук с гордостью несёт.

MOHAX

Сухие пальцы бережно листали
Скупую мудрость выцветших страниц.
Летели годы, мчались по спирали
Стремительностью древних колесниц.

Ровесники, крутые взяв вершины,
Дотошно обустранивали быт:
Менялись разом жёны и машины,
Дышал в лицо заморский колорит.

И он бы мог, покинув поле битвы,
Искать комфорт в житейских мелочах.
Он мог бы. Но не смел прервать молитвы,
Держа весь мир на согнутых плечах.

г. Рязань

РАДИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

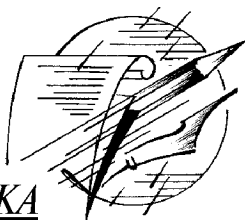
Возвращение украденного

Россия прирастала территориями во всех направлениях. Но если колонизация Сибири русскими переселенцами происходила во многом как естественный процесс движения испытывавшего земельный голод разраставшегося крестьянства, то южные регионы, Новороссию, Россия долго и целенаправленно завоёвывала.

Основных причин было три:

1. Огромные массивы плодородных степных земель как магнит притягивали к себе крестьянство. Климат был гораздо мягче сибирского, земли плодороднее, рядом море — естественный путь экспорта. Но территории были традиционно заняты кочевыми ордами, которым покровительствовала Турция.

2. Вышеупомянутые орды не только занимали огромные массивы плодородных земель, не давая возможности ввести их в сельскохозяйственный оборот, но и совершали набеги на коренную Россию, мешая её нормальному развитию.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

3. Интересы развития экономики требовали налаживания морской торговли с Европой через Чёрное и Средиземное моря, для этого было необходимо контролировать порты Северного Причерноморья и Крым как стратегический бастион, позволявший русскому флоту господствовать на Чёрном море.

Никто так не заинтересован в Крыме с точки зрения его стратегического положения, как Россия. Только её флот нуждается в крымских базах. Для остальных причерноморских государств важно, чтобы на полуострове не мог базироваться российский военный флот и чтобы черноморские порты России не составляли конкуренцию их собственным. Поэтому до прихода в Крым России полуостров всегда был окраиной цивилизации, местом, которое контролировали, но не развивали. Крымская экономика должна была обеспечивать турецко-татарский гарнизон полуострова, обеспечивавший отодвигание России на границу леса и лесостепи. Ничего более.

Поэтому и базу флота в удобнейших, лучших на всём Чёрном море севастопольских бухтах организовала Россия. Турецкому флоту (как до него византийскому) в Крыму было нечего делать, его главная база находилась в проливах, откуда он мог совершать операции и в Чёрном, и в восточной части Средиземного моря, легко перебрасывая силы на нужное направление. Там же он охранял Константинополь (Стамбул) — столицу вначале Византии, а затем Турции.

России же контроль над Крымом позволяет господствовать на Чёрном море и надёжно прикрывать Новороссию, до XX века бывшую житницей империи, а с конца XIX века ещё и одним из трёх важнейших (наряду с Московским и Санкт-Петербургским) промышленных районов. О значении Новороссии в системе имперских координат свидетельствует тот факт, что неформальную столицу и крупнейший город региона (а также один из трёх крупнейших в империи, не считая территории Царства Польского) Одессу называли Южной Пальмирой по аналогии с Пальмирой Северной — Санкт-Петербургом. Она являлась таким же сердцем южной торговли империи, как Санкт-Петербург сердцем торговли северной.

Подчеркну, вся Новороссия и Слобожанщина были историческими землями Московской Руси, а затем Российской империи, к Малороссии с её гетманами и полковой организацией никакого отношения не имевшие. Помимо русских крестьян, получавших за переселение в Новороссию льготы в виде десятилетнего освобождения от налогов, государствен-

ных ссуд и даже, в некоторых случаях, скота и инвентаря, Новороссию заселяли бежавшими от османского религиозного гнёта сербами, волохами (молдаванами), армянам, греками. Одно время реализовывался даже неудачный проект окрестнянивания в Новороссии евреев.

В общем, империя заняла земли, важные для неё в стратегическом плане и заселила их представителями разных населявших империю и живших по соседству народов, но с явным преобладанием русского начала.

Ситуация коренным образом изменилась после октября 1917 года. Большевикам для удержания власти был жизненно необходим мир с немцами. Этим воспользовалась украинская Центральная Рада и вместо полученной от Временного правительства автономии потребовала независимости. Более того, киевские власти потребовали присоединения к находившейся под их управлением Малороссии также территорий Новороссии, заявив, что они также населены украинцами.

Немцам (прежде всего австрийцам) было выгодно получить контроль над хлебобродными губерниями, крупными морскими портами, важным промышленным регионом, отрезать Россию от Чёрного моря, лишить флота. Они требования Рады поддержали. Большевики могли торговаться. Германии мир также был нужен, и она могла пойти на уступки в территориальном вопросе, но озабоченные борьбой за власть в Петрограде (с левыми эсерами, анархистами, меньшевиками), они махнули рукой на земли Новороссии и не стали вести из-за них дискуссию. Впрочем, позднее большевики создали своё правительство Украины — «народный секретариат», которое претендовало на власть над территориями, перешедшими под контроль Центральной Рады, а затем Украинской державы гетмана Скоропадского.

В конечном итоге, земли Новороссии так и остались в составе УССР. Несмотря на то, что на них в ходе Гражданской войны были созданы русские Одесская и Донецко-Криворожская республики, центральная власть в Москве решила, что имеющие большое промышленное значение регионы необходимо включить в состав Украины, чтобы увеличить долю пролетариата в её преимущественно крестьянском населении. В 20—30-е годы территории Новороссии в составе УССР подверглись насильственной украинизации, а в 1954 году, к трёхсотлетию воссоединения Украины с Россией, Хрущёв под предлогом улучшения управляемости и экономической целесообразности, хоть есть весьма убедительная версия, что ради получения поддержки многочисленной украинской

партийной организации в борьбе за власть в Москве, подарил Украине Крым. Это было, пожалуй, наиболее волюнтаристское и вредное решение из всех, принятых Хрущёвым.

Лишь события 2014 года позволили России вернуть свой суверенитет над Крымом и Севастополем, а в 2022 году был восстановлен российский суверенитет над Донбассом, Херсонской и Запорожской областями. Однако большая часть русской Новороссии с жемчужиной региона Южной Пальмирой — Одессой, с русским Екатеринославом (Днепропетровском), Слобожанщиной с Харьковом пока ещё остаются под украинской властью.

Мы не знаем удастся ли российскому руководству добиться возвращения Малой и Червонной Руси, но новороссийские земли передавались под управление Киева в рамках одной государственной системы и элементарная справедливость требовала, чтобы они были возвращены России в момент распада СССР. Тогда акт возврата земель не состоялся, Украина фактически их умыкнула, но Россия не случайно столетиями воевала за присоединение Новороссии. Эта территория играет ключевую роль как в развитии южных регионов коренной России, так и в обеспечении безопасности всего российского государства.

Поэтому сейчас Россия ведёт боевые действия не только для блокирования вступления Украины в НАТО, не только для ликвидации человеконенавистнического киевского нацистского режима, но и за восстановление исторической справедливости — за возвращение своего суверенитета над исконными русскими (освоенными русским правительством и русским народом) землями Новороссии.

Российская власть в этом регионе естественна и необходима. Выше уже сказано, что исторически сложилось так, что регион может нормально развиваться только при российской власти, только Россия заинтересована в его культурном развитии и экономическом росте.

Мир и стабильность не придут на эту землю, пока она не вернётся в состав России. То, что у России украдено, должно быть возвращено домой.

Фарисейское триединство

Чем ближе конец боевых действий, тем больше на Украине и в её ближайших окрестностях, включая Западную Европу, появляется «противших», «понявших», «осознавших». Именно в таком порядке.

Вначале из «не забудем, не простим», «хороших русских не бывает», «убить всех, включая уже не живущих и ещё не рождённых» вскормленные майданом ситуативные украинские нацисты (не убеждённые нацисты «по призванию», а именно ситуативные нацисты ради выгоды) «милостиво согласились» «простить русских», если они закончат боевые действия на украинских условиях. Затем они же «осознали», что с майданом «всё не однозначно» и его «идеи» не являются абсолютной истинной. Теперь они начинают вопить, что их обманули (они такие наивные и доверчивые), что мы «братские народы» и должны любить друг друга, прощать друг другу, помогать друг другу.

Эту идею охотно поддерживает та часть украинской эмиграции в Россию, для которой «братский украинский народ» (с собственными государством и территорией) является такой же кормовой базой, как для Зеленского. Просто свою войну за власть на Украине они в своё время проиграли и с тех пор хотят переиграть. Не имея собственных сил, хотя переиграть с помощью России, пользуясь тяжёлым положением Москвы, перед которой маячит перспектива взвалить на себя побеждённую Украину, они пытаются убедить Кремль, что если Украину отдать им, то «будет как при СССР и даже лучше».

Не случайно все они, и бывшие украинские буржуазные националисты, и украинские буржуи-интернационалисты, внезапно полюбили СССР, Сталина и КПСС. Главное для них: сохранить хоть какую-то (пусть и неполноценную) украинскую государственность и идею отдельной (пусть «братской» но непременно отдельной) украинской «нации». Больше им руководить нечем, в России своих руководителей хватает. Сохранив же «нацию» как идею при благоприятных условиях они вновь смогут развернуться во всю ширь своего кармана.

Как показывает практика, украинцы легко вербуются из русских, переезжающих в южные губернии, если в оных губерниях сохранилась достаточная легальная база местного украинства. Ну а чем больше украинцев — тем выше влияние украинских руководителей в разного рода «союзных» (по нынешним временам интеграционных) структурах, тем полнее их бездонный карман.

По этому поводу и истерики вокруг фильтрации в Шереметьево, мешающей резко увеличить численный состав, а значит внутриполитический (внутрироссийский) вес и влияние украинской диаспоры. По этому же поводу и всё более настойчивые требования «понять и простить» ситуативных

нацистов — они же, мол, братский народ, просто ошиблись малость, но «блудный сын» вернулся и требует почёта и уважения. В этом, кстати, разница между «прозревшими» и персонажем притчи.

Блудный сын пришёл на отчий порог раскаявшийся, но готовый к тому, что его прогонят, так как он слишком много горя принёс родным. Отцовское всепрощение его обрадовало, но не отменило тяжести его проступка и необходимости деятельного искупления в будущем.

Ситуативные нацисты требуют (именно требуют) братской любви и материальной поддержки на основании своего якобы раскаяния. Впрочем, не все они даже берут на себя труд заявить о раскаянии, многие предъявляют России претензии в том, что она их (граждан другого государства, которые сами выбрали иную судьбу) «плохо спасала», «недостаточно настойчива» была, «мало денег» платила, чуть не скрывала свои достоинства от них. Ситуативные нацисты считают, что Россия им задолжала, так как раньше считали, что им должны Европа, США и весь мир.

Корень, идейная база всех этих ожиданий и требований — миф о трёх братских народах. Причём это ещё узкая трактовка.

В 2010—2013 годах в Киеве я знал одного пожилого приятного человека, абсолютно русского по всем внешним признакам (образование, культура, язык), обуреваемого идеей панславянского единства. Он даже с упорством, достойным лучшего применения, пытался раскрутить Славянскую партию (на одном её собрании я, по его приглашению, побывал и увидел там человек 15 активистов, преимущественно в возрасте около 60 и старше, которые, по сути, и составляли партию).

Бандеровцев этот человек не любил, но считал нужным поддерживать идею триединой братсконародности, так как считал, что только таким образом можно будет создать панславянскую конфедерацию. На мои настойчивые вопросы, зачем нам разлагать русский народ на некие «братские» (которые уже сейчас готовы ему в горло вцепиться), ради какой-то эфемерной славянской конфедерации, которой никогда не будет, а если и будет, то создано славянское единство будет только силой единого русского народа и никак иначе, он каждый раз огорчённо заявлял, что вот я не понимаю, а славянское единство (отсутствие которого, заметьте, констатировал ещё Константин Багрянородный в X веке) — это очень важно. Ради этого, мол, надо поддерживать идею независимой Украины.

Это я к тому, что сторонники братсконародного триединства вовсе не обязательно какие-то там клыкастые враги или хитрейшие воры, есть и вполне благонамеренные люди, обураваемые неадекватной нынешнему времени сверхидеей, ради которой они готовы принести на алтарь что угодно, включая собственную русскую национальную идентичность. Именно поэтому с первого раза (а часто и с двадцать первого) бывает трудно определить, кто живший на Украине русский, а кто русскоговорящий украинец.

Я не злой человек и не сторонник насильственных мер. Я не считаю, что надо насильно записывать в русские тех, кто захотел стать украинцем или панславянином. Надо дать возможность каждому желающему определиться: русские пусть остаются русскими, а те, кто желает быть украинцем, могут оставаться украинцами. Более того, я даже считаю, что украинцы могут создать собственное государство, если у них, конечно, получится.

Только они не братский народ. Хоть и бывшие русские. Просто народ. Народов братских вообще не бывает. Сербы и хорваты, которых долгое время отличали друг от друга только вера и алфавит, так вдохновенно резали друг друга во всех войнах, сотрясавших мир и Балканы, что даже вышедшие из одного семитского корня и с бешеным упорством пытающиеся выжить друг друга из Палестины арабы с евреями обзавидовались. И таких примеров «братсконародности» в мировой истории не счесть, причём новые (македонцы против болгар, черногорцы против сербов, босняки против сербов и хорватов) только множатся.

Если какая-то группа людей хочет выделиться из своего народа и создать собственную нацию — она имеет на это полное право. Но при чём здесь братскость? Эдак все люди братья, поскольку, когда человечество несколько десятков тысячелетий назад проходило очередное «бутылочное горлышко», вся его глобальная популяция сократилась до пары тысяч человек (меньше, чем квартир в самом многоквартирном доме Москвы) — всё разнообразие племён и народов появилось в последние пятьдесят тысяч лет.

Просто желающие отделиться становятся другим народом и... отправляются искать себе новую родину, как делали это желающие стать другим народом и три, и две тысячи лет назад, и позже. Русские не обязаны отдавать тем, кто не хочет быть русскими, русские земли и помогать им в обустройстве. Мы не знаем точно, что погнало предков современных венгров с Урала в Паннонию, но они прибыли туда, обустроились, и сейчас там Венгрия, хоть до них там жили и герулы,

и гунны, и лангобарды, и авары, и даже славяне. Жили многие, а родину обрели венгры, остальных почти всех нет, а лангобарды растворились в современных итальянцах, дав своё имя Северной Италии.

В конце XIX века будущие украинцы, населявшие австрийскую Галицию, массами переселялись в Канаду, жили там компактными общинами, сохраняли язык и культуру, до сих пор продолжают играть существенную роль в общественной и политической жизни, в общем, вместе с англичанами, французами, эскимосами и индейцами могут претендовать на вклад в создание современного канадского государства. Канадские украинцы, кстати, считают себя вправе говорить от имени всего украинства. Так, может быть, тем, кто не хочет быть русским есть смысл попытаться счастье за океаном, в родственной среде, может быть, там у них «братский» (или даже единый) народ?

С моей точки зрения, прежде чем говорить о братстве и долгах, нам следует размежеваться. Ещё раз повторяю, братских народов не существует. Есть русский народ, сложившийся из многих племён и народностей. От него, как и от других народов, могут отделяться не желающие быть русскими, что они и делают. Только нельзя быть сразу и русским и «братским». Либо русский, либо не русский, а где проходят границы русских земель, решает русское государство.

Русские живут на русских землях, а «братья» на братских землях (например, в Канаде). И никто, никому, ничего не должен. В противном случае, количество «братьев», которых надо всенепременно ублажать, чтобы они не обиделись, будет постоянно расти, а количество русских сокращаться. В конечном итоге, когда умрёт последний русский, о братьях станет некому заботиться. И как им после этого выживать?

Можем ли мы допустить такое безответственное отношение к тем, кто ещё недавно составлял с нами один народ? Нет, не можем. Пусть учатся самостоятельно выживать уже сейчас. У кого получится, тот станет другим народом, а у кого не выйдет — не судьба, мало ли было желающих стать другим народом, которые так и растворились в тумане истории, и следа от них не осталось, и памяти.

ЧЕРВЬ

РАССКАЗ

Мой отец с войны живым вернулся, может быть, потому, что когда ему, еще мальчишке, подарили на Пасху синюю с белым горохом рубаху, он с радости побежал на улицу покрасоваться, а увидав, что лошади вышли вслед за ним сквозь незакрытую калитку, стал их заворачивать во двор. И одна лошадь взбрыкнула. Какой-то камешек из-под её копыта попал ему в глаз. И с тех пор этим глазом он видел только белую пелену или, как говорил сам, «только молоко».

Потому мобилизовали его не сразу и направили в строительные войска. С первой попытки он с такими же новобранцами не смог доехать в поезде даже до Льгова. Столь тщательно бомбили немцы этот наш древний курский городишко, представляющий из себя еще и узловую железнодорожную станцию. А вторая попытка была удачной, поезд через Льгов проскочил и благополучно домчался до самого Курска.

Попадал он под бомбежки и обстрелы также и по местам службы.

— А вы что же? — допытывался я, когда уже стал примеривать события его жизни к себе. — Куда прятались?

ПРОЗА

Он оглядывался по сторонам, чтобы показать, куда у нас во дворе или на огороде можно спрятаться, но, не найдя ничего подходящего, сознавался:

— Приспичит если, то спрячешься...

После войны его отправили домой лишь на побывку. В результате родился мой послевоенный брат Александр. Потом была у него еще одна побывка. И родилась моя сестра Екатерина. А демобилизовался он аж в 47-м году, потому как два послевоенных года восстанавливал в Москве порушенные дома в качестве кровельщика. Ему после демобилизации предлагали остаться у кровельщиков бригадиром и как семейному обещали какой-то угол. Но он предпочел вернуться в родное село.

— Почему? — допытывался я.

— Потому что там, в Москве, люди на головах друг у друга живут, — объяснял он. И далее сам удивлялся своим воспоминаниям: — Да-а..., она ж Москва-а-а...

— А какая?

— Такая, что и не скажешь... У одних под тобой квартира, у других над тобой... Считай, что на головах друг у друга живут.

В результате я рисовал Москву в виде многих изб с крышами и трубами, установленных одна на трубу другой.

Отцу от войны достался фанерный чемоданчик, где он хранил и медали, и свой самый удивительный военный трофей — противогаз, а также все прочие ценности, включая облигации госзайма, которые в последний раз я видел уже усохшими и ломкими, как древний пергамент.

А резина от противогаза мною была употреблена на рогатки. И, помню, с ужасом я глядел, как отец открыл свой сундук и обнаруживал, что от противогаза остались только круглые стекла и длинный гофрированный хобот.

— Это я на рогатки... — сознался я.

Но он только-то и сказал:

— Да, действительно, резина хорошая. А вот военную кружку не трогай. Таких теперь не найти.

Поскольку эта алюминиевая кружка мне была не нужна, то сохранилась она до той поры, когда моя еще довоенная сестра Нина вдруг занялась рукоделием и приспособила её для копирования понравившихся ей вышивок. Распластывала она по столу узор, вышитый на наволочке или на полотенце, накрывала его своею тканью и начинала по этой ткани возюкать кружкой. И весь узор на ткани отпечатывался. Оставалось лишь прошить его на пяльцах разноцветными нитями.

Живучею оказалась и отцовская гимнастерка. От стирки превратилась она в почти белую, но — износу ей не было.

Одевал он гимнастерку, когда надо было отправляться на покосы или на такую же, до упаду, работу. Домой возвращался, негнучую от всохшего в нее пота гимнастерку снимал и всякий раз удивлялся:

— Вот что значит военная вещь, сколько ведер пота из меня вылилось, а по спине ничего не текло, всё она в себя впитывала...

А мать вспоминала о той поре, когда наше село находилось под немцами, только когда я, самый младший, слишком неохотно завтракал.

— В войну бы — да вот эти картофелинки, да такие же белые, да вволю бы... Ох, деточки, слава Богу, живем! — вздыхала она.

Лишь один раз, опять же по случаю моей привередливости за столом, мать рассказала, как местный бывший полицей залез к нам в погреб, будто в собственный. «А я ж ему, врагу, криком кричу, что это он у деточек моих отнимает, а ему хоть бы что, на меня он даже и не глядит...»

И её вполне спокойный голос меня вдруг как кипятком обжог. Я во двор выскочил, но брат меня догнал, рогатку у меня из кармана выхватил и сломал. «Ты чё!» — накинулся я на него с кулаками. А он мои кулаки поймал и тихо, чтобы никто не расслышал, мне сказал так: «Ага, когда он из отсидки вернулся, и мы с хлопцами такими же рогатками ему окна побили, дак потом даже не скажу, что было нам...»

А когда я вместе со своими одногодками уже тренировался срубать тяжеленным самодельным кнутом лозу или ветку чуть не с палец толщиной, именно этот бывший полицей однажды к нам за огороды вышел и стал грозить, что утопит ничейную и потому нашу, ребячью, собаку, если она опять на его огород забежит и рассаду там поваляет. Я же, приготовившийся было лозу срубить, в единый миг ослепнув, как и тогда за столом, от ярости, вдруг хлестанул по полицейу кнутом, да с таким жестким и ровным протягом, какой никогда мне не удавался. И распорол ему на спине рубаху от плеча до пояса. Он упал ничком. А мне еще проще стало ему рубаху полосовать. Мои перепугавшиеся товарищи кнут у меня отняли. Потасили меня к пруду, под мост. Там долго совещались, как быть дальше после столь очевидного моего преступления. Посылали разведчика. Тот возвратился и доложил, что «он же лежит». Потом мы все вместе на лужок выглянули, а там уже было пусто.

Но страхи наши оказались напрасными, поскольку бывший полицей никому на нас не пожаловался. А я, когда нечаянно с ним встречался, то не решался даже и мельком на него взглянуть. И так муторно было мне вспоминать о той

своей хоть и краткой, но воистину звериной ярости, что в один из своих приездов в наше село уже из Москвы я нечаянно этого бывшего полиция встретил возле магазина, и он, узнав меня, охотно со мной поздоровался.

— Я вот всё переживаю, что тогда я еще и из-за этой собаки.., — осмелевши, вымолвил было я, но он заулыбался и, не дав мне договорить, вполне дружелюбно сказал мне:

— Что ли не мужики мы с тобою, чтобы о ерунде беспокоиться? Да будь моя воля, я б даже не знаю, что с тобой сделал! А впустую только дураки обижаются. И ты, как человек умный, сейчас бы не подошел ко мне, если б этого не понимал. Разве ж не так?

Из этих то ли замысловатых, то ли игривых его слов я понял всего лишь то, что он на меня не обижается. И расстался я с ним как человек, у которого камень с души свалился.

А тогда, сразу после моей экзекуции над ним, я хоть и чувствовал себя виноватым, но и было мне обидно видеть, как иной раз по вечерам у чьего-нибудь двора наши сельяне собирались «погломонить по-соседски», и он к ним запросто подходил, а они с ним запросто вступали в беседу.

Мне они казались предателями.

Своему хромому с войны соседу Ивану Максимычу, который не в службу, а ради нашего соседского свойства иногда посылал меня в сельпо за папиросами, я все-таки выказал свое затаенное недовольство:

— А чё ото тебе, дядька Максимыч, и всем вам нет разницы, кто фашистам служил, а кто, как ты, воевал геройски?

Максимыч нахмурился, потом очень уж неохотно согласился со мною:

— Да так-то оно так...

Потом, помолчавши, вроде как мне возразил:

— Но и не так должно, чтоб обо что-то запнуться...

Он как-то очень уж нехорошо усмехнулся, потом, словно смутившись от этой своей усмешки, спросил:

— А ты думаешь, люди не чувствуют, как червь его уже почти что дожевывает изнутри?

При этом Максимыч так разволновался, что попрощался со мною даже и не одобрительно:

— Ты ото не это... А то еще и сам превратишься в червя!

Однажды, пока мы с матерью из магазина возвращались, успела подкрасться к нашему краю села синюшная, в полнеба, грозовая туча. И мы ускорили шаг. А бывший полиция впереди нас точно так же поспешал со своим рослым бычком на поводке. И тут сверкнула совсем близко от нас молния, и от грома, как от взрыва, земля пошатнулась, а бычок с пере-

пугу стал вырываться, и бывший полицаи принялс его лупить кулаком по ноздрям.

— Додушит-таки он сам себя, — вымолвила моя мать с таким сочувствием, что я даже и не сразу понял, кого жалеет она больше — бычка или его хозяина.

Между тем, жизнь не стояла на месте.

— Кто у нас Сталиным теперь? — спохватывалс отец иногда.

— Да Хрущев же, — отвечал я ему.

И проходили годы. И опять он интересовалс:

— А Хрущевым у нас кто?

— Да Брежнев же, — отвечал я.

Потом я уходил в армию. С последнего своего гулянья вернулся домой почти под утро. Но родители встретили меня вполне бодро. И мать сразу же принялась мне о чем-то своем встревожено говорить и говорить.

Отец тоже пыталс вставить слово. Но она обнимала и гладила мою руку, и в своих причитаниях остановиться никак не могла.

— Дашь ты мне сказать? — наконец-то и к ней обратился мой отец, да столь сурово, что она примолкла.

— А то ж завтра тебе будет уже не до нас, — повинилс отец передо мною сразу же присмирившим голосом. И после этого мы долго сидели молча. Мать с напряженным ожиданием глядела на отца, отец, глядел на кота, спрыгнувшего с печки и с ленивым позевыванием усевшегося между нами. А я тоже глядел на кота.

— Ну-у... — спохватилс отец. — В общем, хотел я только одно сказать... В общем, ты ж ото как все люди будь и там, в армии, и мало ли где тебе еще побывать придется...

— Ага, ото ж как люди..!» — более горячо повторила вслед за ним мать. И на том успокоилась. И отца заторопила:

— Всё, заканчивай свою церемонию. Ему ж да надо поспать!

И ушла. Отец же, пока я раздевался, ходил кругами по комнате, словно припоминая то, что к сказанному дополнить забыл.

А напоследок он важно изрек:

— Ты ж все-таки попытайс уснуть!

И у меня сон пропал.

Потом я уже из Москвы каждое лето приезжал к ним. Мать встречала меня своими обычными причитаниями. Отец, как всегда, стоял у нее за спиной и дожидалс своей очереди меня обнять.

В один из таких приездов я помогал им копать картошку. И вдруг просыпалс дождь.

— Вот и хорошо, — оживилась мать. — А то обедать пора, а мы тут не разгибаемся.

И мы отправились обедать.

Но во дворе отец не в дом свернул, а на улицу.

— Куда это он? — спросил я у матери.

— Да пока буду стол лаштовать, будет он там стоять, разинувши рот. А что ли не помнишь, как он во всякий дождь подо что-нибудь притыкался и стоял там, пока его не позову?

Я тоже вышел на улицу и обнаружил отца обмершим под дощатым навесом над нашими воротами. А дождь превратился в отвесный ливень. И через минуту мне уже казалось, что мы, невесомые, летим и летим куда-то ввысь сквозь ровный и густой рокот непонятно каких, то ли тяжелых, как свинец, то ли даже и невесомых, как мы сами, капель.

И даже не вздрогнул я, когда из ровных струй дождя темною тенью шагнул к нам под навес некто в длинном брезентовом плаще.

— Пока оно льет, дак тута я пережду... — пересиливая шум водопада, хрипло и натужно подал свой голос этот пришелец и приоткрыл нам из-под капюшона свое лицо. И я даже вздрогнул, узнав бывшего полиция.

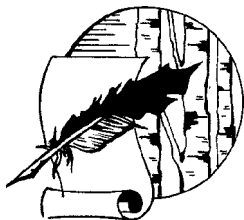
— А мы с твоим москвичом пару годков назад парой слов перекинулись и вот опять же свиделись... — сказал он отцу, но заметив, что дождь поостыл, сразу ушел.

— Ты не поверишь, — невольно сознался я отцу, — почему-то именно он запомнился мне больше других наших селян. Ну, не то чтобы как Максимыч или кто другой... Но...

Но еще и не договорив, я понял, что на самом деле я хотел сказать об этом как-то по-другому. А тут и мать нас позвала к столу.

И вот через сколько-то лет я у себя в Москве на балкон вышел, чтобы полюбоваться на приближившуюся тучу, но, страшась молний, жена меня с нашего незастекленного балкона прогнала и дверь за мною плотно зарыла. Не без досады рухнул я на диван, пультом поискал в телевизоре, может быть, новости.

И когда набрел я на репортаж об очередном обстреле Донбасса, и на экране среди прочего вдруг промелькнула картинка с совершенно безмолвным мальчиком возле исковерканного сельского домишки и со стоявшей рядом такой же безмолвной, непонятно какого возраста женщиной, успевшей мне запомниться лишь своей криво застегнутой кофтой, — то уже и нельзя было мне того врага, который порушил их жизнь, не представить в виде того полицаевого червя, которому дали-таки почувствовать, что ему уже можно быть на людей не похожим, и он на свободу выполз.

Сергей КРИВОНОС

ЗВЁЗДНАЯ ВОДА

ПРИФРОНТОВАЯ УЛИЦА

Живет на свете улица. Она
На улицы соседние похожа:
Куда ни глянешь — не видать прохожих,
Где тишина была — теперь война.

И я по этой улице иду,
Вдали зарю холодный ветер сдул,
А рядом — одичалый луг пастуший.
И под разрывов отдаленный гром
Поблеклое гусиное перо,
Как весточка из дней минувших, кружит.

Такая вышла с улицей беда —
Покинули ее давно сельчане,
Но по привычке зябкими ночами
Согреться опускается звезда.

Лежат букварь, утюг, велосипед...
Чтоб как-нибудь напомнить о себе,
За поворотом скрипнули ворота...
Живет на свете улица. Она,
Как брошенная в старости жена:
И жизнь — хоть удавись, и жить охота.

* * *

Вот облаков витиеватый дым.
Вот горизонт. Всё так легко и просто.
Но даже днем, когда не виден космос,
Вдруг ощущаешь робость перед ним.

Казалось бы, какая ерунда —
Трава у ног и радостный кузнечик.
А через них перетекает Вечность,
В песчинки превращая города.

Да, я, конечно, свой среди полей.
Под силу мне пересказать стихами
И тишины прозрачное дыханье,
И светлый шум печальных тополей.

И часто вечером, без суеты,
Задумчиво смотрю на мир огромный,
Но знаю, что окно родного дома
Светлее для меня любой звезды.

* * *

Потеплели глаза у зари,
И объята покоем равнина,
Где в росе обреченных травинок
Отразились опять косари.

Где удачу пророчат грачи,
Где безумствует запах акаций
И где бабочки тихо садятся
На упавшие в травы лучи.

Что сказать? Человек я простой:
Мне наградой твой взгляд и отрадой,
Как цветение майского сада,
Как весны разнотравный простор.

И под легкие вздохи косы
Закружили под облаком птицы,
И ромашек пыльца золотится
На прозрачных крылах стрекозы.

* * *

Весна входила в город не спеша,
Льды опрокинув, речка разливалась,
И утро вновь расплескивало алость,
Ветрами поднебесье вороша.

А в час, когда, касаясь берегов,
Поплыли дружно над рекой туманы,

Душа к тебе рванулась покаянно,
Прорвав оковы гибельных снегов.

И, ощутив фатальное родство,
Она с твоей душой перехлестнулась,
И в нас обоих вдруг очнулись юность
И давних дней святое озорство.

Промчались дни. И где-то в октябре,
Когда к зиме готовились деревья,
Я подарил тебе стихотворенья
В укрытом первым инеем дворе.

Природе не хватало теплоты.
Крепчала осень. Но весна чудила —
Из дома твоего не уходила
И рассыпала по углам цветы.

* * *

Апрель. Вокруг — безбрежие весны,
Мир молодеет, и светлеют лица,
И дышит так земля, что валуны
С крутых холмов готовы покатиться.

Ударил гром, поселок пробудив,
А я — туда, где полю травы снятся,
Где запрягает день свои дожди,
Чтоб по лугам задористо промчаться.

Где тишина прочна и даль ясна,
Где плавная река в туман одета
И где еще задорнее весна
Вдыхает свежесть нового рассвета.

И вновь к тебе по тропке побреду
Под ветра несмышленное роптанье.
Приду и на колени упаду,
Как будто пред иконой Мироздания.

* * *

Завечерело. Город затихает.
Снег падает неслышно, не спеша.
У снегопада есть свое дыханье,
У снегопада есть своя душа.

Пускай мороз — уюта нам хватает
Среди заиндевелых тополей.
И видно, как легко снежинки тают
И на моей руке, и на твоей.

Они мелькают, словно бы посланье
Нам передать стараются, кружа.
У снегопада есть свое дыханье,
У снегопада есть своя душа.

Так здорово, что ты со мною рядом,
Что нам немало предстоит пройти,
И мы идем вдвоем под снегопадом,
Под зимним одноцветным конфетти.

Метель ворвется в город с завываньем,
Но нам она не сможет помешать,
Поскольку у любви — свое дыханье,
Поскольку у любви — своя душа.

* * *

Тепло. Но бабье лето на изломе.
Как на духу, я признаюсь в простом —
Что был виновен лишь в немногословье
Своем.

Да, это так. Но за стихов отраду,
За их неистребимый непокой
Я буду доверительно оправдан
Тобой.

И знаю — в лабиринтах дней тревожных,
В глухих хитросплетеньях бытия
Нет никого нежнее и надежней
Тебя.

Не зря же ночью тихой и безлунной
У дымчатых созвездий на виду
Опять к тебе по долгову безлюдью
Иду.

К скучающей, уставшей, не уснувшей,
Иду как будто в странном полусне.
И мягко светят мне твои веснушки
В окне.

* * *

Вдохновенно, в устремление смелом,
Весело друзей к себе позвав,
Маленький художник хрупким мелом
На асфальте лошадь рисовал.

Прокатилось солнце торопливо,
Наблюдая мальчика игру:
Лошадь розовой была, и грива
Тоже розовела на ветру.

А когда, осев густым туманом,
Над землею распласталась мгла,
Живописца из окошка мама
Голосом негромким позвала.

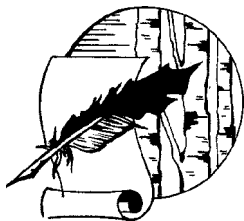
Сохли полотенца на балконе,
Звякал ветер дужкою ведра.
А мальчишке снилось, будто кони
Цокали у окон до утра.

* * *

Светает. Дед Корней у дома ходит.
Бодряк-петух взлетел на перелаз.
И звезды быстро падают в колодец
Так, что вода до сруба поднялась.

Дед пьет из кружки. И в усы смеется.
Ему любое горе — не беда,
Ведь по утрам всегда в его колодце
Звенит, качаясь, звездная вода.

г. Сватово, ЛНР

Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ

НЕ СОЙДУ С ТВОЕЙ ОРБИТЫ

* * *

Война на целые века
Вошла к нам в души опалённо.
Бойцов Бессмертного полка
Должны мы помнить поимённо.

Портрет отца. Моя щека
К его щеке прильнёт с любовью.
Бойцы Бессмертного полка,
Одною спаяны мы кровью.

* * *

А память о войне чего-то значит —
Я эту память сердцем не утрачу,
Хоть старость подло бьёт мне по лицу.
Я до сих пор во сне мальчишкой плачу
По не пришедшему с войны отцу.

* * *

О, как волшебны яблони зимой,
Когда густой снежок их покрывает,
Как будто белой сказочной фатой
Невест-красавиц к свадьбе наряжает.

* * *

Неизлечимо, видно, болен:
Я в жизни многим недоволен,
Доволен лишь одним порой,
Что недоволен я собой.

НЕ СОЙДУ С ТВОЕЙ ОРБИТЫ

Жене Александре Степановне

Ты мне была всегда опорой,
Мне рядом так легко с тобой;
На трудных жизненных просторах —
Сияешь утренней звездой.

Я в этом мире странный путник,
А ты — мой верный свет земной.
И я вокруг тебя, как спутник,
Верчусь, влюблённый и шальной.

Нам все пути в любви открыты,
Пока в нас бьются в лад сердца.
Я не сойду с твоей орбиты,
Ни долюбивши до конца.

* * *

Золотые разливы лютиков,
Что похожи на майский закат,
На прозрачных и тонких прутиках,
Чуть качаясь от ветра, горят.

И когда на разливы лютиков
Взгляд ни кинешь — картина одна:
В жёлтом девушка — кудри кустиком —
Всё о ком-то грустит допоздна.

* * *

Зацвели черёмуха и слива,
Зазвенела песнями весна.
Отчего же сердцу так счастливо?
Отчего же сердцу не до сна?

Отчего же робко на свиданье
Каждый вечер в вешний сад иду
И тебя там в сладком ожиданье
Под фатой черёмухи я жду?

Оттого и сердцу так счастливо,
Оттого и сердцу не до сна,
Что любовь созрела, словно слива,
Расцвела в душе моей весна.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Лебяжьим пухом, лёгким, мягким
Снег валит, валит на поля.
А за окном седые шапки
Уж примеряют тополя.

Глядим мы и в улыбках таем,
А первый снег ложится вновь.
Так часто в юности встречаем
Мы нашу первую любовь.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Последний снег в апреле тает,
Как грусть разлучная любви,
Которая в душе уж знает,
Что будут встречи, соловьи,

Что нас с тобой на луг потянет,
Как расцветут ромашки вновь.
Пока же снег последний тает,
Как уходящая любовь.

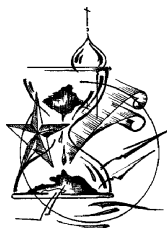
г. Тольятти

РУССКАЯ ИДЕЯ КАК ФАКТОР ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УКРАИНСТВА

— Богдан, ты выпускаешь книги московских авторов, которые, как ты считаешь, помогают всем нам, русским, бороться с украинским национализмом. Но мне кажется, содержание основной массы этих книг таково, что они бьют мимо кассы. Главная причина этого в том, что ты и выпускаемые тобою авторы ведут войну не с тем врагом. Вы воюете с украинством образца XIX — первой половины XX века, когда большинство жителей Украины говорило на мове (суржике). Сейчас же ситуация поменялась коренным образом: большинство украинских граждан говорит по-русски, главные персоны боевого крыла украинства типа Билецкого (внесён в РФ в список экстремистов и террористов. — Ред.), Жорина, Семена Семенченко русскоязычны. Украинский национализм стал русскоязычен. А вот книг, отражающих новую ситуацию, нет. Почему? Почему русскоязычные националисты Украины в большинстве своем против всего русского и за украинское?

— Это заблуждение. Из изданных нами семнадцати наименований книг двенадцать написаны авторами, имеющими отношение к Украине (это 70% всего нами изданного).

РУССКИЙ МИР

Это либо люди, которые до сих пор там живут, либо люди, которые вынуждены были переехать, но, тем не менее, хорошо владеют местной спецификой и которые большую часть своей жизни прожили на Украине. К примеру, автор первой изданной нами книги «Антидот», разоблачающей большинство украинских мифов, — киевлянин. В конце концов, самый знаковый борец с украинским сепаратизмом, профессор университета в Нью-Хейвене Николай Ульянов, чьи книги сыграли роль библии для борцов с украинской идеологией и идеями сепаратизма в целом, не был уроженцем Малороссии. Он был великорус, но это не помешало ему быть бескомпромиссным борцом как с идеями украинского сепаратизма, так и с идеями коммунизма. Причем борцом весьма успешным: его основной труд, «Происхождение украинского сепаратизма», был издан в 1962 году, но остаётся актуальным до сих пор. Я знаю лично массу людей, излечившихся от идеологии украинства после прочтения именно этой книги.

Что касается идей украинства, то очень важно понимать и знать весь его генезис. Если сейчас всех граждан на Украине заставляют отказываться от русского языка и навязывают украинский литературный язык, то важно знать — почему. Как и когда, при каких условиях возникла идея украинизации, когда и кем был кодифицирован украинский язык. Кто был идеологом украинизации и как, на каком языке (диалекте) вообще говорили в разные периоды истории на территориях нынешней Украины люди.

Язык — это лишь один из аспектов, во многом атрибутивный. Главным является понимание идейного багажа: откуда и как возникла сама идея отделения.

Если не изучать историю явления во всей её целостности, то ни понять суть явления украинского сепаратизма/национализма, ни выработать рецепты борьбы с ним будет невозможно.

Врач всегда изучает историю болезни пациента. Все внутренние и внешние факторы. Если врач просто будет купировать симптомы вместо борьбы с возбудителями, то болезнь не прекратится, она просто затаится и вспыхнет вновь.

Вот вы говорите, что мы боремся с украинством того периода, когда большинство говорило на «суржике». Но тогда для большинства русского населения суржик не являлся фактором какого-либо национального самосознания. Максимум было региональное, а большей частью — социальное самосознание: вот выучишься, выйдешь в люди, будешь разговаривать на «грамотном» языке.

Статус национального атрибута суржику/мове придали носители идей украинского сепаратизма в более поздний пе-

риод. Эти люди не относились к простонародной сельской среде, они были образованными, грамотными, зачастую исключительно русскокультурными людьми, и главной целью этих людей было не просвещение простого народа, а дистанцирование от общерусского (просто русского) языка и идентичности, создание и конструирование идентичности новой — украинской.

Опять же — нужно очень хорошо знать весь этот генезис, потому что украинство тянется корнями в XIX век, к Шевченко, Кирилло-Мефодиевскому братству, памфлету «История Русов» (написанному, кстати, не на суржике, а на весьма грамотном русском языке), журналу «Основа» и т.п. Без этого базиса бороться с украинством бесполезно.

Был, кстати, и обратный пример — когда жители Галиции и Подкарпатской Руси в том же XIX веке неожиданно «проснулись» и осознали, что они — русские. Они тоже говорили на «суржике», только на своём — галицком. И многие из них принадлежали к униатскому духовенству. Все эти отличия не мешали им считать себя частью «большой русской нации», за что многие из них заплатились жизнью и здоровьем в австрийских концлагерях Терезин и Талергоф.

Так что главный объект борьбы — это сознание и идеи. Именно потому, что эти идеи возобладали над умами русскокультурных людей, эти люди и превратились в идейных украинцев. Культура и язык у них русские, а идеи — украинские.

В реальности украинство — это идеология, которая мимикрирует под этническое освободительное движение. В обычной жизни «украинца» от другого русского человека не отличает ничего, кроме идеологии. Поэтому я говорю о необходимости внедрения общерусского идеологического нарратива, а Павел Климкин (бывший министр иностранных дел Украины. — Ред.) — о необходимости войны против России. Мы отличаемся между собой не антропологическими признаками или принадлежностью к разным культурам, нас разделяет идеология.

Теперь относительно так называемых русскоязычных украинских националистов, о которых говорят как о некоем устойчивом политическом конструкте. Это миф, придуманный недалёкими московскими интеллигентами, с целью вызвать симпатию к украинским националистам.

Большинству т.н. украинских националистов, уроженцев Юга и Востока Украины (то, что сейчас называют Новороссией), легче говорить в быту на русском языке. Потому что это их родной язык, на котором они общались с родителями. Но при этом все эти люди всячески стараются изжить свою

русскаяязычность и стремятся это осуществить как можно быстрее. Русскаяязычность рассматривается ими как временное и тактическое явление. Мол, в бою некогда думать о том, как правильно отдавать приказы на украинском языке. Но уже дети этих националистов в школах учатся на украинском языке, и вместо русских языка и культуры их родители подсовывают им английский язык и англо-саксонский культурный пласт как выход в мир высокой культуры. Нет Пушкина — изучай Шекспира. В это же время их родители стремятся форсировать дерусификацию всего гуманитарного и политического пространства.

Главным здесь, в вопросе языка, должно быть понимание того, что украинизация языковой сферы является следствием воплощения в жизнь идеологических установок, а не наоборот, как в любом нормальном национально-освободительном движении.

— *Что, по-твоему, нам необходимо делать с украинским языком на новых территориях Российской Федерации?*

— На территории, подконтрольной Донецкой Народной Республике, в 2014 году все школы сразу же были переведены на русский язык обучения. Без всяких там «переходных периодов» для украинского языка. И никакой проблемы с этим не возникло. Украинский язык в ДНР за ненадобностью просто умер и не стал востребованным даже в качестве факультативного предмета. Это более чем наглядно продемонстрировало его искусственное насаждение на территориях исторической Новороссии.

Не нужно бояться перевода школ освобожденной Новороссии на русский язык. Тут нужно помнить, что практически все эти школы 10—15 лет назад переводились с русского на украинский язык обучения. Более того, учитывая возрастной состав педагогических кадров, большинство из них получили своё профильное образование или в Советском Союзе, или на заре украинской независимости, когда языковые законы не были ещё настолько драконовскими — т.е., по сути, они получили русское образование. Вернуть русский язык в преподавание не составит проблем.

— *Как ты видишь для России решение украинской проблемы?*

— Первое — нужно чётко проговорить цель объединения в одно политическое пространство территорий, где вплоть до начала XX века проживали люди, называвшие себя этнонимом «русский» (или синонимичными этнонимами — «руський», «русин» и так далее).

Это можно назвать общерусской идеей. Целью этой идеи является объяснение того факта, что восточным славянам

необходимо в свете колоссальных исторических вызовов снова объединиться и преодолеть внутреннюю псевдоэтническую раздробленность. Только так можно выйти на такой уровень политического, экономического, социального, культурного развития, который позволит рассчитывать на достойное будущее.

Общерусская идея — это преодоление архаизма мелких восточнославянских национализмов, которые возникли как наследие польско-австрийской оккупации. Эти национализмы (украинский, белорусский и русинский) в своем логическом завершении снова возродят (да и сейчас удачно возрождают) систему подчинения восточных славян представителям западного мира. Подчинения экономического, культурного, политического, но главное — идейного. Такое подчинение обязательно приведет к деградации человеческого материала и сокращению ареала расселения восточных славян.

Общерусская идеология должна быть динамичной, прогрессивной, отводящей архаике сугубо фольклорные функции, должна быть в меру радикальной, превратиться в движение национально-освободительного толка. Важным должна быть современность идеи, она не должна казаться или тем более быть архаичной.

Для меня главная идея — реконкиста Русского мира. По образцу и подобию Первой русской реконкисты 1654—1795 годов. Отказ от рабских и привнесенных извне национальных идентичностей.

— *Что должно быть стержнем того, что ты называешь общерусской идеологией?*

Стержень — русское самосознание, а также культура — русский язык, литература, православие (уважение к его культурному вкладу). Политическая ориентация на Россию как на самый мощный и сохранивший наибольшее количество исходных русских черт осколок русского государства.

Ориентация на технический прогресс, социальную динамику общества и возможность физического и духовного саморазвития человека. Как результат — построение сильного государства, государства-убежища для всех русских и других коренных народов России, а также для людей, комплементарных по отношению к России и русскому народу.

— *Может ли общерусская идеология помочь нам в проведении специальной военной операции?*

— В рамках общерусской идеологии СВО воспринимается как акт преодоления феодально-олигархической раздробленности русской земли и борьба за централизованное об-

шерусское государство с центром в Москве. Кстати, большинство европейских народов имеют в своей истории аналогичные периоды. Это и Рисорджименто в Италии, и Реконкиста в Испании, и «Великая Идея» в Греции, и объединение Германии «железом и кровью» в XIX веке. В истории США тоже было много похожих сюжетов — присоединение Техаса, который в течение двух лет был самопровозглашенной республикой.

— *Что нужно в первую очередь сделать в рамках общерусской идеологии?*

— Прямо сейчас в России нужно перестраивать гуманитарную сферу, причем даже на уровне терминологии. В историю и географию должны вернуться географические и исторические термины «Новороссия» и «Малороссия», «Подкарпатская Русь» и «Червонная Русь». Пора уже говорить правильное «Галиция» вместо провинциального «Галичина».

Исторический период «собираания русских земель» не должен в учебниках заканчиваться эпохой Ивана III. Этот период длился вплоть до разделов Польши в эпоху Екатерины II — с той оговоркой, что Галиция и Подкарпатская Русь так и не вошли в родную гавань.

Должное место в русской истории обязаны занять и борьба православных братств Галиции и Малороссии, войны Хмельницкого, движение гайдамаков (чьим лозунгом было именно присоединение Правобережья Малороссии к России), русское движение в Галиции и Подкарпатской Руси в конце XIX — начале XX веков, движение западнорусистов в Белоруссии. Должны войти в сферу исторического образования и Русское движение в Приднестровье, и на территории бывшей УССР, и на Украине после 1991 года.

— *Ты веришь в успех озвученных тобою идей?*

— Верю. Главное, не сдаваться и не заниматься на государственном уровне симуляцией деятельности. У нас есть достаточно компетентные люди, которые могут справиться с поставленными задачами. В наших силах создание идеологической базы для объединения восточнославянского населения в единую русскую нацию. Но сделать это возможно только из России.

Беседовал Александр Чаленко, член Совета по межнациональным отношениям при президенте России.

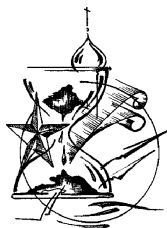
Украина.ру

О ДЕУКРАИНИЗАЦИИ МАЛОРОССИИ

С фронта то и дело приходят вести о том, что украинские военные, сдавшиеся в плен русским бойцам, не хотят идти на обмен. «РИА Новости» об этом рассказал снайпер 40-й бригады морской пехоты ВС РФ с позывным «Коваль»: «Кого мы взяли в плен, кто сдался. Из двоих, которых взяли, один ещё даже не понимал, что с ним будет. Вот его первые слова, когда они вышли из подвала, цитирую: «Умоляю, не отдавайте на обмен!»

В феврале Минобороны России опубликовало показания украинского военнопленного Александра Чумака, который проходил службу в 25-м отдельном штурмовом батальоне ВСУ и был взят в плен российскими военными в приграничном районе Курской области. Он рассказал, что не стремится на обмен, так как слышал, что вернувшихся из плена вновь отправляют воевать. «По мобилизации нас вылавливают, и может быть такое, что поймают и во второй раз. Пацаны говорят, что вылавливают и тех, кто был в плену. Вылавливают всех», — признался пленный.

В ноябре прошлого года волонтер Марина Ашифина поведала ТАСС, что очень многие

РУССКИЙ МИР

военнопленные хотят остаться жить на территории России: «Они массово отказываются от обмена на территорию Украины, их родственники также заинтересованы в том, чтобы они остались здесь. Власти РФ отзываются на эту просьбу, число тех, кто остался в России после освобождения из плена, продолжает расти... Фамилии и данные тех, кто покинул места содержания, мы не обнаружим».

Появилась информация и о первых подразделениях ВС России, набранных из бывших бойцов ВСУ, добровольно согласившихся освобождать свою родину от необандеровщины и русофобии вместе с русскими солдатами.

В конце 2023 года набранный из вчерашних вэсэушников добровольческий батальон имени Богдана Хмельницкого принял бой с украинскими подразделениями.

Первый боевой опыт приняли достойно — не сдали, заднюю не включили и шли вперед напролом. Когда выдвинулись на позицию, окопались там и приняли бой. «После того, как окопались, прилетели «птички» противника. У меня была пушка противодронная. Посадил две», — сообщил «РИА Новости» военнотружущий подразделения Кирилл Спаский.

Боевая единица была создана при формировании МВД ДНР ОБТФ «Каскад», которое руководство ВС России впоследствии решило расформировать. По некоторым данным, единицу решили перевести в состав Росгвардии, но внятной информации на сей счёт нет и по сей день. А раз так, то и будущее батальона Хмельницкого оказалось туманным. Во всяком случае уже больше года он не фигурирует ни в боевых сводках, ни в репортажах военкоров.

Периодически рассказывается о созданном из бывших вэсэушников сводном отряде или батальоне имени Максима Кривоноса. По разным данным, подразделение с переменным успехом бьётся на фронтах украинской войны за Русский мир, его бойцы, получившие гражданство России, уже имеют государственные боевые награды. Но всё это, безусловно, капля в море на фоне того, что в нашем плену сдержатся тысячи военнопленных ВСУ.

Эти люди не работают, как в своё время пленные немцы, на восстановлении разрушенных украинской армией гражданских объектов. Их не готовят к работе в тылу, хотя на освобождённых территориях резко ощущается кадровый голод. Да, нам безусловно нужен обменный фонд для вызволения из плена наших бойцов, а также украинских политических узников киевского режима. Пленных ВСУ в России больше в разы, чем пленных ВС России на Украине, так что работать

есть с кем, было бы желание. Но о такой работе пока ничего не слышно. В том числе и о создании условий для отказа украинских военных от обмена — а в этом мы кровно заинтересованы, поскольку обмененных через какое-то время вновь поставят под ружьё и отправят воевать против нас.

На сайте Царьграда опубликована моя беседа с военным экспертом, уроженцем Харькова и активистом Антимайдана Михаилом Онуфриенко.

— *Условия отказа пленных ВСУ от обмена до сих пор не созданы.*

— Это не стало массовым явлением, не отработан механизм создания воинских подразделений из бывших военнопленных. К тому же у нас в силу отсутствия идеологии и единой политики в информационном пространстве очень плохо идёт разъяснительная работа. Да, мы постоянно сообщаем им: «Сдавайтесь!» — но уже к четвёртому году войны не отработали механизм, позволяющий сдавшимся военным адаптироваться. Например, мы не используем их для восстановления разрушенного хозяйства, что массово делали с немецкими военнопленными. Не используем их, хотя в начале военной операции это было для эксгумации трупов их же бойцов и мирных жителей — это тоже мощный идеологический механизм. И мы не создали механизма возвращения родных и близких военнопленных на территорию России. То есть вместо того чтобы создать условия для массового прибытия граждан бывшей Украины в Россию, мы поставили им массу препон и единственный пункт пропуска — аэропорт Шереметьево. Хотя для начала можно было бы отдать себе отчёт в том, что не у всех есть деньги на самолёт.

— *Но все-таки фильтрация важна...*

— Согласно данным, опубликованным по итогу первого года работы этого пункта пропуска в ноябре года минувшего, через него проходят 77,5% прибывающих. При этом мы понимаем, что сюда едут люди, в подавляющем большинстве русофобами не являющиеся. И те десятки тысяч людей, которым отказали во въезде в Россию, — это не террористы и диверсанты. Все доводы, которые я до сих пор слышал: где-то там лайк поставили, где-то материалы какие-то удалили. Или кто-то из родственников служит на фронте. Но, простите, там мобилизация вообще-то! И насильственная. Многие вэсэушники могли бы таким путём адаптироваться к нашей жизни: да, это потребовало бы колоссальной нагрузки для наших спецслужб, но это их работа. Должна быть чёткая и ясная политика по отношению к бывшим гражданам быв-

шей Украины. По моим личным ощущениям, подавляющее большинство участников терактов на территории России — это либо выходцы из Средней Азии, либо гастарбайтеры, либо получившие гражданство уроженцы тех мест, то ли граждане Российской Федерации, граждан бывшей Украины там меньшинство. Притом что, повторимся, на территории России их находится более десяти миллионов человек. Поэтому, наверное, стоило бы поменять политику и создать условия для воссоединения семей. Для того чтобы люди, которые возвращаются по обмену, оставались здесь, потому что большинство из них возвращаться не хотят, и если бы их родные были здесь, они бы и не вернулись.

— *Вспоминается недавний скандал, когда к бойцу ДНР не пустили его мать, оказавшуюся на оккупированных ВСУ территориях Донбасса, хотя она в своё время организовывала референдум об отделении от Украины и её избивали палачи СБУ...*

— Это действительно вопиющий факт! Эти факты известны, и подобный порядок необходимо менять, потому что он работает против нас. На одной чаше весов опасения спецслужб, что в этом потоке в страну проникнут активные диверсанты. Да, случаи будут, но единичные, а вот миллионы русских людей, которые хотят вернуться в Россию, не могут этого сделать. Я не кричу об этом на каждом шагу, но ко мне постоянно звонят из Европы знакомые и знакомые знакомых, которые не могут въехать в Россию. У кого-то отец в Крыму болеет раком, а он не может приехать к нему. Отказы во въезде на сроки до двадцати лет и более без объяснения причин. У кого-то нашли банковскую карточку с девизом: «Русский корабль, иди на ...». Но там действительно такие карточки выдают! Друзья мои, ни у одного человека, который там активно борется за Россию, включая тех же партизан, что жгут релейные шкафы, поджигают машины тэцкашников, в телефоне не будет ничего пророссийского, наоборот — только крики «Слава Украине!». Из-за конспирации. И на этом основании ни один из них никогда не въедет в Россию.

— *Недавно в Москве состоялось заседание Клуба народного единства, в рамках которого завязалась жёсткая дискуссия: уроженец Киева и боец Алексей Селиванов говорил, что жителям крайне необходима рерусификация, и важно напоминать, что они русские люди, в то время как экс-премьер Украины Николай Азаров, напротив, утверждал, что ничего подобного не нужно, достаточно вернуть «братскую и добрососедскую» Украину...*

Я непосредственно работал с Азаровым в конце 2014-го — начале 2015 года и могу прямо сказать, что стремление че-

ловека вернуться во власть довлеет над здравым смыслом. И у нас достаточно людей богатых, обеспеченных, которые занимаются тем, что мечтают вернуться на Украину и «пановаты» там. После того, безусловно, как Россия её освободит. А они сядут там, безусловно, в интересах России. Мы это уже слышали, то же говорили и Кравчук, и Кучма, и даже когда-то Зеленский. Но придя к власти, они первым делом займутся её узурпацией, чтобы как можно больше решали они и как можно меньше решала Россия. Рассказывать о том, что Украина уже состоялась... А можно узнать, в какой именно момент это произошло? Почему я, так же будучи некоторое время гражданином Украины, утверждаю, что она не состоялась де факто? Почему опрос Института Гэллпапа, который проводился после первого Майдана в 2007 году, чётко показал, что 83% населения Украины считают своим родным языком русский. А сегодня премьер Азаров, который ни разу украинцем не является, а родился и вырос в Калуге, начинает рассказывать, что там было на самом деле на Украине. Ну пусть он тогда уточнит конкретно: Севастополь — это украинский город? А Харьков? Может быть, Одесса — украинский? Суть в том, что государственные границы прокладываются в силу сиюминутных политических интересов. Почему американцы в лице Трампа могут не признавать никаких госграниц — и это нормально. А возвращение Россией территорий, где живёт русское население, это не нормально?

— *Поэтому пленным нужно системно восстанавливать их память о русских корнях?*

— Не надо никого ломать через колено. Просто начните преподавать им историю, настоящую, а не выдуманную. Если Мазепа герой, то расскажите, что он двадцать лет служил Петру и его отцу, прежде чем на старости лет впал в ма-разм. Итогом чего стало бегство и мучительная смерть. Если Бандера герой, то покажите акт о восстановлении украинской державности, подписанный во Львове в присутствии двух офицеров Абвера, где говорится, как вместе с Адольфом Гитлером они будут строить новый мировой порядок. Если герой Роман Шухевич, то покажите его письма, которые я читал: он до конца 1942 года воевал с партизанами в Белоруссии. Каким таким образом на тот момент капитан германской армии Шухевич боролся за независимость Украины? И можно продолжать до бесконечности, факты эти железобетонны.

Почему, говоря о целях Военной спецоперации, сформулированных Верховным главнокомандующим, мы надеемся на авось, что вот ещё немного военных действий — и там всё

посыпется? Я уж два года слышу про «фронт посыпется» — и всякий раз пытаюсь получить ответ на вопрос: а почему он должен посыпаться? С апреля прошлого по апрель нынешнего года мы освободили чуть более 4 тысяч квадратных километров с учётом Курской области. Это менее одного процента территории, которая находится под контролем киевской хунты.

Нужна системная работа и не на один год. Мы наглядно убедились на примере той же Украины, что наши оппоненты умеют за какие-то 20 лет капитально промыть мозги кому угодно. Во время прошлой Войны СССР с гитлеровскими офицерами работал, Союз немецких офицеров создавал, круглосуточно вещая на немецком языке. Сейчас мы что-то подобное создали? А почему? У нас возможностей не хватает? Или мозгов? Или политической воли? У нас отсутствует системный подход к проблеме.

«Придёт пора, когда вместо лжи и человеконенавистничества украинствующих раскольников восторжествует правда, согласие и любовь под высокой рукой Единой Неразделимой России!» Эти слова были написаны задолго до наших дней. Написал их в 1939 году в Белграде Василий Шульгин, не самый симпатичный персонаж белой эмиграции, в 1917-м лично принявший участие в заговоре против Государя. Но как коренной малоросс, киевлянин, он лучше других знал украинство. А сейчас на фоне победоносного наступления русских войск, освобождающих исконно русские земли Донбасса, Новороссии и Слобожанщины, нам навязывается похабный мир (или хотя бы перемирие) с Украиной.

В украинстве никогда не было ничего своего. Только — рабская готовность биться «до последнего украинца» ради интересов польско-литовской Речи Посполитой и Австро-Венгрии, гитлеровского третьего рейха и nasledующего ему Евросоюза. Чечевичная похлёбка украинства всегда выражалась даже не столько в западных подачках (они всегда были крайне скудными, да и, в основном, в долг, под проценты), а в панибратских похлопываниях по плечу: «Да-да, Тараска, ты тоже немного европеец». И потому «убивай, насилуй, клевещи, предавай ради светлой идеи украинства».

Ради этой идеи в годы гражданской войны петлюровцы устраивали еврейские погромы, жгли русские храмы, убивали православных священников и всех, кто не хотел поклониться «жовто-блакитной» тряпке, пожалованной шведским королём Карлом XII гетману-предателю Мазепе. Всех, кому литературный язык Пушкина и Достоевского был роднее напех слепого из малороссийских сельских наречий и

польских заимствований «державной мовы». Всех, кто оставался верен Русской Церкви и державе.

Ради этой идеи в годы Великой Отечественной войны бандеровцы в буквальном смысле вырезали сотни тысяч русских, поляков и евреев. Ради неё сгоняли евреев в Бабий Яр, сжигали белорусскую Хатынь и тысячи других русских деревень вместе с их жителями. И уже после Великой Победы 1945-го ещё несколько лет продолжали глумиться над своими же собственными соседями, не желавшими бегать по лесам и жить в подземных «схронах», промышляя кровавыми вылазками.

К сожалению, тогда, в 1940-е, добавить эту бандеровскую гадину не получилось. Хрущёв её амнистировал, позволив спустя 40 лет захватить всю Украинскую ССР, включая незаконно подаренные ей Крым, Донбасс и Новороссию. Первый президент «незалежной» Леонид Кравчук, по некоторым данным, в детстве состоял в молодёжном крыле ОУН, шпионил для бандеровцев и носил им еду.

Не сегодня, не вчера и даже не в 2018 или 2014 годах, а в конце 1980-х при пособничестве советских властей в Украинской ССР начались погромы православных епархий. Сначала в западноукраинских областях, а затем — дальше, на Восток. И это тоже было продолжением многовековой западной политики борьбы с Русской Церковью, основой Третьего Рима, удерживающего весь мир от падения в бездну. Самым эффективным средством этой борьбы стало создание псевдоцерковного симулякра — греко-католической унии, о которой несколько лет назад предельно жёстко и эмоционально высказался Святейший Патриарх Кирилл: «Одному из этих разделений более 400 лет. И оно было всегда направлено на разделение народа, жившего в этом регионе. И когда сегодня, говоря о том, что кто-то со стороны разрушил единство украинского народа, мы отвечаем: помолчите! 400 лет вы работали на то, чтобы разделить наш народ на Украине!»

Униатская УГКЦ в XX веке стала самым эффективным рассадником украинской русофобии и антиправославных настроений. Ядром бандеровщины и борьбы с каноническим Православием. И главной движущей силой Майданов 2004 и 2014 годов псевдоправославная секта ПЦУ, выведенная совместными усилиями Фанара и его заокеанских кураторов (США перевели на её создание через USAID 20 миллионов долларов) стала лишь производной униатства, исполняющей те же русофобские задачи украинства. Как и проявившие себя особыми зверствами в последние годы неоязыческие группировки, первые из которых были созданы после

Второй мировой войны бежавшими в США бандеровцами.

Но украинствующие сатанисты, а это именно сатанисты, кем бы они себя ни называли, греко-католиками, ПЦУшниками или «родноверами», просчитались. То, что построено на лжи, ненависти и братоубийстве, недолговечно. Украина сгорела ещё в огне одесского Дома профсоюзов 2 мая 2014 года, в пламени этой одесской Хатыни, признанной преступлением киевского режима даже глобалистами из ЕСПЧ. И с тех пор лишь тлеет и смердит.

Как однажды очень точно выразился митрополит Симферопольский и Крымский Тихон (Шевкунов), сама идея украинства как антагонистического ненавидящего Россию образования абсолютно абсурдна, разрушительна, и она обречена на поражение. Она вне воли Божией в любом случае.

А с тем, что вне воли Божией, не может быть никаких компромиссов. И потому помимо задач демилитаризации и денацификации Украины, должна быть поставлена задача её деукраинизации. Пусть постепенной: избавить миллионы русских людей, малороссов, от дурной привычки именовать себя «украинцами» будет непросто. Однако тот же коренной киевлянин Шульгин в одной из своих работ 1918 года остроумно подметил идентичность понятий «украинец» и «маргинал».

Уверен, большинство наших братьев-малороссов не хотят оставаться маргиналами Запада, его пушечным мясом и ресурсной, кормовой базой. Надеюсь, они всё-таки вспомнят русское родство и вместе с нами покончат с ложью украинства, добавят ту гадину, которую не добавили наши деды и прадеды в Великую Отечественную. Третьего не дано — Украина может быть только российской или пророссийской. Именно поэтому никакое перемирие с ними невозможно.

АПРЕЛЬ РОКОВОЙ...

При оценке событий конца 80-х — начала 90-х до сих пор не очень принято употреблять термин «революция», но по сути своей именно в революцию они в конечном итоге и вылились. Поднявшиеся силы настаивали на коренном преобразовании самих основ государства.

Годовщины, пусть и печальные, дают повод к обстоятельному разговору. Отсчёт перестроечной эпохи, предварявшей развалы и кровавые 90-е, большинство современных историков, политологов и публицистов ведёт с апрельского пленума ЦК КПСС 1985 года, чьи решения легли в основу начавшегося реформирования жизни страны, чем далее — тем более кардинального.

Как говорится, есть у революции начало...

Перестройка, инициированная рядом задуманных «наверху» экономических, а затем идеологических и политических реформ, очень быстро привела сначала к системному кризису всего советского государства, а затем — к его слому. Менее чем за десятилетие на гигантской территории, населённой без малого тремястами миллионами людей, коренным образом (и за-

УРОКИ ИСТОРИИ

частую насильственно) оказалось изменённым всё: экономический уклад, социальный строй, линии государственных границ, отношения между народами, нормы морали.

В оценках грандиозных событий, непосредственным толчком к которым послужил объявленный Михаилом Горбачёвым курс на ускорение и обновление, до сих пор преобладает сумбур. В нашем обществе пока так и не сформировалось сколько-нибудь однозначного мнения по поводу того, к чему в действительности изначально стремились и чего желали добиться «архитекторы» перестройки. Оно сходится, пожалуй, лишь на двух, по сути, противоречащих друг другу постулатах. На том, что реформы как таковые после продолжительного «застоя» действительно назрели; и одновременно на том, что реформаторский курс конца 80-х — по факту своих разрушительных последствий! — сделал перестройку одной из самых чёрных в истории Отечества эпох.

Цельному восприятию перестроечного шестилетия препятствуют как минимум два фактора, колоссальных по масштабу в отдельности, но наложившихся друг на друга по времени. Что, в свою очередь, породило в переживших перестройку поколения ощущение сверхкатастрофы, подталкивающее более к эмоциональной, нежели рациональной трактовке.

Первый из них — собственно слом социалистического уклада и поворот к капитализму, который в нашем случае оказался глухо периферийным, антипромышленным, сырьевым и потому обрекавшим Россию на деградацию и хроническую отсталость по отношению к ведущим странам мира.

Второй — распад большого общего государства в лице СССР, последовавший почти сразу же за тем, как горбачёвским руководством Союза было решено вслед за экономическими преобразованиями (результаты которых, кстати, оставались неоднозначными и довольно спорными) перейти к преобразованиям политическим, то есть к глубокой ревизии в сфере государственной идеологии, сворачиванию власти КПСС, децентрализации и переходу к прямой демократии советов.

Каждое из этих масштабных последствий перестройки оказалось катастрофично, каждое навлекло тяжелейшие бедствия на страну.

В первом случае — продолжительную хозяйственную разруху и примитивизацию всей социально-экономической жизни, утрату множества наукоёмких и передовых отраслей, распад социальных групп, обеспечивавших развитие и прогресс.

Во втором — трагическое разделение новыми границами русского народа, закрепляемое утратой Россией фактического суверенитета на продолжительный срок, многолетнее политическое и идейное торжество русоненавистников, формирование и укрепление враждебных режимов почти по всему периметру РФ.

Соединившись во времени, они вызвали эффект резонанса такой мощи, что от последствий его Россия толком не может оправиться до сих пор, и каждый шаг в направлении национального выздоровления даётся ей мучительно, с гигантским трудом.

Что двигало зачинателями перестройки?

Мотивы, толкнувшие руководство компартии на путь реформ, до конца остаются неясными. Как остаётся открытым вопрос о том, был ли у Горбачёва и его ближайших соратников по Политбюро и ЦК цельный образ будущего советской страны и продуманная программа его воплощения на практике. Нашумевшие откровения Александра Яковлева («Сначала ещё раз ударим авторитетом Ленина по Сталину, затем авторитетом Плеханова — по Ленину» и т.д.) дают обильную пищу для конспирологических построений, но вряд ли могут быть сочтены за истинную программу перестройщиков — ибо, руководствуясь они в действительности таковой, они должны были бы заранее заложить в неё и неизбежный финальный пункт — отрешение самих себя от власти.

Власти все они в итоге действительно лишились (и даже усевшийся было в президентское кресло независимой Грузии Эдуард Шеварднадзе в конце концов оказался сметён), однако трезвый взгляд на события не даёт оснований подозревать заранее режиссируемый спектакль. Крушение карьер инициаторов перестройки явилось результатом спровоцированного ими же острейшего кризиса, для разрешения которого им не хватило ни ума, ни политической воли.

Известные эпизоды из биографий Яковлева, Волкогонова и прочих идеологов перестройки заставляют предположить, что их отношения с советской властью изначально не были гладкими. Но не будем упускать из виду другое: семейные трагедии не мешали им (как и Ельцину, кстати) на протяжении десятилетий оставаться добросовестными партийными служаками, продвигавшимися вверх по служебной лестнице. Сторонники теории заговора настаивают, что скрытая до поры оппозиционность подталкивала людей подобного типа к борьбе за власть ради личной мести политической системе.

Однако гораздо разумнее предположить иное: политическая и идейная оппозиционность функционеров, чьи родные когда-то пострадали от советской власти, пробудилась в значительной мере спонтанно в изменившихся социальных условиях, при стечении обстоятельств.

Многолетний спор о том, был ли последний генеральный секретарь КПСС Михаил Горбачёв сознательным вредителем и агентом влияния западных держав либо в силу личного скудоумия не разглядел вовремя угроз и роковым образом повернул «не туда» на историческом перекрестье, — суть спор о вещах глубоко частных. Объяснение истории в принципе не может сводиться к копанию в личных отрицательных качествах политиков (хотя они у Горбачёва и присутствовали, причём в гипертрофированных формах). Потому примитивное «Горбачёв и Яковлев — агенты ЦРУ» — своего рода калька со столь же примитивного либерального «Сталин — властолюбивый маньяк». Гораздо важнее понимать, что события почти всегда выносятся наверх тех, кто своими намерениями и поступками более других отвечает логике данного исторического отрезка, кто лучше остальных выражает волю если не масс, то наиболее влиятельных социальных групп.

Поворот в сторону реформ, очень быстро переросших в откровенно буржуазные, отвечал умонастроениям достаточно влиятельных слоёв общества позднего СССР, либо уже изрядно разочаровавшихся в социализме, либо тяготившихся его издержками в виде ограничений в поездках за границу, недоступности идеологически чуждого интеллектуального продукта и непрекращающихся товарных дефицитов.

К середине 80-х в обществе СССР действительно созрели серьёзные противоречия, наметился конфликт между содержанием и формой. Вероятно, верхушка КПСС его угадывала, но ни реальный характер, ни глубину противоречий настоящему понять не смогла.

Партийная номенклатура, всё более осознававшая себя как класс, подспудно желала конвертировать административную власть во власть неограниченных собственников, из уполномоченных распорядителей народного добра превратиться в добропорядочных владельцев средств производства. И чем дальше Горбачёв и его окружение продвигались по пути реформ, тем сильнее возрастал соблазн наиболее «классово сознательной» части номенклатуры отбросить в сторону уже и Горбачёва, казавшегося недостаточно решительным со своими метаниями, проповедью консенсуса и речами об обновлении социализма.

Либеральное крыло интеллигенции, ещё при «застое» вполне оформившееся в очень сплочённую и жёстко противопоставлявшую себя большинству социальную группу («малый народ» в терминологии И. Шафаревича), видело в буржуазном переходе шанс прорваться в интеллектуальную и гуманитарную элиту, в полноправные «властители дум» (а заодно и расквитаться с ненавистным ей народом большим), и это толкало её к политической смычке с партийными перерожденцами, нуждавшимися в идеологическом обосновании реформ.

Интеллигенция и отчасти номенклатура национальных окраин, вопреки представлениям ортодоксальных марксистов, по мере развития в составе СССР чем дальше, тем сильнее дрейфовали в сторону от социализма и интернационализма, от «семьи братских народов» — к национальным государствам. Сначала в союзных, а затем и во многих автономных образованиях со второй половины XX века подспудно созревали слои, именуемые в современной терминологии национальными элитами. Года с 1988-го они уже, не стесняясь, требовали от Москвы самых широких политических уступок. А в Прибалтике, Молдавии, Грузии прямо перехватывали власть, открыто заявляя идеи русоненавистничества и сепаратизма.

Дельцы-теневики, воротилы «чёрного рынка», просто криминальные типы нутром чувствовали, что провозглашение экономических свобод при повсеместном ослаблении политического контроля создаст для них небывалое «окно возможностей», позволит открыто, не таясь, стать теми, кем мастерски выведенный в советской прозе подпольный коммерсант Корейко мог лишь когда-то мечтать.

Дезориентированное, политически наивное, близорукое большинство просто не понимало, не хотело верить, что реформы объективно идут вразрез с интересами миллионов и многих очень скоро приведут к жизненному краху. Большинство, воспитанное в духе государственного патернализма, почти до самого конца не допускало мысли, что возносимые перестройкой наверх общественно-политические силы окажутся ему — большинству — смертельно враждебны...

При оценке событий конца 80-х — начала 90-х до сих пор не очень принято употреблять термин «революция», но по сути своей именно в революцию они в конечном итоге и вылились. По крайней мере, с мая 1989 года, с момента начала работы I Съезда народных депутатов, речь шла уже не о постепенном и аккуратном экономическом реформировании, не о расширении самостоятельности хозяйственных предприятий и внедрении хозрасчёта. Поднявшиеся силы настаива-

ли на коренном преобразовании самих основ государства, переустройства всех сколько-нибудь значимых сфер: внутренней и внешней политики, отношений собственности, экономики, исторической памяти, культуры.

Показательно, что именно с этого момента Горбачёв и его команда (изначальные инициаторы реформ) начали быстро оттесняться на периферию процесса. Как и во всякой революции, инициативой овладевали те, кто оказывался настроен решительнее оппонентов. В 1989-м — первой половине 1990-го задававшие тон на союзном съезде депутатские группы выглядели более последовательными реформаторами, нежели Горбачёв. А со второй половины 1990-го и в 1991-м таковыми являлись уже депутаты республиканского съезда с Ельциным во главе, собравшем вокруг себя уже откровенных буржуазных революционеров, выступавших и против Горбачёва, и против союзного съезда, и против социализма, и против единого СССР.

Наверное, итог четвёртой за XX век русской революции мог оказаться менее трагичным для народа и страны. Ведь, как мы знаем, классические буржуазные революции в Европе к распаду государств не приводили. Однако зловещую роль сыграли два обстоятельства.

Во-первых, вспыхнула она в условиях продолжающейся Холодной мировой войны и сильного внешнего нажима на СССР, степень которого советское общество, ублажаемое военной и политической мощью сверхдержавы, склонно было недооценивать. Наш внешний противник, несмотря ни на какие миротворческие шаги Горбачёва, складывать оружия не спешил, а усиливающийся внутри СССР раздразн рассматривал как отличную для себя возможность наконец добить ненавистного врага. Потрясения в Союзе очень скоро запустили «цепную реакцию» по всему восточноевропейскому блоку, где власть молниеносно начала перехватывать радикальные антикоммунисты, и внешнеполитическое положение СССР усугублялось утратой последних в Европе союзников. Возможно, встреча на Мальте в декабре 1989 года внешне чем-то и напоминала заключение Брестского мира, считающегося у нас «похабным», но с той принципиальной разницей, что Ленин пошёл на него, чтобы выиграть для Советской республики время и с твёрдой верой в скорые революции в странах Запада (и в отношении Германии его вера на короткое время оправдалась), а Горбачёв пошёл на мальтийский «Брест», напрочь утратив веру в социалистический путь и движимый малодушным желанием сдать.

Во-вторых, эталоном для себя деятели революции видели социальный порядок, существовавший в государствах-про-

тивниках в Холодной войне, и в готовности переносить его на русскую почву Ельцин был гораздо целеустремлённее Горбачёва. Соблазн заручиться покровительством могущественных внешних сил оказался для ведущей борьбу за власть группировки Ельцина не менее сильным, чем соблазн выдрать из крошащейся конструкции союзного государства РСФСР-РФ в собственное удельное княжество со всеми его ранее накопленными общенародными богатствами.

Буржуазно-криминальный характер революции, отягощённый фактом того, что её стержневые идеи были отточены и пропагандировались чуждым и ненавидящим Россию «малым народом», прямо-таки толкал революционных вождей на путь прямой национальной измены. В конечном итоге не интернационалист Ленин с его деньгами от германского генштаба, а слабоумный Горбачёв и номенклатурный перерожденец Ельцин подрубили хребет России и загнали её в кабалу к иноземцам, от которой страна не освободилась до конца до сих пор.

История, безусловно, не терпит сослагательного наклонения, но вопрос этот по понятным причинам возникал и будет возникать вновь. Был ли в исторических условиях середины — второй половины 80-х шанс на то, чтобы направить перестроечное реформирование по иному курсу, ведущему к укреплению Союза, а не к его развалу?

В российском обществе достаточно популярным является мнение, что спасительной дорожкой на судьбоносной развилке являлся «китайский путь», проигнорировав который, Горбачёв, Яковлев и другие руководители реформ подписали приговор: Советскому Союзу как государству и себе как государственным деятелям. Доля правды в нём есть. Экономически мощный, политически суверенный Китай действительно выглядит хорошим примером того, как можно с успехом реформировать социализм. Но вместе с тем следует понять, что собственно «китайский путь» для условий СССР эпохи перестройки подходил плохо.

Рассуждающие о китайском опыте отчего-то упускают из виду, что Китай пошёл на экономическую либерализацию в условиях набирающей ход индустриализации своей страны — и именно благодаря умелым реформам блестяще довёл её до конца, опередившись на иностранные инвестиции в ключевые отрасли производства и задействовав фактор возросшего личного интереса граждан. СССР к середине — второй половине 80-х индустриализацию как таковую давно завершил, уже создав за предшествующие десятилетия с нуля массу всевозможных отраслей, начиная с тяжёлой промышленно-

сти и заканчивая производством самой современной электроники, промышленных роботов и космических аппаратов.

На апрельском пленуме 1985 года ни о какой индустриализации речь не могла идти в принципе. Она для СССР давно была данностью. Перестройка же поначалу понималась лишь как ускорение темпов социально-экономического развития через повышение производительности труда и лучшее использование достижений научно-технического прогресса, через активизацию «человеческого фактора» и хозрасчёт. Но как добиться этих в общем-то действительно нужных вещей на практике, верхушка КПСС во главе с Горбачёвым представляла, судя по их поступкам, крайне расплывчато и очень быстро, столкнувшись с первыми трудностями, начала искать ресурсы для ускорения не в плоскости экономической модернизации, а в плоскости радикальных политических реформ.

К августу 1991 года, когда созрел заговор ГКЧП, советская экономика и советская политическая система были уже основательно подорваны. Даже в случае победы группы Крючкова речь не могла идти о полной реставрации доперестроечных порядков и сохранении незыблемости устоев державы, которая к тому времени лишилась уже почти всего социалистического блока и к тому же дробилась изнутри вырвавшимися на арену движениями сепаратистов. Но (несмотря на всё это!) победы ГКЧП — существовала бы реальная возможность сохранить в целостности хотя бы большую часть Советского Союза, при одновременном торможении радикальных рыночных инициатив. Страна осталась бы неразделённой, а народ — неограбленным.

Августовская победа Ельцина, окончательно приговорившая СССР как государство, а социализм как строй, вывела буржуазно-криминальную революцию на пик. С этого момента откат уже и к перестроечным практикам 1987—1989 гг. сделался невозможен, но ещё сохранялся шанс направить революцию в относительно умеренное русло. Быстро наметившийся в стане революционеров разлад и переход Верховного Совета и съезда в оппозицию к Ельцину (вначале по части конкретного наполнения программы дальнейших реформ, а затем и в политическом поле) давали современникам надежду на «термидор».

Разумеется, гипотетическая победа Хасбулатова и Руцкого в октябре 1993 года не могла ни упразднить полностью укореняющийся капитализм, ни отменить уже предопределённую к тому моменту чеченскую войну, но она почти наверняка не позволила бы состояться приватизации промыш-

ленных предприятий по рецептам Чубайса (с последовавшим вслед за тем их почти повсеместным разрушением), не дала бы возможности оформиться классу сырьевой олигархии, сделавшемуся сильнейшим тормозом для развития страны, и создала бы условия для реабилитации как минимум государственного патриотизма уже тогда, в первой половине 90-х, а не два десятилетия спустя.

Тот факт, что «термидор» настиг буржуазно-криминальную революцию не в 1993 году, а уже при достаточно зрелом Путине, когда многие её предводители, включая Ельцина, Собчака и Гайдара, воплотили свою программу до конца и успели уйти в физическое небытие, есть национальная трагедия России, глубину которой многим ещё только предстоит по-настоящему постичь.

Истории иногда присущ зловещий символизм. Курс на социалистическую революцию наперекор буржуазно-демократической февральской был оглашён вернувшимся из эмиграции Лениным в апреле 1917 года.

Курс на реформы, вызвавшие новую буржуазную революцию, на этот раз уже не столько в демократической, сколько в грабительско-криминальной обличовке, был провозглашён Горбачёвым тоже в апреле, но уже 1985 года.

Итогом революции Ленина, при всех её трагических поворотах, стал колоссальный социально-исторический прогресс России, её выход на пик развития, индустриальной, политической, культурной и научной мощи.

Итогом реформ Горбачёва, какими бы мотивами он изначально ни руководствовался, стала революция Ельцина, расчленившая страну и отбросившая её далеко вниз по исторической спирали.

Сегодня государство опять находится на распутье. Практически никто уже (включая представителей высшей власти) не спорит с тем, что России необходимы реформы (ну или контрреформы, направленные на искоренение тяжких последствий правления буржуазно-криминальных революционеров). Пусть же пример апрельского пленума 1985 года послужит всякому реформатору мрачным предостережением.

«ЗАЧЕМ ВЫ ЭТО СДЕЛАЛИ?..»

(Вместо Завещания)

От редакции. В №3 «Молодой гвардии» за этот год опубликованы «Живые рассказы» Виктории Евсеевой, безвременно ушедшей из жизни из-за онкологического заболевания. Ее супруг писатель Геннадий Карпунин предоставил нам ее письмо-завещание со своим кратким предисловием. Может быть, оно кому-то послужит уроком. Публикуем это письмо вместе с ее другими рассказами, не вошедшими в мартовский номер журнала.

На одном из интернет-ресурсов я прочёл некролог на смерть моей жены. В нём говорилось о том, что на 52-м году ушла из жизни кинематографистка Виктория Евсеева, по сценариям которой было снято свыше 40 фильмов, в том числе сериал «Дела житейские».

Да, всё это так. Добавлю, что за свою карьеру Виктория создала более сотни сценариев, многие из которых нашли своё воплощение в известных экранизациях, таких как «Даша Васильева. Любительница частного сыска» и «Евлампия Романова. Следствие ведёт дилетант» (по романам Дарьи Донцовой), «Всегда говори всегда», «У реки два бе-

СУДЬБЫ

рега», «Все сокровища мира», «Тайный город», «Я буду рядом», «Метро» и другие.

Смутила же меня такая фраза: «Причина смерти Виктории Евсевой в настоящий момент неизвестна».

Осознавая, как нелегко читать о страданиях онкобольных, я всё же решился сделать это в первую очередь потому, что дал слово своей жене, прошедшей все круги ада и искренне желавшей по возможности предостеречь других от фатальных ошибок в результате следования советам людей (читай — врачей) равнодушных, а порой и не очень компетентных, и ради тех, кто продолжает бороться с тяжёлым недугом, не теряя надежды.

Во исполнение последней воли этой мужественной и страстно любившей жизнь молодой ещё женщины, матери обожаемого ею девятилетнего сына, мечтающей побыть с ним как можно дольше, публикую это печальное повествование.

Геннадий КАРПУНИН

Если вы читаете этот текст, значит, меня нет в живых. При жизни не могу его опубликовать, так как всё-таки есть вероятность выкарабкаться, а для этого лучше не злить тех, от кого я завишу. Я очень устала и хочу умереть, не скрываю этого, но сейчас моя проблема даже не в болезни, а в последствиях её лечения. Письмо это опубликует человек, которому я доверяю.

У меня рак (хордома) крестца с 2012 года. Две операции плюс лучевая, протонная и таргетная терапии позволили мне продержаться долго. Иногда было невыносимо трудно, иногда отпускало настолько, что могла себе позволить Крым и даже Алтай. Не говоря уж о лёгких путешествиях по городам России. Хотелось показать ребёнку, как прекрасна жизнь и наша страна, как богата наша история.

Год назад очередной рецидив выбил меня из колеи. Была «на ходу» хотя бы одна нога, правая, я даже машину продолжала водить. А тут и правая начала отниматься. Я стала ходить сначала с тростью, потом с палками для скандинавской ходьбы, потом с ходунками. В операции мне уже везде отказали, много метастазов в позвоночнике, не выловить их. Они зажали нерв, поэтому отказ ног стремительно прогрессировал. Мне предложили опять протонную терапию с очень жёсткой дозировкой — 8 Грей в день. Раньше речь шла о 2 Гр в день, и это считалось максимумом, безопасным для жизни. Но стандарты изменились. Чтобы пациент выдержал такую нагрузку и не «отъехал» от отёков (головного мозга, напри-

мер), назначаются большие дозы гормонов, которые в норме вырабатываются корой надпочечников. Итак, мне назначили 60 мл (две ампулы) преднизалона в сутки. Других вариантов лечения не было, я согласилась. Но нужно было как-то добраться до циклотрона в Санкт-Петербурге. Сложно было представить, как я перенесу это путешествие в машине (о других видах транспорта речь и вовсе не шла). Я обратилась с этим вопросом к хирургу, который делал мне первую операцию в НИИ Онкологии им. Блохина, а теперь работал в другой клинике. Он предложил мне «эффективный и безопасный» метод обезболивания — морфиновую помпу.

Я поискала информацию о помпе, но не очень тщательно, так как абсолютно доверяла мнению главного в стране специалиста по опухолям позвоночника. Та информация, какая попала, нашлась на сайте федерального центра НИИ онкологии им. Блохина.

В ролике пациентка и врачи бодро рассказывают, какое счастье эта помпа. Сидит себе в животе под кожей титановая шайба, в ней компьютер и собственно лекарство — какая-то совершенно микроскопическая доза морфина. Но суть в том, что эта «нано доза» по катетеру поступает непосредственно в специальную область позвоночника, что и обеспечивает обезболивающий эффект.

Сначала проводятся «морфиновые пробы»: два или три раза тебя измучают, ковыряя позвоночник и вводя туда ту самую микродозу. У меня пробы были плохие. Я плакала от боли и пила Кеторол, чтобы обезболить последствия введения морфина. Мне бы отказаться от установки... Но так хотелось верить в чудо! Да и по ночам я стала вдруг спать, а не выть от боли. Может, такой отсроченный эффект? Ну вот такая я особенная. Мне бы понять, что я стала пить много Кеторола и уже начала по рекомендации лучевиков принимать гормоны, они-то и выводили накопившуюся лимфу и снимали компрессию нерва. Я не поняла. А врачи не сказали. И я согласилась на операцию.

Очнулась с шайбой в животе.

Никакого эффекта обезболивания не было. Но что делать? Уже был назначен день госпитализации в Протонный центр, и я накачалась кеторолом и трамадолом, который никогда не помогал, но дома был некоторый запас.

Дальше — протоны. Из палаты меня возили к циклотрону в инвалидном кресле, кололи те самые две ампулы в день, боли были небольшие благодаря стероидам.

Помпа мешала. Огромная шайба оттягивала кожу живота справа. И я думала: придёт время дозаправки, и я попрошу

удалить мне эту штуку. Но узнала: желание пациента — не повод для операции. Вроде бы логично: а если я просто так попрошу мне руку отрезать? Мало ли что в дурную голову онкологического больного взбрѣдет!

Мне предложили попробовать другой «коктейль» лекарств: морфин с чем-то ещё. А вот если и он не сработает, тогда точно удалят помпу.

Правда, сначала в стране закончились заправочные кон-туры. Я этот момент «проскочила», потому лекарство в помпе у меня ещё было. Потом помпа запищала, сигналила о том, что наполнитель заканчивается. Пищит она громко, один раз в час, днём и ночью. Мой врач был в это время в отпуске...

Не сошёлся же свет клином на этом враче? Именно так, сошёлся. В Москве эту помпу имплантируют и обслуживают в двух федеральных центрах — в Блохина и в Герцена. В Санкт-Петербурге — один или два центра, ещё в каком-то городе России... В эти несколько центров люди добираются со всей страны в надежде на чудо.

Итак, мне заправили новый «коктейль». Ноги к этому времени совсем отказали, обезболивание достигалось благодаря кеторолу и гормонам, с которых я очень медленно и безуспешно пыталась уйти под руководством эндокринологов. Но надпочечники отключились совсем...

Помпа очень мешала. И я написала своему врачу: «Пожалуйста, давайте её удалим, эффекта нет, мне тяжело, я не уверена, что когда придѣт срок дозаправки, сумею добраться до вас». О чудо! Мой врач ответил: «В сентябре я выйду из отпуска, и мы её удалим». До сентября оставалось всего лишь две недели!

И вдруг буквально на следующий день я почувствовала резкую боль справа в животе ровно в том месте, где стоит помпа. Даже дыхание перехватило. Никаких резких движений не делала — я просто не могу их делать. Боль появилась в позвоночнике (куда ведѣт катетер), стала болеть правая нога.

Помпа как-то повернулась, что ли... По ощущениям и тактильно — она как острый предмет врѣзается в кожу. Хотя понимаю, что она круглая. Поднялась температура почти до 39. Я пишу врачу: «У меня беда с помпой, не могу ждать две недели, кто может вас заменить?» Он отвечает: «Приезжайте в поликлинику, вас осмотрят, назначат консилиум, это наверняка не помпа». Муж звонит в соответствующий кабинет в поликлинике, трубку не берут. Муж звонит моему врачу, тот говорит: «Уже четыре часа, приём окончен, звоните завтра». А мне плохо, температура сбивается — и снова растѣт, нога распухла, живот болит уже весь. Вдруг удаѣтся дозвонится до

поликлиники (думаю, врач попросил не отклонять наш звонок), и там нам говорят: «Может, лекарство закончилось? Недавно заправили? Значит, не она. Нет, вашего врача никто заменить не сможет, приезжайте, мы посмотрим, конечно...»

Врач уверял нас, что он до сентября в отпуске, но мой муж узнал от другого сотрудника, не подозревающего подвоха, что он не в отпуске и сегодня оперировал...

Как бы там ни было, на следующий день я не смогла встать. Я бы не смогла пересест в инвалидное кресло. «Скорая» из Подольска в Москву не везёт.

А если пациент из Калуги, например? Из Рязани? Из Хабаровска? Нам из Подмосковья ехать до Блохина минут тридцать, если без пробок. И то не знаем, как это сделать.

Я просто лежала с температурой и пила антибиотики. Муж поехал к участковому онкологу за рецептом сильного обезболивающего. Я всегда сторонилась наркотиков, но вот прижало... Онколог выписал рекомендации, а не рецепт, с этой бумагой отправил к участковому терапевту, та — к заведующей поликлиникой, а заведующая вызвала на наш адрес паллиативную службу, чтобы они убедились, что я жива, сделали бы укол и выписали рецепт. Но приехала терапевт и просто убедилась, что я жива. Других полномочий у неё не было. Как и лекарств.

Не знаю, как я пережила эту ночь. Чтобы не орать и не пугать сына, я тихо разговаривала с давно умершей мамой. Это отвлекало. Хотела бы я потерять сознание, но оно было довольно ясное, и нереальность этих разговоров я вполне осознавала.

Только на следующий день приехал паллиативный врач, сделал укол омнопона и оставил ещё ампул, чтобы муж делал мне уколы каждые четыре часа. А также прилепил обезболивающий пластырь фентанил. Эффект обезболивания очень слабый, но желудок «отъехал» (несмотря на то, что две таблетки омеза в день пью давно). С тошнотой справился лимон. А вот муть в голове была уже вплоть до бреда. Надо сказать, адаптация произошла быстро, уже через день эти побочные эффекты исчезли.

На следующий день на руках у мужа был рецепт на морфин в таблетках. На три пачки. А в аптеке при онкодиспансере было только две пачки, и ему отказались выдать таблетки из-за этого несоответствия, хотя оно не в нашу пользу. Муж сказал, что он не уйдёт. Встанет на колени. Уговорил. Выдали с условием привезти переписанный рецепт.

Эффект чуть больше, чем у омнопона, встать не могу всё равно. Прилепили ещё пластырь. Только пить, есть не могу. От морфина бессонница. Противопоказанием к приёму морфина является недостаточность коры надпочечников, а у меня они так и не заработали. Так что вернулась к лошадиным дозам преднизолона. Выходные. Может, это и к лучшему. Обезболивающие имеют накопительный эффект, я уже могу чуть больше шевелиться. Очень больно, но преодолимо. А я не нытик, я научилась за двенадцать лет терпеть сильные боли. И уж если я говорю «больно», то это правда: больно.

В понедельник будем звонить в Блохина и пытаться доставить меня туда, где меня не ждут...

Почему же так тянут с помпой? Моя версия: помпа уже доказала свою бесполезность и даже опасность. Но это же государственные деньги, квоты. Удалить помпу — значит, признать, что здесь «что-то не то».

А пока я подробней изучила проблему. При запросе «Морфиновая помпа. Осложнения» поисковик выдаёт один переводной материал. Период наблюдений: 1999—2005 гг. Осложнений много, но описаны только случаи имплантации НЕ онкологическим больным. Например, людям с травмами позвоночника или внутренних органов. А про таких, как я, сказано, что онкологические просто не доживают до проблем. А я дожила, статистику испортила.

Наших материалов нет. Отзывов нет. Тишина...

Дай Бог здоровья и жизни без боли и осложнений тем, кому эта помпа помогла. Моя личная статистика очень маленькая, два человека: я и женщина, с которой я лежала в одной палате. Ей поставили помпу спустя день или два после меня, и у неё были хорошие пробы. Мы продолжили общение по переписке. Относительно помпы она забила тревогу раньше, чем я: эффекта обезболивания нет, но эта шайба в животе мешает. Из-за локализации опухоли, женщина могла лежать только на животе, даже не представляю её мучений. Она хотела удалить её, не знаю подробностей её переговоров с врачом, врать не буду. Она умерла, так и не избавившись от помпы.

Не отговариваю никого. Просто рассказываю о своём негативном опыте и советую сто раз взвесить плюсы и минусы. Честно говоря, спрашивали мы с той женщиной у врачей-онкологов их мнение насчёт помпы. Они, конечно, говорили, что не специалисты в этом, но доза морфина там так мала, что трудно представить, что она может обезболить даже путём введения в особую область позвоночника. Более того, некоторые просто шёпотом спрашивали: «Зачем вы это сделали?..»

ЖИВЫЕ РАССКАЗЫ

ПОЧТАЛЬОН ПЕЧЕНЬ

Однажды, когда сын только учился говорить, посмотрели мы с ним мультик «Трое из Простоквашино». «Тук-тук! Кто там? Это я, почтальон Печкин!» Было это под Новый год. Утром следующего года мы вышли на улицу бодрые и свежие. Из окрестных домов выползали продышаться хорошо отпраздновавшие мужики. Сыну хотелось поделиться впечатлениями от мультика. Он подошёл к страдающим похмельем мужикам и сказал:

— Тук-тук! Кто там? Это я, почтальон Печень!

Он не шутил. Фамилию почтальона произнёс так, как услышал.

И мужики заулыбались и похлопали его по плечу, и с чувством пожали руку за понимание.

ЛЕТАТЬ

Нам прислали текст будущей детской книги. Новые маленькие истории про кошку ещё не стали книгой. Я распечатала их, оставив места для рисунков. Потому что для маленького ребёнка иллюстрация — такая же важная часть книги, как и текст.

Глеб сначала отказался читать: «Тут же нет картинок!» Я говорю: «Ты их сам нарисуешь». Он пришёл в восторг от этой идеи. Стала я ему читать, а он рисовал.

Кошка обмоталась туалетной бумагой. Бабушкины цветы в горшке. Бабушкина рука с зелёной на месте кошкиного укуса. Ракета и метеориты. Голубь.

Вот ради голубя я и пишу.

Голубь получился такой: чёрная голова, уши (почему бы и нет?), клюв.

Спрашиваю: а крылья нарисуешь?

Глеб немного подумал и нарисовал на голове голубя три лопасти. Голубь стал похож на вертолёт.

— Это пропеллер, — сказал он.

Я так и поняла. Уточняю:

— Почему пропеллер, а не крылья?

— Я пока не умею рисовать крылья. А летать-то ему надо.

Я опять восхищаюсь и завидую той лёгкости, с которой ребёнок обходит препятствия. Его голова не забита правилами и шаблонами. Он ещё не знает, что пропеллер вместо крыльев рисовать нельзя. Поэтому его голубь полетит.

А ваши голуби летают, если вы не умеете рисовать крылья?

РАСТЁМ

Ребёнок продолжает радовать новыми перлами. Нарисовал нечто, на мой взгляд, невразумительное. Просто каляка-маляка, прямо скажем. Спрашиваю:

— Как это называется?

— «Они подрались».

Хм... Ну да, точно.

Глеб захотел пить. Подходит ко мне, стучит себе пальцем по голове и говорит:

— У меня тут вопросик сформировался. Можно водички?

Ну и очень интимное. Но такая метафора, что процитирую. Сидя на горшке:

— Мам, иди на ушко скажу. Попа пукнула, будто сосиска в микроволновке взорвалась.

Под утро слышно, как звенят синички. Весна! В своём доме слушала малиновку. Малиновки гнездились у нас в кустах жасмина. Я по ним очень скучаю. А ребёнок не запоминает, как называются все эти кусты и травы. Квартирный житель.

МЫШКА И КРОКОДИЛ

Сегодня сын сочинил две сказки. Если поумничать, то это аллегорические истории маленького человека, который ставит перед собой цель и идёт к ней. В обоих случаях путь героя проходит через столовую. Нет, лучше так — через Столовую.

Сказка первая:

В маленьком домике жила маленькая мышка. Когда подросла, она пошла искать себе дом побольше. Вышла на улицу, шла, шла. Зашла в столовую, там поела, потом пошла дальше. И увидела большой дом с лесенкой. Он ей понравился, и она стала жить в нем.

Сказка вторая:

Жил-был маленький крокодил. Он захотел стать путешественником. И вот он отправился в путешествие. Зашёл в

столовую, поел, пошёл дальше. Взобрался на высокую гору. И там он увидел, как у него захватывает дух. От сердца. Крокодил спустился с горы, зашёл в столовую, ещё поел. И вернулся домой.

Мне кажется интересным мистический опыт, полученный крокодилом на горе. Он там УВИДЕЛ, как у него захватывает дух. От сердца! Вот и ест много на нервяке. Мышка всё-таки попроще устроена: нашла новый дом — и больше ничего не надо. Одного захода в столовку ей вполне хватило.

ПО ПУШКИНСКИМ МЕСТАМ

Как-то во время прогулки мы забрели с Глебом на нашу улицу. Ту, где раньше жили. Недавно, а кажется — в другой жизни. Тянет меня туда. Больно там бывать, а тянет.

В моём доме теперь живёт большая семья. Так они ещё и негра приютили. Из Франции. Слышала, он в России прилетел по билету болельщика чемпионата мира по футболу, а обратно не хочет. Его наша полиция обещает бесплатно депортировать, а он — никак. Такая легенда. Правда, нет ли — не знаю.

Он такой улыбчивый всегда, здороваётся, машины ремонтирует, снег чистит. На новогоднем видео стихи Деду Морозу читает со стула. На каком языке, не поняла. Наверное, на смеси французского с нижегородским.

Этот, значит, из новеньких.

А из старожилов — Лиза. Дама крупная, со странностями. Если в хорошем настроении — в гости зовёт. Не дай Бог! Поставит таз пончиков и литровую кружку какао с килограммом сахара — умри, но съешь. Не понимает, что в обычного человека столько не влезет.

И мама её, тётя Дуся, царствие небесное, не понимала. Лет тридцать назад иду я, сорокакилограммовая, по нашей улице. А тётя Дуся меня зовёт:

— Вика, я Лизе сарафан купила, а он ей мал. Тебе как раз будет. Иди, глянь.

И разворачивает передо мной необъятное полотно в ромашку. У меня голова-то так не поворачивается, чтоб его с востока на запад взглядом охватить. Не, говорю, вроде, великоват немножко.

А в это время папа Лизы, дядя Паша, ноги на улице парит. Он их всегда парил, круглый год, и всегда на улице. Зимой уютный пар из тазика особенно хорошо виден был.

Ну и вот. Гуляем мы с Глебом, а тут и Лиза.

— Вика, — говорит, — я к Гале больше не хожу.

Галя — это ещё одна соседка, из старой гвардии.

— Почему? — спрашиваю.

— Проклинает.

Какая там история за кадром — не знаю.

Потом Лиза перемыла косточки семье из моего дома. Так, слегка. И вдруг идёт тот самый... (как это политкорректно сказать?) темнокожий парень. Улыбается.

— О! — говорит Лиза. — Арап тут как тут!

Арап!

Не негр, не афроамериканец, не афрофранцуз. Не араб даже.

Арап!

Арап Петра Великого, Ганнибал.

Потому что моя улица находится в стране Пушкина. Вот меня туда и тянет.

ЛОШАДИНАЯ БОЛЕЗНЬ

Дед моей соседки по палате был белогвардейцем. Имелась у него нагайка, которой хлестал он всех провинившихся. Ему было под 40, когда он женился на 23-летней девице. Вся улица собралась смотреть, как несут в дом жениха приданое невесты — перину. Кто-то, пожелавший остаться неизвестным, крикнул: «Не стели — обосс...ся!»

Легли молодые в постель. И он возьми да и... Ну, в общем, вы поняли.

Говорили, что это от скакания на лошади с ним такое случилось. Отбил за годы конной службы всякое терпение мочевого пузыря.

Утром муж ускакал, а жена мокрую перину на солнышко выставила. А как ещё сушить? Скачет муж домой — а вся улица над ним уписывается. Взял верную нагайку и исполосовал жену до крови, до полусмерти. Она к родителям: примите обратно, пока детей нет. Но родители не приняли — назад дороги тоже нет. А там и дети пошли. Много. Так на этой перине их и делали. А днём нагайкой жену учил. Родной её брат не выдержал и убил белогвардейца. Да и сгинул на этапе за убийство.

Лошадиная эта болезнь передалась по наследству. Мама соседки по палате и племянница писались до совершеннолетия. Но к замужеству проходило, Бог миловал.

Девицу ту, бабушку моей соседки, опять замуж выдали. Детей каждый год рожала. Кто выжил, кто нет. «А любовь-то у тебя была, бабушка?» — «А как же, была. Цыган-конокрад. В табор к нему бегала. Муж узнал и убил конокрада. За цыгана ему ничего не было».

А бабка тоже человека убила. Немца. Это во время войны, вдовой уже. Под печкой его схоронила, никто не хватился. А другого немца на печке принимала — вот семья и выжила. А может, это один и тот же немец был, кто ж теперь узнает.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Соседка по палате рассказывает. Решила она подработать сиделкой. Ухаживала за дедушкой 70 лет. Дедушка однажды упал около своей машины, потерял сознание. Добрые люди обчистили его, но как-то домой попал. Жена его, десятью годами старше (то есть 80-ти лет) к докторам его не повела, а наняла сиделку. В обязанности её входило утром перво-на-перво привести в порядок самую бабушку: волосы уложить, рюшечки расправить, на каблуки поставить. Только в таком безупречном виде бабушка могла предстать перед молодым супругом.

Потом надо было обмыть-подмыть лежащего дедушку. Соседка справлялась, но, будучи моложе хозяйки почти на 20 лет, была отстранена от дедушкиных достоинств. Она варила кашу, а жена с причёской подмывала мужа. Поскольку речь и память он не утратил, было решено его падение считать несерьёзным. Вскоре он умер. У него оказалась опухоль мозга.

В соседней палате — две послеоперационные молодые женщины. Обе с пышными формами. Одна ходит с ходунками. К ним часто приезжают мужья. Женщины ходят в компрессионных чулках, кружевных панталонах и коротких пеньюарчиках. Они выходят на променады в коридор, оставив мужей в палате, и объявляют: «Пошли мужиков подсекать». Мужья растроганно улыбаются и не ревнуют: оживают их любимые девчонки!

Помню, в онкоцентре на Каширке, где я ждала первую свою операцию, в соседней палате лежала юная девочка с опухолью на руке. К ней часто приезжал муж, подолгу оставаясь с ней. Когда её увезли на операцию, он ходил, потерянный, по коридору и плакал. Он, по-моему, даже не замечал, что плачет. Её привезли в палату после операции, всё прошло хорошо, а он перестал уезжать домой. Спал на тесном диванчике в коридоре. Его пытались выгнать: не положено. Он делал вид, что уходит, прятался где-то по коридорам и лестницам, а к ночи возвращался и сворачивался котёнком на диване. Мы выносили ему поесть. Он жевал печенье и благо-

дарно улыбался. Но не нам, а своему будущему с любимой девочкой, которая спала сейчас в палате.

60-летнего пациента забирали сегодня на многочасовую операцию. Анестезиолог и жена в красной шапочке уговаривали его оставить в палате вставную челюсть. Он косился на молоденьких медсестёр и не сдавался. Наконец, челюсть у него отобрали. Моя соседка загадала: если он не умрёт — и она не умрёт. У них один и тот же диагноз. Он не умер, только задержался в реанимации (тут обычно сразу возвращают в палату). Медсестры шутили: ждал, когда жена уедет. Но Красная Шапочка дождалась его.

ДЯДЯ ВИТЯ

Утром мы включаем телевизор и собираемся в детский сад. У Хрюши, который почти не изменился за последние сорок лет, теперь два проекта: «Спокойной ночи, малыши!» и «С добрым утром, малыши!» Вот утреннее мы и смотрим. Хрюша одет в модный бомбер с золотыми рукавами.

В моем детстве у нас был чёрно-белый телевизор, на котором то и дело летел предохранитель и ломался переключатель. Мы с мамой ждали, когда приедет её брат дядя Витя. А когда он приедет?

Неизвестно. У нас нет телефона, а дядя Витя работает на засекреченном предприятии, где делают что-то для космоса. Позвонить — никак. Надо ждать. Наконец, дядя Витя приезжает и узнаёт, что мы опять без Хрюши. Тогда он вызывает на помощь своего друга дядю Ваню, и они чинят телевизор.

Дяди Вити давно нет, вредное производство убило этого огромного красивого мужика в 50 лет. Дяди Вани тоже нет. Телевизоры другие. У Хрюши два проекта и модный бомбер. Глеб не знает, что Хрюша такой пожилой свин.

Я смотрю на Глеба и вспоминаю себя в этом возрасте. Вот дядя Витя и дядя Ваня заменили предохранитель, пощёлкали переключателем и ещё настучали телевизору по башке. Ура, заработало! Мама зовёт их к столу. Стол круглый, стоит на террасе, на нём самые вкусные мамины котлеты и винегрет.

Я по-детски влюблена в дядю Витю. Радуюсь, когда его машина «на ходу», тогда мы едем покупать мне одежду или просто — «смотреть огоньки». Огоньки — это освещение на нашем мосту через Пахру. Я догадываюсь, что наша соседка тётя Сима тоже влюблена в дядю Витю, потому что часто спрашивает о нём и вздыхает. Тётя Сима очень красивая, ничего я ей не скажу.

Дядя Витя приезжает, когда я рассматриваю распластанную на земле лягушку. Скорее всего, её придушила кошка, но я надеюсь, что она оживёт. Дядя Витя подходит, берет её за лапку и запускает в полет. Я плачу. Дядя Витя растерян:

— Это же лягушка-путешественница, — оправдывается он.

Дядя Витя уже очень болел, с трудом ходил, задышался и кашлял. А когда не кашлял, в груди у него что-то булькало — докипала оставшаяся жизнь. Но когда я приезжала навеситить его, он брал грецкие орехи с твердокаменной скорлупой (это сейчас орехи стали почему-то нежными и готовыми сразу сломаться), сжимал два ореха в кулаке, раскалывал и кормил меня. Откуда сила бралась?

Когда спустя много лет я приехала к Рите, дяди-Витиной дочери, знакомить её с Олегом, она сказала:

— Всё понятно.

Сразу увидела, что Олег похож на её отца.

ГРУСТНЫЕ ИСТОРИИ ПРО КОТИКОВ

У Марины были кот и крыса. Крыса была умная, её вполне можно было выпустить из клетки, чтобы погуляла по дому. Но её поджидал кот, поэтому крысу не выпускали — для её же блага. Несколько раз она пыталась сбежать, но её ловили и возвращали в клетку. И говорили: «Сиди, глупая, там же кот!»

Однажды кот ушёл погулять и не вернулся. Его ждали, искали, плакали, звали. Но он пропал навсегда. Теперь крыса сидела в клетке уже без причины. И тогда ей открыли дверь: иди!

Крыса высунула нос и вернулась в клетку. На следующий день — так же. Только через неделю она решилась влезть на крышу клетки и немного посидеть там. А потом вернулась к своей миске.

Ей уже два года. Крысы живут три. Интересно, решится она когда-нибудь прогуляться по дому или так и умрёт, всю жизнь просидев в клетке?

«Знаешь, — сказала Марина, — иногда мне кажется, что она больше всех нас грустит о котике...»

У забора нашего дома рос боярышник. Мамин знакомый с работы, дядя Володя, выходя из запоя, вспоминал, что у него больное сердце. Он приходил к нам в любое время года и говорил моей маме: «Валюш, сердце пошаливает, можно я полечусь?» Мы знали, какое варварство последует, но что

делать. Мама кивала. Дядя Володя шёл и зверски обламывал ветки боярышника — с цветами или с зелёными ягодами, или с красными. Куда ему эти кусты?.. Заканчивалось всё походом в аптеку за спиртовой настойкой боярышника (плюс бальзам Биттнера — помните такой?). Потом — в магазин за водкой. И опять запой. Наш боярышник восстанавливался, а потом опять приходил дядя Володя...

И вдруг перестал приходиться. Нет и нет. От моей крёстной узнали, что у него умерла жена, и он пьёт. Вскоре дядя Володя вышел из запоя — и к нам, за боярышником. Наломал и опять пропал надолго. Крёстная сказала, что у него умер кот. Из этого запоя дядя Володя уже не вышел.

БАЙКИ ИЗ БОЛЬНИЦЫ

В нашем отделении трое оперирующих врачей и заведующий (к нему все рвутся на операции, он же — заведующий!). Одна из врачей — женщина по фамилии Супрун. Пациентка, бабушка с плохим зрением и плохим слухом, прочитала табличку на двери врача «Супрун», но что-то пошло не так. И вот соседка по палате спрашивает:

— Бабуль, а тебя кто оперировать-то будет?

— Супруга.

— Чья супруга?!

— Наверное, заведующего, чья ж ещё? Разве у простой супруги свой кабинет будет?

Бабуля эта подружилась с другой бабулей, тоже глуховатой. Сядут рядышком и беседуют:

— Ты химию делать будешь?

— Не буду! Мне 78! От чего помру — от того и помру.

— Ну и правильно. Я тоже буду делать, а то помру ещё.

Всё это рассказывает мне моя соседка по палате. А раз уж пошла тема плохого слуха, то рассказала она о двух своих соседках по дому. Две бабули, обе не слышат одним ухом и всё время ссорятся, кому с какой стороны стоять, чтобы друг друга слышать. И вот однажды не договорились, поругались и разошлись.

Первая бабуля пошла домой и прилегла там поспать аккуратно на слышащее ухо. А вторая раскаялась, что поссорилась с подругой, и пошла к ней мириться. Звонила, звонила — нет ответа.

Просыпается первая бабуля и видит, что в окно её первого этажа лезет сосед.

— Ты чего, Володь? — спрашивает.

А Володя молчит, глаза таращит.

Подходит бабуля к окну, а во дворе жильцы собрались, кто не на работе, «скорая» подъезжает.

Выглядывает она в окно, видит свою подругу и кричит:

— Зин, а чего столько народу? Случилось что?

— Случилось! — кричит её подруга. — Ты померла!

КОРОБЕЙНИК

Эту «открытку»-историю подарила мне сестра. Почти дословно привожу её рассказ.

Сижу на работе, заходит коробейник. Сует мне детские книжки:

— Великолепные детские книги, только для вас, со скидкой!

— Опоздал ты, дети мои выросли.

Коробейник тут же достаёт другую книгу.

— Только для вас, со скидкой! Уход за кожей после сорока!

— Не интересуюсь.

— Кулинария! Со скидкой!

— Не надо, иди отсюда.

— Евангелие! Матрона Московская! Со скидкой!

— Не надо, у меня всё есть.

Коробейник не сдаётся.

— Тогда могу предложить вам молитвослов по болящим!

— Уйди, а?

Контрольный выстрел:

— И по усопшим!

НОВОГОДНЕЕ

Мирону 25 лет, мама отказалась от него, когда ему было полгода. У него какой-то серьёзный психиатрический диагноз, он всю жизнь провёл в психбольницах. Он почти не говорит, зато сам жуёт и может выходить на прогулку с няней.

Говорит он в основном три фразы: «А мама придёт? Мама придёт. Мама не придёт».

То есть сначала он пристаёт ко всем с вопросом:

— А мама придёт?

И в зависимости от полученного ответа пребывает в хорошем настроении:

— Мама придёт!

Или в плохом:

— Мама не придёт...

Няню (которая и рассказывает мне о своих подопечных) он тоже называет мамой. Он вообще весь женский персонал

называет мамами. Но знает, что есть какая-то самая главная мама, которая коренным образом отличается от других мам.

Мирон сидит на кровати и плачет.

— Мироша, ты что плачешь?

— Мама не придёт!

В больнице суета: ждут Деда Мороза и Снегурочку. Это волонтеры, они тут уже были и почти не боятся прийти с поздравлениями. Но надо обезопасить их от буйных. Поэтому, наверное, от Мирона и отмахнулись, когда он пристал с вечным вопросом:

— А мама придёт?

— Не придёт!

Он думал, что все бегают, потому что его маму ждут.

— Мироша, вытирай сопли! Сейчас Дед Мороз придёт, а ты плачешь.

— Дед Мороз? С мамой?

— Со Снегурочкой.

Мирон вытирает рукавом сопли.

— А пода?

— Будут подарки, будут!

В отделении много проживающих с синдромом Дауна, совсем плохих, они не разговаривают и не умеют жевать. Им всю пищу измельчают в блендере. Так что с подарками тут надо осторожно. Дашь такому Мирону конфетку (Мирон жевать умеет), а даун Стас Михайлов (ага, вот прям так и зовут) отберёт и сунет в рот. И подавится. Они ведь всё в рот тянут — Стасик вон памперс свой съел, так еле откачали.

Дед Мороз вышел из лифта и остановился. Снегурочка выглядывала из-за спины. Ещё Баба Яга должна была приехать и Снеговик. Но те передумали — боятся.

Подвывая и покачиваясь, сдерживаемые персоналом проживающие выслушали короткое поздравление. Заведующий сразу с помощью магнитной карты вызвал для волонтеров лифт.

— А подарки?! — сообразил кто-то из говорящих.

— А подарки олени вам привезут! — крикнул Дед Мороз и втолкнул Снегурочку в лифт.

Они уехали.

— Оле, мам? — спрашивает Мирон.

— Олени, Мироша. Это такие помощники Деда Мороза.

Подарки будут — что-нибудь вкусненькое. Правда, оно пройдет через блендер и утратит красоту.

Няня потом потихоньку угостит Мирона конфеткой — он-то умеет жевать.

— Мам, а мама придёт?

— Мирон, ты же её ни разу не видел?

— Нет...

— А как же мы её узнаем?

— Пода.

— Она подарки принесёт?

Он радостно кивает.

— А что она принесёт?

— То, кока-ко, пече.

Это значит — торт, «Кока-Колу», печенье. Когда он про-износит «кока-ко», то выразительно шелкает себя по шее, намекая на алкогольную природу «кока-ко» его мечты.

— Ясно. Будем ждать.

Спустя десять минут разговор заходит на новый круг.

— Мам, а мама придёт?

— Придёт, Мироша. Потом. Сейчас у неё работы много. Перед праздником у всех много работы.

Мирон кивает. Это он понимает, не маленький.

Дедушка Мороз, пусть в этот раз ко всем придёт мама. Хотя бы во сне.

СИНИЧКИ

В багажнике у нас всегда орешки и семечки. Потому что в любой момент можно оказаться на прогулке там, где есть белки и птички. Да вот хотя бы санаторий «Ерино», куда я дважды в неделю вожу Глеба в бассейн. Специально приезжаем пораньше, чтобы обойти кормушки.

...К овощному киоску подходит мужичок. Мы таких бомжами называем. Может, он и не бомж, но выглядит именно так. Он из тех, кто собирает на помойке цветные металлы, чтобы сдать и заработать на бутылку. Из тех, кто возьмётся сделать грязную работу в частном секторе за самогонку. От них плохо пахнет. И они не знают слов любви без мата.

Он покупает два килограмма семечек.

— Мороз! — говорит он. — Синички. Им же только подсыпай, йоптыть.

А мог купить стаканчик самогонки. Но мороз.

Я вспомнила, что и нам надо пополнить запасы семечек. Сегодня едем в бассейн, йо...

ПОВЕСТКА

Смотрим с Глебом балетное ревю на сюжеты детских сказок. Четыре фрагмента классических балетов, и один из них — из «Золушки».

Вот злая мачеха, вот две её дочки, вот Золушка с метлой. Приходит (припрыгивает) гонец с приглашением на королевский бал, написанном на красивом свитке с печатью.

Рядом с нами сидит мальчик лет десяти. Он громким шёпотом делится с мамой впечатлениями и угадывает сказочные сюжеты. На этот раз он говорит маме:

— Это гонец повестку на бал принёс!

Мама сердито зашептала, что это — приглашение, а повестка — совсем другое.

А я подумала, что мальчик прав. Когда тебя приглашает король (хоть куда, пусть и на бал), то это — повестка. Потому что отказаться нельзя.

СКРЕПОЧКИ

Однажды мы с Олегом поехали на рыбалку. Нам рассказали про пруд под Чеховым во-о-от с какими карасями. Очень туманно обрисовали дорогу:

— Там деревня будет, а ты левее бери, через поле.

И никаких названий. Поехали искать.

Нашли какую-то деревню. Вместо того чтобы взять левее, решили проехать по деревне, пропитаться, так сказать, русским духом, полюбоваться берёзками.

Собственно, деревни там уже почти не было, в основном дачи разной бюджетности. Отдельно, на окраине — огромный угловой участок, даже не огороженный: недострой. Фундамент и бетонные стены первого этажа. Видно, что давно заброшено, а планы были наполеоновские, судя по бетонному лабиринту стен. Только на первом этаже вполне можно было расселить полдеревни. Мы смотрели на эти стены и обсуждали, что хозяина, наверное, убили или посадили, а без него семье стройку не потянуть.

Мимо с удочкой шёл местный житель и рассказал: «Не, хозяин жив-здоров, только разорился. Первые годы он этот участок пытался продать. Покупатели приезжали и уезжали. Кому он нужен? От города далеко, жить тут постоянно не будешь. Дача такая огромная — зачем? И снести это уже не получится: фундамент высокий, крепкий — на века делался. Ни построить ничего путного, ни огород посадить. Только землю испортил».

Спустя много лет в другом месте Подмосковья — дом-дача другого человека, директора крупного завода. Завода уже нет и директора нет. В доме живёт его старенькая вдова. Плачет по мужу и по былой жизни. Участок огромный, ещё ухоженный: в гостевом домике живёт азиатская семья, они и под-

держивают порядок. Например, косят поле для гольфа. Когда-то на этом месте берёзовая роща была. Но это как-то... не солидно, что ли.

— Берёзки, печки, лавочки... Вы ещё скажите — скрепы. Нет. Муж любил гольф.

А ещё есть конюшни. Тоже солидно.

— Вот тут такой жеребец стоял! Вы понимаете в лошадях? Уж поверьте, такого ни у кого не было. Муж, как заболел, продал его. Кому? Путину.

Вдова плачет. Дети их изредка сюда наведываются, а так в Москве живут. Наверное, после её смерти захотят эту дачу продать. Далеко, да и не нужно им поле для гольфа, конюшни, семья азиатов и огромный дворец, в котором можно полдня ходить и не встретиться.

За те деньги, что сюда вложены, уже не продать, конечно. Место не престижное, поле для гольфа здесь никому не нужно. Берёзку бы, чтоб лавочку в тени поставить да посидеть спокойно, душой отдохнуть. А ещё лучше — берёзовую рощу!

Вот душа у вдовы и болит: а что же останется-то, когда она к мужу уйдёт? Пустая конюшня да заросшее поле? А вот что! Покойник стихи писал. Такие стихи! Издать бы, а дети не хотят заниматься. Нашла, вроде, издателя, а тот в авторских листах подсчитал, чтоб заказ в типографию делать, и говорит: мало стихов, на брошюрку только. Это значит скрепочками посередине скрепить.

Скрепочками! Несолидно как-то. Какой человек был! Лошадей президенту продавал!

Работал много, такой завод держал, такой дом отгрохал! Было б время — больше стихов написал бы. И ведь какие стихи! Берёзы белые, душа русская, земля привольная. Скрепы!

А они говорят — скрепочки...

ВАНЯ И ВИТЬКА

Впервые Глеб увидел море в российском уже Крыму, в Гурзуфе. Тогда мы жили в санатории, а в этот раз приехали в частную гостиницу, найденную крёстной Глеба.

У хозяйки гостиницы Татьяны Петровны работает Ваня — молдаванин. Честный: никогда чужого не возьмёт. Отзывчивый: только позови — поможет. И есть у него две пагубные страсти: «огненная вода» и коты.

Котов он гоняет за то, что те норовят выловить японских карасей из маленького пруда на территории отеля. Одного даже вытащили — и ладно бы съели, а то бросили. Он запу-

тался в траве и сдох. С тех пор Ваня носится за котами по многочисленным лестницам (отель стоит на горе, номера прилеплены так, как рельеф позволяет) с угрозами, проклятиями и матюками. Но ни один кот ещё не пострадал, так что они его не столько боятся, сколько разминаются.

У Вани нет документов. Когда-то он прибил к Татьяне в поисках работы. Из родной Молдавии Ваню вывез родственник, обещал работу в Крыму и райские виноградные кущи. Но Ваня, оказавшись в раю, от восторга запил, влип в какую-то мутную историю, задолжал денег. И однажды кредиторы его поймали, избили до полусмерти и укололи наркотой. А потом ещё и ещё. Ваня крепко подсел на иглу. Дядька его в свой виноградный рай больше не пустил. И тогда Ваня пошёл по горам и косогорам Южного Крыма искать спасения.

А Татьяна как раз выгнала рабочего Витьку. Дело было так.

Витька тоже пил.

Однажды послали его рабочие за бутылкой, он купил лимонад и водку. Лимонад открыто несёт, а водку за бетонной плитой прячет.

Татьяна Петровна сверху всё видит.

— Вить, покажи, шо несёшь?

Витька сильно картавил.

— Пьетновна, лимонад. Вот те кьест.

Татьяна тихонько спускается, прячет его водку в багажник своей машины. Вечером Витька шаст за плитой — а там пусто.

— Вить, а ты шо такой грустный, заболел?

— Пьетновна, пьетставляешь, там какие-то пидаясы бутылку сп...ли.

А потом у него подруга появилась, Надька. Поселилась у Витьки, подворовывать стала. Сначала Татьяна увидела у неё напольный ковёр из гостевого номера.

— Надь, это у тебя откуда?

— Из мускиоска.

Мускиоском она называла мусорку.

Потом полотенца из номеров стали уходить. Татьяна Надьку выгнала, а Витьку бы пожалела, но он за Надькой ушёл. Посуды, белья постельного с собой прихватили.

Татьяна только задумалась, кого на место Витьки найти, как Ваня нарисовался.

Татьяна сразу отправила его лечить наркозависимость. На первый взгляд, нормальное заведение, бывшие наркоманы организовали.

Татьяна деньги за лечение внесла, паспорт Ванин отдала. Приезжала навещать. Ваня посвежел, говорил, что на иглу больше не тянет.

— Чем лечили? Капельницы какие-то ставили, молитвы читали. В церкву они не ходили, нет, сами чего-то пошепчут — и аминь. Да мне-то шо, пусть как хотят лечат, лишь бы на пользу.

Татьяна пошла к главному врачу и сказала, чтоб готовили Ваню к выписке. А приехала забирать — её не пускают. Говорят, что она торопится, Ване ещё нужно полечиться, чтоб избавиться от зависимости окончательно, видется с ним не надо, да он и сам не хочет.

— Как это он не хочет? Сколько я ещё деньги за него платить буду — он мне кто?

Но Ваню она тогда так и не увидела, уехала. А через два месяца Ваня сам позвонил с незнакомого номера и закричал:

— Петровна, заberi меня отсюда, я тут в рабстве!

Успел объяснить, где находится этот «фильдым» нашла. Ваня в коровнике работал, впроголодь, без денег и почти без одежды. У какого-то местного жителя, случайно встреченного, телефон попросил позвонить. От наркозависимости, надо сказать, он избавился. А паспорт его молдавский ему так и не вернули.

И от питания он не излечился. Татьяна ему предложила от этого дела избавиться «по Довженке». Витьку-то она к тому доктору тоже возила, когда уж совсем допился. «Идёт — сам себя не помнит: ширинка расстёгнута, оттуда бобик выглядывает и на улицу гавкает».

Но Витька тогда сам захотел раскодироваться.

— Пришлось опять в больницу везти, щоб не подох мне на грех.

Доктору восемьдесят восемь лет, махонький такой, штанишки аж под колено подшиты. Видать, лет пятьдесят назад купили ему на вырост, а он не вырос, весь в корень пошёл.

Вот и с Ванькой уже договорились к этому доктору в штанишках ехать. Ванька аж загрустил, котов не гонял. Они обнаглели — не только к карасям, а и к черепахам лапы запустили.

А на следующее утро как нам уезжать — нет Вани. Оказывается, ночью на прощание с последней вредной привычкой упился Ваня до судорог и чертей. Вызвали «скорую», врачи уколов ему навтыкали, капельницу поставили, а забирать не стали.

Татьяна везла нас на машине на вокзал и по телефону спорила со своим сыном. Сын настаивал, что Ваню надо выгнать. А Татьяна кричала в трубку:

— Куда он такой пойдёт, без документов? Закодируем «по Довженке» и пусть работает! Грех на себя не возьму! Иди, глянь, как он там? Жив хоть? Приеду с Симферополя, сядем, поговорим тихо.

Мы ещё к вокзалу не подъехали, как сын доложил Татьяне, что Ваня оклемался и уже гоняет котов.

ДЯДЯ КОЛЯ

И ещё из Гурзуфа.

Дядя Коля работает на стройке у Татьяны Петровны.

Мы едим черешню на открытой террасе, когда он спускается по лестнице с верхней строительной площадки.

— Здравствуйте, бабушки, девушки. Или кто вы есть-то? Я вот, например, сам не знаю, кто я. В армии служил с татарами, хотя мама у меня русская, отец украинец, а дед — татарин. Как так? Да вот так! Видишь, морда у меня какая? Меня хотели в штабе оставить, а татары не отдали. Малой, иди сюда, будем черепах кормить. Тебя как зовут? Глеб? А меня — дядя Коля. Вот смотри, эти красноухие — хищники, они кусаются. Если палец им сунуть, вцепится — всё, не дёргайся, сиди, жди, когда сама отпустит. Иначе без пальца останешься. У меня напарник был, тоже тут работал в прошлом году, Саня. Спьяну взял красноухую в руки и губы вытянул, вроде как поцеловать её. Она ему полгубы откусила.

Дядя Коля вылавливает черепаху, Глеб отскакивает.

— Да ты не бойся, малой, это ж Игорь, он не красноухий. Он ебач. Чё твоя мамка так смотрит? Е-ба-ч. Европейская Балотная Черепаха.

— Болотная, — уточняю я.

— А я что говорю? Он добрый. На трассе я его нашёл. Почему Игорь? Это из «Уральских пельменей». Не знаешь? Глеб, твоя мамка вообще ничего не знает. Чё, не помнишь? Как они там: «Игорь! Игорь!» А отчество его — Николаевич. Потому что я — Николай. Я ему как отец. Купались сегодня? Как водичка? А я уже два года на море не был.

— Как это? Вот же оно, рядом.

— Работаю. Это вы здесь отдыхаете.

— Так ты бы не с нами трепался, а на море сходил.

— Да? И правда, пойду.

Дядя Коля возвращается часа через два. Пьяный до изумления. Поднимаясь по лестнице, спотыкается, наступает на розу, отскакивает и хватается за ствол хурмы.

— Ты хоть искупался?

— Я работаю! Когда мне? Два года на море не был...

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКНОЙ

— Мам, возьми пять пачек платков. Я буду плакать.

У Глеба сегодня первый выпускной.

Я не любила детский сад. Глеб пошёл в тот же садик. И он его полюбил.

Сюжетом представления было путешествие на воздушном шаре.

— А кто это летит на чёрном шаре с чёрным флагом? — спрашивает воспитательница.

— Пираты! — должны ответить дети.

Но кто-то из мальчишек опережает дружный хор и громко выкрикивает:

— Фашисты!

В моём детстве казалось, что это слово из книжек да из детских игр. Этот мальчик услышал его в новостях.

Посмотрела фотографии со школьного выпускного. Девочки в коричневых платьях и белых фартуках! Я окончила школу в 90-м, и у нас уже была синяя форма, но на выпускной мы надели коричневые платья и белые фартуки. А ещё у нас было круто, если ты в короткой юбке и кроссовках. Так вот, нынешние выпускницы в коротких платьях и кроссовках!

Всё возвращается: и детский сад, и мода на кроссовки с платьями, и фашисты...

«НЕПРОПИВАЕМАЯ ЧАША»

«Непропиваемой чашей» муж сестры Сергей назвал однажды банковскую карту, на которую мы скинули ему денежные подарки на день рождения. Воспользоваться этой картой сразу он не мог, не помню уже, по какой причине. А это значит, деньги там хранились и копились, и накопились на холсты и краски.

Сергей — художник. По своим сюжетам он пишет очаровательные картины в лубочном стиле, но, к сожалению, редко. Чаще делает копии картин или фотографий.

Когда он спросил, копию какой картины я хотела бы в подарок на 8 Марта, я ляпнула:

— «Бар в “Фоли-Бержер”».

Сергей открыл в интернете картину Эдуарда Мане и приступил к работе. Через пару дней я спохватилась и позвонила сестре:

— Что я наделала! Я заказала Серёже «Бар в “Фоли-Бержер”»!

— Да, сложная картина, — сказала Рита, — но, ничего, справится.

— Не в этом дело! Там столько бутылок! И практически без закуски! Не будет ли это провокацией?

— Всё в порядке, он работает, пьёт исключительно чай.

На праздник Сергей подарил мне картину. Сказал, что сложнее всего было писать цветок на груди девушки.

Я не стала уточнять, в чем сложность. То ли цветы — не его тема, то ли грудь отвлекала. Могу только сказать, что чаще всего Сергей копирует Рубенса. Излишки Рубенса Рита отправляет на дачу, где сама бывает нечасто.

Приближался мой 50-летний юбилей, и Сергей снова спросил меня, какую картину я хочу в подарок.

Ответ у меня уже был: осенний пейзаж. Да не абы какой, а чтоб во всей красе предстал передо мной уральский посёлок Новая Пашия.

Мой дед некоторое время жил с семьёй в этом посёлке, в годы войны поднимал цемзавод. Цемзавод до сих пор работает в Горнозаводске. А фото современной Новой Пашии я нашла в интернете, распечатала и отдала в работу Серёже.

Наступил день рождения. Отмечать отправились к Рите, потому что у неё много места и возможность сделать шашлыки. Мне не терпелось увидеть картину. Но Рита мрачно сказала:

— Я его чуть не убила, он всё испортил.

«Что там можно испортить? — не понимала я. — Деревья и домики, домики и деревья».

И тут я увидела картину. Осенний Урал. Деревья и домики. А в левом нижнем углу картины сидит обнажённая женщина. Обхватив колени руками, отвернувшись от зрителя, она смотрит на Новую Пашию.

— Кто это? — спросила я.

— Вот и я спрашиваю! — сказала Рита. — Зачем здесь твой Рубенс?

— Посмотри внимательно! — оскорбился художник. — Тут до Рубенса — несколько десятков килограммов!

— Мане?

— Нет!

— Так кто же это? Что она здесь делает? — напирала мы с Ритой.

— Она ностальгирует! — сказал Сергей.

— Но почему она ностальгирует на моем подарке? — всё-таки не понимала я.

Мой муж, всё это время молчавший, вдруг медленно повернулся к Сергею.

— Ты что же это?.. Как тебе в голову такое пришло?!

Было очевидно, что он что-то понял, чего не поняли мы.

Сергей попятился.

— Ты не подумай чего... — сказал он. — Это я так выразил обнажённость её души. Беззащитность перед потоком времени, которое уносит память о предках, о местах, где они жили... И вот она смотрит на Новую Пашию, в которой никогда не была физически, но её душа всегда стремилась...

И тут до меня дошло. Я узнала женщину.

— Это что, я?

— В каком-то смысле, — осторожно сказал Сергей.

— В каком? — строго спросил мой муж.

— Я же объяснил! — обиделся художник. — В метафорическом!

Мы с Ритой расхохотались, окончательно смутив Серёжу.

— А в этом что-то есть, — сказал мой муж. — Если тебе не нравится, я заберу картину себе.

— Вот! — обрадовался поддержке Сергей. — Ты меня понял!

— Так, стоп, — сказала я. — А я, значит, останусь без подарка? Нет уж. Мою обнажённую душу надо закрасить, оставить только деревья и домики.

Мужчины были против. Женщины — за. Сергей закрасил меня, получилось то, что я хотела.

Но я знаю, что у мужа где-то есть фотография картины с женщиной. Может, это и правильно. Может, мы с Ритой были неправы. Не оценили. Не поняли. Не сберегли. Трудно с этими шедеврами. Поди пойми — что на века, а что на дачу.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Мы с Глебом в речном круизе, одна из остановок — город Мышкин. Мы нацелились целый день посвятить мышам. И вдруг нам предлагают экскурсию в село Мартыново — населённый пункт, отрезанный от мира и сохранивший свой язык и уклад.

Я думала, Глеб откажется. Но он вдруг сказал:

— Хочу в Мартыново.

Мы сели в микроавтобус и поскакали по кочкам за границу привычного мира.

Экскурсовод бахорил (говорил) на своём языке. Набахорил, что самоназвание у этноса — кацкари, потому что проживают в бассейне реки Катки, на территории бывшего Кацкого Стана. Этнически население — смесь славян и мерян (финно-угров).

Сейчас в селе проживает примерно 90 человек. Они бережно сохраняют свой язык и говорят на нём. Их речь можно слушать бесконечно.

Я уезжала оттуда, совершенно влюблённая в село, людей и их речь. Но что-то я всё-таки заподозрила в этом ладно скроенном этническом заповеднике.

Добравшись до интернета, села читать о кацкарях.

Кацкари оказались искусственно сформированной этнической группой. Началось это в девяностых. Тогда все выжидали, как могли.

Жители Кацкого Стана не взялись за кистени и не бросили свою землю. Они придумали себе мифы, историю и язык.

Вот что у них получилось.

Произошли кацкари от Белой коровы. До сих пор они держат потомков праматери-коровы. И туристы могут угостить белую кормилицу специально выданным хлебом.

Сначала не все жители вымирающего села Мартыново согласились признать себя какими-то кацкарями. Но к ним потянулись туристы, появились своя газета и музей. И увидели они, что это хорошо.

Теперь там все кацкари, а в пополнении словаря своего «исторического» языка принимают участие всем селом.

Их язык — это песня! Гремучая смесь устаревших и просторечных слов, «детских» словечек. Они ёкают и заменяют буквы: например, слово «одно» произносят как «онно». И так это у них ловко, иронично и «исторично» получается, что не сразу понимаешь подвох.

Маску они называют харей. Различные устройства и гаджеты — писигами. Зрителей — гляженными. Слово «примаскалить» означает «приехать» в несколько ироничном (или, скорее, неопределённом) значении. Не приехал на машине, не прилетел на самолёте, а как-то добрался — примаскалил. (Чувствуете намёк? Самые богатые туристы откуда? То-то.)

Они говорят «обызъянить», когда речь идёт о покупке. И объясняют: «У нас другое мышление. Вот вы что-то купили — и считаете, что разбогатели на эту вещь. А мы считаем: купил — обеднел, нанёс ущерб карману, изъян».

Хорошо — дарома. (Даром — это же всегда хорошо, кто спорит?) А плохо — говёно. Только это не от того слова, о котором все подумали. Это от слова «говеть». Не в религиозном смысле, ни боже мой. В самом прямом — голодать. Кто много голодает, говеет — тот плохо выглядит и болеет. Говёный становится, совсем плохой.

В интернете есть словарь кацкого языка. Экскурсоводы разыгрывают сценки с переодеванием. Народный театр кац-

карей — это когда мужчины играют женские роли, а женщины — мужские. И это такие таланты! Куда там многим нашим заслуженным, не к ночи будь помянуты! Туалеты у кацкарей — в виде зелёных пирамид. Это чтоб и нужду справить, и чакры, по-индийски говоря, прочистить.

Если будете в тех краях, примаскаливайте к кацкарям, оно того стоит, там дарома. Хороших фотографий написигаете.

А у меня дома до сих пор хранится «мешочек от неспихи и говёного настроения». Ароматы трав уже выдохлись, а радость осталась.

ИЗ ЖИЗНИ ПЕРФЕКЦИОНИСТОВ

Однажды 30 декабря пошли мы с Олегом в Консерваторию. Большой зал как раз открылся после реставрации. И вот мы, такие новогодние, рассаживаемся и предвкушаем. Рядом с нами сядутся мама и сын.

Сын говорил ломающим голосом и был фантастически похож на кролика из советского мультика про Винни-Пуха. Кролик долго пересаживался, меняясь с мамой местами: то справа от неё сядет, то слева — всё искал нюансы звучания, хотя ничего ещё не звучало, кроме благоговейного покашливания взволнованных зрителей. Наконец, он выбрал позицию и наострил уши. Они обсудили с мамой репертуар консерватории за последние сто лет, до и послеремонтные нюансы бликов на портретах композиторов. Наконец, он задрал очки вверху.

— А потолок не решён... — глубокомысленно изрёк Кролик.

Раздались аплодисменты: на сцену выходил маэстро Спиваков.

Кролик возвысил голос:

— Не решён потолок! — припечатал он.

МУЖСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Зимой 2002—2003 мы с Олегом ездили на «Жигулях», одиннадцатилетней семёрке.

Как-то застряла я в снегу на дороге уже на подъезде к дому. Мне оставалось свернуть на свою улицу — и вот на этом маневре я и сдулась, не смогла выскочить из глубокой колеи. Перегородила дорогу. Сзади машина остановилась, выходит мужик и давай орать:

— Ты чё, дура, обезьяна, тупая баба тут раскорячилась?! Вали отсюда!

Я бы и рада, но не могу. Помочь мне — мужику в голову не пришло: он сел в машину, хлопнув дверцей, и смотрел на меня, как удав Ка на бандерлога.

Благо, дом рядом, мобильник (с антенной) уже имелся. Прибежал муж, нас с машиной вытащил.

На следующий день уже Олег был за рулём и застрял там же при таком же маневре. Я пассажиром ехала. Опять сзади машина (другая ли, та же — я от обидных воспоминаний не различала), выходит мужик:

— Ну что, брат, застрял немножко? Давай помогу!

Брат застрял! И главное — немножко. Да нормально он застрял, не меньше, чем я, обезьяна.

И помог мужик. Вытолкал машину вместе со мной и Олегом.

Какой сделаем вывод?

Женщина застревает в колее, потому что дура. А мужчина — потому что снега много.

КОЗЬЕ МОЛОКО

Началась эта история в середине семидесятых.

Вероникина бабушка серьёзно заболела — саркома десны. Очаг вырезали и облучили. Сожгли весь рот и горло, язык на всю жизнь остался бугристым и фиолетовым. Вкус еды не чувствовала, да и есть не могла. Зубы выпали в течение двух лет полностью.

— Чем лечиться? — спросила бабушка у доктора, выпи-сываясь с метастазами. Умирать ей было нельзя: она нужна была внукам.

Врач сказал:

— Козьим молоком.

И велел прийти через год, сдать кровь. Если не умрёт, конечно.

Бабушка собрала смертный узелок: самое красивое платье, чулки, панталоны, тапки новые, платок цветастый, бюстгальтер хороший, сатиновый. Купила козу. Научилась доить. Пила молоко и ела белый хлеб — больше ничего не могла.

Летом, когда отоплением не пользовались, в доме появлялась сырость. Бабушка доставала смертное и вывешивала просушиться на солнышке.

Через три года вспомнила, что надо сдать кровь. Пришла к врачу.

— Долго шли, — сказал он.

— Закрутилась, — сказала бабушка. — Коза котилась, внуки росли... некогда.

Кровь оказалась чистой.

Бабушка держала уже несколько коз, излишки молока продавала. Сменила смертное в узелке: мода на месте не стоит, отставать нельзя. Купила новые тапки, чулки, платок ещё красивой прежнего. Внучка сшила ей розовую кофту с ангелочками, к ней бабушка подобрала юбку. Летом вывесила всё это добро сушиться, соседи через забор таращатся — загляденье!

Внук и внучка выросли. Женька стал пить. Детей у него было аж четверо, все на него похожи, кроме младшей. Но до того хорошая девчонка получилась, самая умная! Женька её больше всех любил, хоть и думал, что не его.

Через десять лет после операции бабушка начала слепнуть. Коз продала, а тут и дом её снесли, квартиру дали. Внук Женька к ней перебрался жить, а жена от него ушла.

Бабушка очень любила Женьку. Наверное, больше, чем Веронику. Веронике что делается? Она выучилась, теперь работает. А Женька — непутёвый, пьющий. Пьянство — оно хуже рака, прицепится — не отвяжешься.

Бабушка совсем ослепла. Ну, ничего. Без зубов жила — и без глаз жить можно. По дому всё делала — и суп варила, и прибиралась. Знала, где Женька деньги прячет, — за унитазом. Бывало пересчитает, сколько там у него. Как-то полезла считать — а деньги другие какие-то. Реформа, что ли? Женька пришёл, спросила его. Оказалось — нет, не реформа, а доллары.

После облучения прошло сорок лет. За это время она несколько раз меняла смертное на новое, чтоб в гроб не стыдно лечь.

Правнучки выросли, уже женихались вовсю, кроме самой умной, та в Бауманку поступила. Женька пил и однажды умер от этой заразы.

Бабушке было 94. Как раз смертное недавно сменила — правнучки халат байковый подарили и платок шерстяной, носки сама связала. Уже не про красоту думала, а чтоб тёплое было.

После похорон Женьки бабушка легла спать и уснула насовсем. Без глаз жить приспособилась, без зубов тоже, а без любимого внука — не получилось. Похоронить велела рядом с Женькой: за ним приглядывать нужно.

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Туман, лужи, грязь — вот что такое сегодня дорога в детский сад. Мы с Глебом придумываем, что лужи — это моря и океаны, дома — острова, машины — корабли, люди — лодки

или пловцы. Собачьи какашки — это россыпи кладов затонувших кораблей, а торчащие из грязного снега бутылки — это бутылки с посланиями от терпящих бедствие моряков или картами острова сокровищ.

Сворачиваем на финишную прямую — перед нами айсбергом нависает огромная грязная фура. Обложенный знаками, запрещающими въезд на эту улицу большегрузным автомобилям, водила устроился тут на ночь. Он совсем чуть-чуть не доехал до промзоны, расположенной на улице с красивым названием — Вишнёвая.

В кабине водителя задёрнуты бордовые бархатные шторы с оборками. Мы с Глебом смотрим на них, задрав головы. «Какой восхитительный китч», — думаю я.

— Это же королевские шторы! — говорит Глеб.

И мы придумываем, что фура — это передвижное королевство. Кабина — королевская опочивальня. А кузов — это тронный зал. Вот проснётся король, распахнёт грязные двери — а там огромный сияющий зал в цветах. В глубине его — золотой трон, разодетые придворные расступаются и кланяются, осыпая мрамор пудрой париков.

— А где у него кухня? — спрашивает Глеб, предвкушая любимую детсадовскую запеканку.

— Там всё есть, это же волшебное королевство. Пространство бесконечно раздвигается, стоит только шагнуть в какую-то сторону.

— А на каком языке они говорят?

Но мы не успели придумать — пришли в детский сад.

Туман сгустился.

Король продрал глаза, полюбовался портретами заморских королей в купальниках, коими оклеены стены его опочивальни, откинул полог засаленной бархатной шторы и узрел туман.

— Пи-пи-пи, — сказал он на эльфийском наречии для взрослых, — пи-пи-пи-пи-пиии.

Достал из-под ложа золотой королевский горшок удлиненной формы с надписью «Вода минеральная газированная», облегчился и стал готовиться к визиту в близкое уже Вишнёвое королевство.

ВНУТРЕННЯЯ СВЕКРОВЬ

Глебу шесть лет. И крайне маловероятно, что я дотяну до внуков, хотя, конечно, очень стараюсь.

Но при виде некоторых его ровесниц во мне уже сейчас просыпается внутренняя свекровь.

Пошли мы с ним кататься на ватрушке на ближайшую горку. Мы были одни. Я показала Глебу, где удобней взбираться. Он пару раз залез прямо по льду, но потом понял, что тратит на это слишком много сил, и стал забираться по моему маршруту. Вскоре к нам присоединилась девочка Ксюша с ледянкой. Ксюша быстро отбила ледянкой попу и сказала, что тоже будет кататься на нашей ватрушке. Глеб не возражал.

Ксюша, надо отдать должное, очередность соблюдала. Но взбиралась она по самому отвесному склону. Она падала и вопила:

— Помогите мне! Дай руку!

Глеб тащил её наверх, она упускала ватрушку, Глеб бежал за ватрушкой, толкал Ксюшу сзади, а она тянула ко мне руки:

— Помоги, что ты стоишь?!

Глеб затолкал её наверх, сел в ватрушку, Ксюша сказала мне:

— Толкать буду я!

И со всей дури запустила его с горы. Моя внутренняя свекровь дрогнула. Хорошо, что у Ксюши мало сил.

Глеб показал ей, где удобнее подниматься. Она один раз без проблем поднялась. Один раз. Потом она ещё много раз карабкалась по ледяному склону и вопила:

— Помогите! Дай мне руку! Я не могу залезть!

— Ты... почему... не пошла... там... — пыхтел Глеб, снова и снова втаскивая её на горку.

— Держи меня! Ватрушку держи! И ты держи! — орала она ему и мне.

Потом она придумала, скатившись в ватрушке, не вставать вовсе. Глеб кричал:

— Всё, остановка! Поднимайся!

Бежал к ней, волнуясь: что же она не встаёт?

— Ты меня разбудил! — верещала Ксюша. — Я отдыхаю! Я хочу спать! Иди к себе и не ори!

— Моя очередь кататься!

— А я хочу спать!

Предложить ему хотя бы свою ледянку ей в голову не пришлось.

И Глеб пытался втащить её на ватрушке в гору.

А потом мама позвала её, и Ксюша пошла к ней.

— Ты сказала «до свидания»? — спросила её мама.

Ксюша не ответила и даже не оглянулась.

Глеб, получив свободу, ещё пару раз прокатился и запро-
силася домой: все силы были потрачены на спасение упрямой Ксюши.

Мою внутреннюю свекровь долго ещё трясло. «Не дай Бог! — думала она. — Да минует нас чаша сия!..»

ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ

Мы отдыхаем в посёлке Орджоникидзе, что под Феодосией. Хозяйка отеля Лиля рассказывает историю, которая начинается, как красивая сказка.

Гуля работала на кухне уже четвёртый сезон. Была довольно жёсткой с персоналом, ответственной. Пришла работать — светилась от счастья: встретила любовь. У неё был сын от первого несчастливого брака. И вот повезло встретить Марата, который принял её с ребёнком.

Марат жил недалеко, в Феодосии, часто приезжал к жене, вместе ходили на море.

На следующий сезон Гуля уже не так светилась. Ну, это понятно: медовый месяц — это только месяц. Третий год Гуля опять работает в Орджо. Марат дома, уже с двумя детьми. Гуля и Марат расписались: он повёл её в ЗАГС, как только она получила в наследство от выросившей её бабушки дом в Феодосии и некоторую сумму денег. Гуля купила машину, сама приехала за рулём. Теперь муж её жёстко контролировал. День был расписан: он звонил по графику, она должна была включить громкую связь и доложить, где она. Он не работал, все деньги забирал, приезжал за ними лично.

На четвёртый сезон Гуля практически весь день ходила с телефоном, прижатым плечом к уху. И готовила, скрючившись, шея уже не выпрямлялась от напряжения. Марат хотел слышать, где она находится. Он по-прежнему не работал. Младшего сына оставлял со старшим и просаживал деньги жены. В том числе на женщин. Он и не скрывал. А куда она денется, кому нужна с двумя детьми? Так же ей говорила бабушка, когда её мама умерла, а папа бросил маленькую дочку.

— Кому ты нужна, кроме меня? Даже родители тебя бросили.

Гуля, хорошо зарабатывая, имея дом, модельную внешность, работоспособность и жёсткий характер, становилась безвольной от одного только голоса Марата в телефоне.

Однажды, когда она рыдала вечером от усталости и страха, Лиля сказала ей:

— Пошли купаться, а телефон оставь.

И Гуля взбунтовалась: пошла с ней на море.

Телефон звонил в пустом номере.

Марат приехал тогда, когда они шли с моря. Затащил жену в машину как была — в купальнике — и увёз. Она кричала,

звала на помощь, Лиля пыталась вытащить Гулю из машины, но пришлось буквально выскакивать из-под колёс. Гуля крикнула, что он её теперь убьёт.

Документы и вещи Гули остались в номере. Лиля позвонила в полицию и всё рассказала. Полиция перехватила машину под Феодосией. Марат орал:

— Это моя жена, не имеете права!

Но Гуля просила:

— Помогите!

Полицейские сами отвезли Гулю в её дом, где были одни сыновья. Она написала заявление о похищении. Марат скрылся у родных.

Родные пришли к Гуле и сказали:

— Отец твоего сына теперь сидит на 25 лет, забирай заявление, не бери грех на душу.

Они ввали. Какие 25 лет? По какой статье? Но она поверила и забрала заявление. Вернувшийся Марат даже отпустил жену к Лиле доработать сезон: деньги он все потратил. Звонил каждые десять минут.

Предупредил: если не ответит сразу, хуже будет.

Гуля говорила, что разведётся, что на следующий сезон приедет сюда с детьми уже свободной женщиной.

Прошёл год. Лиля позвонила Гуле: набирала персонал на этот сезон. Гуля не ответила. Потом перезвонила сама и шёпотом, чтоб Марат не слышал, сказала, что не приедет, она беременна, ей скоро рожать и звонить ей не надо — не дай бог, муж услышит.

ТАНЯ

Таня и Михаил приехали на море с маленьким сыном.

Михаилу было под шестьдесят, он на 20 лет старше жены.

Когда пришла работать в его фирму, она была наивной, ничего не умеющей девчонкой. Таня влюбилась в хозяина — взрослого, красивого, умного, всё на свете знающего мужчину.

Он женился на ней, вырастил и воспитал её, научил всему. Она стала ведущим менеджером, фактически теперь фирма держалась на ней. А Михаил выгорел.

Выгорела и любовь. Теперь Таня была взрослой, красивой, умной, а Михаил старел и терял интерес к работе, семье, жизни... Держался за чувство долга, всё-таки сын ещё маленький, вот упросил на море его свозить.

Татьяна держалась за благодарность тому, уже куда-то исчезающему Михаилу.

Семью они сохранили. А любовь — нет.

Однажды вечером на отдыхе у него произошло защемление грыжи живота. Таня повезла мужа в Феодосию. Вроде и случай не сложный, но после операции — реанимация, Михаилу всё хуже.

Таня оплатила реанимобиль до Москвы, но в дороге Михаил умер.

Теперь Таня управляет фирмой. Очень хочет приехать с сыном на море. Уже который год покупает билеты на самолёт, вносит предоплату — и не прилетает. Не решается увидеть место, где умер муж.

АЛЬБЕРТ

Работала я в редакции еженедельника «Аргументы и факты» начальником отдела компьютерной вёрстки приложений. Добиралась до работы электричкой из Подольска, так что обычно одевалась в джинсы — так удобнее. Но однажды купила темно-зелёное платье и приехала в нём на работу. Вызывает меня к себе ответсек Лариса, обсуждаем с ней что-то. Заглядывает в кабинет мой сотрудник Альберт, он у нас не так давно работал. Увидев, что совещание, уходит. Ничего особенного. Но, как потом выяснилось, та же история с точки зрения Альберта выглядела так.

«Заглядываю, — говорит Альберт, — в секретариат. Смотрю — с Ларисой разговаривает девушка в зелёном платье. Такая красивая девушка, сил нет. Думаю: новенькая, наверное, устраиваться пришла. Вот бы она в наш отдел! Вернулся я к себе, сел за компьютер, а все мысли только о той девушке в зелёном. И вдруг она входит в кабинет и садится к твоему, Вика, компьютеру. Я и рад, что мечта моя сбылась, что она у нас работать будет, но наглость её как-то напрягает: заняла компьютер начальницы. Подхожу к ней познакомиться, заодно и на место поставить. А это ты, Вика! Просто я тебя никогда в платье не видел».

С тех пор один-два раза в год Альберт вспоминал историю про зелёное платье. Мы уже уволились, а он звонил и рассказывал. Лет через шесть платье в его рассказах стало синим, но суть та же: какая я в нём красивая и смелая. Дорогу самой себе перешла.

Уже давно не звонит мне Альберт. Сколько потом платьев у меня было, и гораздо красивей, но благодаря ежегодным звонкам Альберта запомнилось то, зелёное. Или всё-таки синее?..

Приехали мы с Олегом в гости к Альберту и его жене Лиде. Альберт достал электрогитару и динамик размером примерно с тумбочку.

— Ой, — испугалась я, — а соседи не будут против?

— Соседи будут рады, — уверенно ответил Альберт.

Начал Альберт играть на гитаре. Да так хорошо! Мы радуемся. Соседи, полагаю, тоже. Только жена его Лида слушает и хмурится. А уж когда он сбился немного, она прям так грозно на него посмотрела. Альберт быстро исправился. Мы заслушались — и вдруг опять немного сбился.

— Альберт, — возмутилась Лида, — мне уже стыдно гостей приглашать! Ты ни одной композиции «Лед Зеппелин» до конца выучить не можешь!

Альберт здорово рисовал. Мы с ним в тандеме подрабатывали карикатурами. Я придумывала сюжет, он воплощал. Помню нашу первую совместную работу. Нужно было проиллюстрировать материал обо всяких вредных привычках, повышающих риск бесплодия у женщин. Я говорю:

— Сидят две девушки, одна другую спрашивает: «Ты чем предохраняешься?» А та отвечает: «Пивом, водкой и сигаретами».

Альберт нарисовал сидящих на лавочке двух пипеток, на которых пробы негде ставить.

Сам он тогда предпочитал пиво. Покупал разливное, по две трёхлитровых банки. У него был немыслимый раритет — советская сетка-авоська. Вы знаете, что в неё помещаются две трёхлитровые банки одна на другую? Вот знайте. Внешне же Альберт — вылитый актёр Виктор Авилов. Когда он только пришёл в редакцию, люди так и думали: «Авилов на интервью приехал».

Альберт делал потрясающие серебряные украшения в стиле «Кубачи», так как долго жил в Махачкале и ювелирному искусству обучался там.

Однажды он сотворил на заказ красивый браслет с кольцами на четыре пальца (кроме большого), все кольца соединялись с браслетом цепочками. Скоро браслет должны были забрать заказчики, и мастер хотел оставить себе фотографию украшения. И не просто так, а чтобы на руке. Браслет был маленький, на тонкую руку и пальцы. И он принёс его в редакцию — искать «Золушку», только с подходящей рукой, а не ногой. Я бы сказала, задача была ещё сложнее, чем с Золушкой: должны были идеально подойти четыре кольца и браслет.

В наш отдел потянулись прекрасные редакционные женщины с хорошим маникюром. Но украшение никому не подходило.

Золушкой оказалась я. Маникюра у меня, как всегда, не было. У меня его и по сей день нет. Но браслет и кольца сели идеально. Фотограф Сергей Хальзов запечатлел это.

Недавно я у кого-то прочитала: «А почему принц искал свою Золушку по ноге? Он что, лица её не помнил после того как протанцевал с ней полночи?» А я смотрю на свою лучшую фотографию — рука в браслете и кольцах — и понимаю принца. При чём тут вообще лицо?

БАЙКИ ИЗ СКЛЕПА — 2

Я дома!

Веру Васильевну увезли днём раньше. Зара (сиделка в больнице. — Г.К.) приехала к ней на выписку, не смогла оставить её, хотя работа её закончилась. Вера Васильевна, видно, переживалась перед выпиской и ночью ей снилось интересное. Мы проснулись от её громкого голоса:

— Положите на место, что взяли! Мне что, всех обыскивать? Сейчас пистолет возьму и всех расстреляю!

Потом она успокоилась, лежала тихо и вдруг с грустью сказала:

— Не вскопаю я шесть соток. Нет сил!

Утром мы процитировали Вере Васильевне её реплики. Она сказала:

— Пистолет у меня отобрали, не бойтесь.

— Кто отобрал?

— Полиция. Тут полно полицейских было.

На её место положили другую женщину. Она сбежала из своей палаты, потому что туда определили бабулю из дурки. Бабуля приехала во всём чёрном. Ходила по коридорам, заглядывала во все палаты — искала какое-то особенное место, которое ей оплатили тараканы из её головы.

Так вот, наша новая соседка рассказала, что в первую ночь со старой леди в чёрном она проснулась от холода и решила надеть свой байковый халат. Халата не было. Рядом кто-то похрапывал. Пригляделась: на стуле спит леди... но не в чёрном, а в её халате.

Сегодня леди в чёрном заходила к нам ночью дважды. Второй раз она была в мужской майке-алкоголичке и в памперсе.

Я ехала домой, с восторгом смотрела в окно. Я всю зиму просидела дома. Если вам кажется, что за окном серость, сырость и всё плохо, поверьте мне: там всё прекрасно! Там жизнь.

Так приятно написать это. Хотя и неожиданно для меня. Я очень хотела делать продолжение «ДЖ» («Дела житейские», сериал по сценарию Виктории Евсеевой. — Г.К.), начала придумывать развитие сквозной линии и «вертикальные» сюжеты. Но совсем разболелась и поняла, что не потяну, не выдержу дедлайнов, подведу. Пока было не поздно, отказалась, сочинила большую инструкцию другим сценаристам, они написали сценарий.

Я толком не знаю, что использовалось из моих разработок.

Сегодня мне прислали из Белоруссии фото тарелочки. А там — моё имя. Так приятно. Мир стал больше, чем моя комната, в которой я вынужденно заперта.

В общем, всех нас с тарелочкой, группе лёгких смен! Режиссёру предыдущих сезонов — успехов в новых проектах, новому режиссёру (а мы уже работали вместе) — удачи на этом проекте.

Эх, плюнуть, что ли, на свою болезнь и немножко поработать? Соскучилась по нормальной жизни.

ДЕРЕВЯННОЕ СОЛНЦЕ

Вернулась с ТО. Мне залили другой коктейль обезбола. Сама процедура быстрая и безболезненная: укол в живот (прокалывается помпа) — и закачивается лекарство. Шприц — примерно как в известной сцене в «Кавказской пленнице».

Договорились с врачом наблюдать месяц: если будет обезболивающий эффект, то оставим помпу, если нет — удаляем её. Она, честно говоря, мешает, иногда неловко повернёшься — и она переворачивается и больно давит внутри. А мне боли и так хватает...

Ноги мои совсем не слушаются меня. Мой врач предложил сделать исследование сосудов ног и по результатам, может быть, сделать стентирование. Я сделаю. Только чуть передохну. Пересесть в инвалидное кресло, а потом из него в машину, из машины снова в него — это, оказывается, очень трудно. Даже не верится, что два года назад я ещё гуляла по Алтаю, аки казак молодой по Дону... А теперь и по дому гулять не могу.

Сегодня, получив эпикриз, сидела в палате и ждала мужа. В открытое окно задувал жаркий ветер, громкая музыка откуда-то, весёлые голоса. Я вспомнила, как выписывалась из

этого же онкоцентра 12 лет назад, только с другого этажа. Тогда было больно и страшно, но и радостно. Я знала, что выберусь, что впереди целая жизнь. Сегодня было не страшно, не радостно, а очень горько. Не вижу перспектив. Не сдаюсь, но... Вижу уставшего мужа. Он видит моё состояние и шутит: «Ты же меня не бросишь?»

Палаты уплотнили, вместо двух коек везде по три. Много больных. Наше отделение называется «Нейроонкология». Две мои соседки с опухолями головы. Обе издалека.

У одной соседки (назову её Терезой, имена изменены) из-за опухоли сильно пострадало зрение и «поехало» лицо. Ей 47, очень хорошая фигура, длинные волосы (несмотря на «химию!»), но вот с лицом беда... Она прячет глаза за большими очками и постоянно забывает самые простые слова, пытается объяснить жестами, мы её не понимаем, она плачет от отчаяния и кричит сама на себя: «Вспоминай, с...ка!»

Тереза прожила с мужем 20 лет. Старшая дочь уже взрослая. Младшей — всего пять. Муж не сдал экзамен на прочность. Ему не нужна больная жена с такой памятью и таким лицом. Мало ли, что она не виновата, но и он не виноват. Он молодой и здоровый, он хочет другую жизнь и красивую здоровую женщину. У меня не получается его осуждать. У каждого свой порог боли, терпения, безгливости. И одна жизнь. Ею трудно жертвовать. Иногда невыносимо трудно. Вот почему «не судите, да не судимы будете».

Тереза говорит, что ушла бы с дочкой от него, она ведь ещё работает дистанционно, проживут. Но она боится, что однажды просто умрёт в присутствии дочки и рядом никого больше не будет. Как это переживёт девочка, что ей делать? Надо, чтобы хоть кто-то был рядом. И этот кто-то — ставший чужим муж.

Терезе поставили капельницы: бутылка противорвотного, потом подряд две бутылки «химии». Через час она собрала вещи и поехала в аэропорт, надо домой. Через две недели опять прилетит «кАпать». Спрашиваю: «Ты не боишься после химии одна ехать и лететь?» Она пожимает плечами: «А что толку бояться? Привыкла уже, я же не первый раз. Вот сюда прилетела — и упала на трапе, и это до «химии». Просто споткнулась, сумерки уже были, а я и так ослепла, с...ка!»

Она желает нам выздоровления и плачет. Вытирает слезы и уходит. Со спины вообще не скажешь, что это тяжелобольная женщина около пятидесяти. На ней светлые джинсовые шорты и лёгкий топ, прямая спина и лёгкая походка. Она очень старается сохранить эту лёгкость, но вдруг её заносит, она задевает плечом дверь.

Вторая соседка, назову её Неля, приехала сюда надолго. На следующей неделе её побреют, вскроют череп и будут убирать отёк, который давит на мозг. Год назад она почувствовала сильную головную боль и ослепла на один глаз. Опухоль убрали в онкоцентре. Стало лучше. А потом симптомы вернулись, начался тремор по утрам. Опухоли не нашли, но на её месте образуются отеки. Если бы где-то ещё, жидкость откачали бы шприцем (я сто раз это проходила). А раз в голове — то трепанация. Уже третья за год.

Неля — моя ровесница, 72-го года выпуска. Она грустит: только мужика хорошего встретила, пожить бы в радости. То всё пьяницы и сволочи попадались, а Сергей — такой работающий, молодой (на десять лет младше Нели!), работает санитаром в психбольнице (она — там же уборщицей), а в свободное время собирает металл, сдаёт на вес. В их городе этим бизнесом рулят цыгане. Обманывают! Но Сергей старается, ругается с ними, деньги нужны. Он весь этот «металлический» приработок откладывает на лечение Нели. Конечно, операция по квоте, но ведь приехать, да всякие «расходники» купить, да покушать сверх невкусной больничной еды — это ж какие траты!

Сергей часто звонит. Говорит, что цветы без Нели вянут. А сыр он съел. И масло тоже. Да что ж она беспокоится? Хорошо он ест! И огород вскопал, всё нормально. Очень скучает.

У Нели один глаз ослеп совсем, а другой видит, но плохо. И её заносит влево. Слова не путает. Стройная, красивые ноги. Переживает, что из-за гормонов постоянно ест и появился животик. «Как бы себе по рукам надавать?» — размышляет она, грызя солёные хлебные палочки.

Неля не может сидеть на месте, постоянно уходит из палаты то покурить, то воздухом подышать, то чай заварить. Только уйдёт — её ищут: на обследование, она же к операции готовится. Так однажды она ушла походить («движение — жизнь»), а за ней пришли: надо на УЗИ идти. Я говорю медсестре: «Придёт — передам». Неля пришла нескоро, у неё раз десять звонил телефон. Я сказала и про телефон, и про УЗИ. Она умчалась, сбивая все препятствия слева, на обследование. Её долго не было. Телефон разрывался, а потом замолчал.

Неля вернулась, увидела огромное количество пропущенных звонков, в первую очередь позвонила дочери. Дочь плакала и собиралась ехать сюда. Оказалось, дочь звонила, звонила, мама не отвечала, и дочь позвонила на сестринский пост. Ей сказали, что мама ушла. А дальше дочь не расслышала или не поняла. Мама ушла на УЗИ. А дочь поняла, что

ушла совсем, навсегда. Неля потом ещё час обзванивала всех родных и объясняла, что не умерла, а просто погуляла.

Чтобы не пропустить визит анестезиолога, Неля заставляет себя сидеть в палате. Ей не сидится, она начинает есть. Я спрашиваю, почему бы ей не посмотреть сериал? (Книги она не читает, ладно, но лёгкий сериал развлечёт же.) Она говорит: «Я бы смотрела, но не могу уследить за действием. Пять минут посмотрю — и не помню уже, с чего началось, зачем это, кто эти люди и что делают». После операции, надеется Неля, она снова сможет смотреть любимые сериалы, лёжа в обнимку с молодым мужем.

Я даже не знаю, что тяжелее — перестать ходить, видеть или понимать сюжет простого сериала? Всё это страшно.

Я приехала домой. Глеб подарил мне подвеску, которую сделал в столярке, — деревянное солнце. Эх, мне бы встать, надеть джинсовое платье и эту подвеску... Хоть помечтать.

МАГАЗИН ПУТЕШЕСТВИЙ

Я устала. У меня было немного денег, и я захотела в отпуск. Пришла в Магазин путешествий и полистала каталоги. Были традиционные недорогие предложения: полетать астероидом в пределах Солнечной системы, полежать лунным камнем на Луне, посидеть загадочным Сфинксом на Марсе. Но я мечтала о другом.

— А по Земле у вас что-нибудь есть?

— Есть, — улыбнулись мне. — Начнём с самого дешёвого?

— Пожалуй.

Передо мной раскрыли каталог. На первой странице что-то бесформенное делилось на две части.

— Это простейшие. Живут недолго, но без хлопот.

— Недолго меня не устраивает. Хочется расслабиться по-основательней. Вот мой знакомый рассказывал — он был тигром. Ему понравилось: на свежем воздухе, поел хорошо.

— Вы знаете, хорошие места уже разобрали. Даже приличных зоопарков не осталось. Есть одно место в цирке, но больше двух лет вы там не протянете.

— Это мало. А лет на семьдесят у вас что-нибудь есть?

— На этот срок хорошо поехать человеком.

— Как это выглядит?

Прошелестели страницы. В основном — две руки, две ноги. Ничего, удобно.

— Дорога сколько займёт? — спросила я.

— Девять месяцев. Оформим договор — и вперёд.

— Утомительная дорога?

— Да ну что вы! У нас миллионеры заказывают — быть лавой из вулкана. Так только горообразование миллионы лет идёт! А девять месяцев пролетят — не заметите. Кроме того, по вашему желанию мы можем прервать путешествие. Но, как правило, нареканий не бывает. Когда прибудете на место, будете выглядеть вот так.

Мне показали человеческого детёныша.

— Почему он плачет? — спросила я.

— Только что приехал. Устал. Можем предложить бизнес-класс: кесарево сечение.

— Нет, пожалуй, у меня не хватит денег. Скидки у вас какие-то есть?

— Да. Скидки у нас в Китай: там людей много. Россия — сейчас популярное направление.

— Трансфер?

— Разумеется. Представителя принимающей фирмы вы узнаете по белому халату. Да вы там будете не одна, не заблудитесь. Вас помогут, покормят сразу по прибытии.

— Гостиница хорошая?

— Вы, простите, в какую сумму уложиться рассчитываете?

Я назвала сумму.

— Ну, это двухкомнатная квартира, семья из шести человек. Мой совет: сразу вставайте в очередь на квартиру или копите деньги. Если повезёт, лет через сорок смените жилье.

— Питание?

— Шведский стол. Приходите в магазин с местной валютой и набираете всё, что хотите. В стоимость путёвки входит только завтрак — то есть, когда вы ещё в младенчестве.

— Развлечения?

— О, с этим всё в порядке. Скучать не будете. Сначала мы вам предлагаем пойти в детский сад. Потом в школу. Она займёт у вас около десяти лет. Потом — институт, то есть ещё пять-шесть лет псу под хвост. Потом пойдёте на работу. Это уже на всю жизнь. Практически только перед отъездом у вас появится свободное время. Купите сувениры, если здоровье позволит.

— А возвращаться как?

— Значит, так... — полистали каталог, — список болезней, от которых можно умереть. Красным подчёркнуты наиболее популярные.

Я посмотрела фотографии.

— Некоторые любят, чтобы их убивали. Можно с пытками. Посмотрела фотографии.

— Это что? — спросила я.

— А... это одна миллионерша заказывала. Её сначала живо сверлили электродрелью, потом пятнадцать дней насиловали. Ну, есть деньги, чего не погулять. А можно самому. Вы там всё найдёте, наши сотрудники вас обучат: анатомия, характер оружия.

Я посмотрела фотографии самоубийц.

— Но лучше мы сделаем сами. Не у всех получается. Попадают в больницы, потом неустойку платить приходится, потому что место уже забронировано для другого туриста. Кстати, хит сезона — смерть от вируса коровьего бешенства. Только это заказывать надо заранее. Вы практически по прибытии съедаете кусочек говядины — и всё, и забудьте об этом. Живите, наслаждайтесь. К концу срока вас скрутит... Тут у нас гарантия. Вот, смотрите...

Листаю каталог.

— Инкубационный период большой, а результат — сами видите. Вам та миллионерша ещё завидовать будет.

— Мне с мужем надо посоветоваться, — сказала я.

— А некоторые пары, знаете, как любят? Один едет человеком, а другой — вирусом. То есть вы будете отдыхать вместе. Один станет причиной смерти другого. Очень удобно.

— Там нас проводят?

— Конечно! Перед отъездом вам надают много таблеток, цветов. За дополнительную плату можно заказать оркестр. Специально обученные сотрудники будут плакать и петь. Ну как?

— Попробуем. Оформляйте договор.

...Отдохнула я, в общем, неплохо. У меня даже случился курортный роман. Мы поженились и сорок лет прожили вместе. Перед отъездом, глотая подаренные таблетки, я почему-то плакала. Мой спутник оставался здесь ещё на несколько лет. Он всё спрашивал, как найти меня там, дома, но я не сказала ему. Прощание было сумбурным. Как всегда, мы не всё успели сказать друг другу.

Я вернулась домой. И всё чаще думаю о том, как здорово было бы снова поехать на Землю и встретить там моего курортного друга. Но я, к сожалению, забыла спросить, когда у него следующий отпуск.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Моё первое отчётливое воспоминание связано с творчеством. А именно: я сидел за столом, заваленным игрушками, бумагой, карандашами, и рисовал.

Я изобразил (и, смею утверждать, очень похоже) маму. Она шла по улице, не разбирая луж, и по обыкновению несла в

обеих руках тяжёлые сумки. По три в каждой. Маленькая, худенькая, в съехавшем на лоб берете, который она не могла поправить, потому что руки были заняты.

Рядом шёл мой отец. Ему я придал (впрочем, неосознанно) черты Маяковского. Красивый, большой, свободный мужчина, он улыбался всему миру. Ветер разметал его волосы: папа редко стригся, хотя часто ходил в парикмахерскую, и никогда не носил шапок. Он шёл чуть впереди, мама не поспевала за ним со своими сумками. Отец протянул свои сильные красивые руки для приветствия — то ли зрителю, то ли оставшемуся за кадром прохожему. Отец наступил в лужу, и брызги разлетелись в стороны, особенно досталось маме — хорошо, что она ничего не видела из-за своего берета.

В брызгах играло солнце. Я как раз уточнял этот момент, тщательно прорисовывал жёлтым фломастером летящие золотые блики, когда надо мной склонился отец. Он долго рассматривал мой рисунок. От него пахло одеколоном и мокрым котом. Я молчал и ждал. Я очень переживал, что не успел как следует изобразить золотые блики, и мой талант не станет очевиден отцу.

Но отец был умный, тонко чувствующий человек. Он улыбнулся мне и сказал: «Из тебя выйдет неплохой художник».

Художник вышел из меня в тот же день. Сколько я ни бился над этими чёртовыми бликами, у меня ничего не получалось. Мама вообще не узнала себя, а когда я объяснил ей, что это она, она сказала, что у неё сроду не было такого красивого берета.

Больше Художник не приходил. Я ждал его в течение недели каждый вечер. Я наточил все свои карандаши, заправил папиным одеколоном фломастеры, достал новый альбом и ждал. Художник не шёл. Тогда я подумал, что он, наверное, не может войти в квартиру, топчется за дверью и стесняется позвонить. И однажды в воскресенье, когда мама ушла в магазин, а папа — в парикмахерскую, я приоткрыл дверь. Мне почему-то показалось, что Художник придёт именно сегодня.

Художник не пришёл, зато пришли чужие дяди.

— Ты один? — спросили они.

— Один, — как честный человек, ответил я.

Они очень обрадовались, попросили меня посидеть тихо, угостили шоколадной конфеткой «Мишка косолапый», а сами стали интересоваться квартирой. Те вещи, которые их особенно заинтересовали, они распахивали по своим карманам и сумкам.

Мне стало скучно, я хотел поговорить с ними, тем более что кто-то из них вполне мог быть моим Художником. Я так напрямую и спросил их про Художника.

— Молодец, парень, — сказал один из них. — Если бы все так разбирались в искусстве! Запомни: самый лучший художник в мире — Шишкин.

С этими словами он протянул мне ещё три конфеты «Мишка косолапый», обёрнутые в картину лучшего в мире художника.

Раньше я такие картины уже видел в кондитерском отделе магазина. Но родители, люди простые, далёкие от искусства, никогда не покупали мне их.

Я съел и эти три конфеты. Между тем интерес чужих дядь к нашей квартире стал иссякать. Они поглядывали на часы, говорили, что уже пора, что у них ещё много дел. Я же, чувствуя, как одолевает меня жажда прекрасного, спросил, много ли вообще осталось от творческого наследия художника Шишкина.

Чужие дяди переглянулись.

— Отдай ты ему весь килограмм, — сказал один.

Второй вывалил на стол целую гору шедевров русской живописи и сказал, потрепав меня по волосам:

— Какой, однако, из тебя вышел сладкоежка.

Тут он ошибался. Если уход Художника я почувствовал сразу, то Сладкоежка ещё некоторое время жил во мне.

Я ел конфеты до прихода родителей. Сначала пришла мама. Я не буду подробно описывать, как она огорчилась, обнаружив пропажу своей единственной золотой серёжки (первую она потеряла ещё до моего рождения). Скажу только, что плакала она вплоть до прихода отца, а пришёл он поздно. То есть, я бы даже сказал, рано: в пять утра. Запах мокрого кота доминировал над запахом одеколона. Я так и не понял, что он так долго делал в парикмахерской, если пришёл даже ещё более лохматым, чем обычно. Мама, видимо, поняла, потому что, вместо того чтоб обрадоваться, расплакалась ещё больше.

Отец же разбудил меня и с утра пораньше занялся моим воспитанием. В результате я полностью излечился от любви к искусству. В особенности же сомнительным представляется мне творчество русского художника Шишкина.

Ещё одним результатом полученного воспитания был уход Сладкоежки. Уходил он от меня непросто. Мало того, что тело горело от тяжёлых прикосновений отцовской длани, так ещё оно покрывалось красной сыпью от килограмма съеденных конфет.

Когда я выздоровел, папа повёл меня в парикмахерскую. Я сразу узнал этот запах одеколона и мокрого кота, который издавали отрезанные человеческие волосы. Красивая тётя, которую портил только непропорционально большой живот, стригла меня, а отец смотрел на её и на моё отражение в зеркале и улыбался.

— Какой замечательный Отец из тебя вышел, — почему-то грустно сказала она.

И ведь как в воду глядела. Несмотря на то, что моя стрижка маме понравилась, она вскоре развелась с отцом.

Тут мы сталкиваемся с феноменальным явлением. Отец вернулся в моего Отца довольно скоро — месяца через два после того, как он ушёл от нас. Красивая тётя-парикмахерша родила ему сына.

Потом я постоянно ходил стричься в ту парикмахерскую. Иногда меня стригла знакомая красивая тётя. С годами она менялась, красота её отцветала, она всё больше походила на мою маму. Но, что выгодно отличало маму от неё, так это отсутствие огромного живота. От тётки-парикмахерши он был так же неотделим, как запах мокрого кота от моего отца. Видимо, отец не отлучался из отца надолго.

Шли годы. Из меня выходили талантливые Музыканты, Фигуристы, Программисты, Машинисты. Они никогда уже не возвращались. Однажды, на третьем курсе института, когда я встретил Лиду, из меня вышел способный Педиатр. Я взял академический отпуск и женился. Удивительно, но через год Педиатр вернулся, я благополучно окончил институт, устроился работать в детскую поликлинику.

Кого я часто видел у себя в кабинете — так это малолетних внуков своего отца. Из них вышли здоровые румяные Крепыши. То, что осталось, приходило ко мне. Они были очень болезненными, но аккуратно постриженными детьми. Они плакали и капризничали у меня в кабинете, и мне приходилось приручать их конфетами «Мишка косолапый». По тому, как жадно они их уплетали, было видно, что их дед так и не приобщился к искусству и детям своим не дал должного образования.

У меня тоже были дети. Ничего серьёзного из них не вышло. Они хорошо учились, ходили в музеи и театры, завалили весь дом книгами. Впоследствии старший сын стал художником, средний — писателем, а младший — пианистом. Две дочери удачно вышли замуж, из них вышли замечательные бизнес-вумен, и они нарожали такое количество красивых детей, что если бы они болели, то я остался бы без выходных. Но они не болели, и я спокойно дожил до старости.

Однажды, в день своего 90-летия, я вдруг захотел конфет. Я достал припасённую для папиных прапра...внуков конфетку, с аппетитом съел её, надел очки и рассмотрел обёртку. «Всё-таки неплохой был художник этот Шишкин, — с запоздалым раскаянием подумал я, — дети понимают это лучше. Вот и я когда-то понимал же. Но потом что-то ушло, растратилось на мелочи, много прекрасного прошло мимо».

Расчувствовавшись, я и не заметил, как съел целый килограмм. Наверное, ко мне вернулся Сладкоежка.

Вечером, когда я, покрытый красной сыпью, лежал в своей постели, вокруг меня собрались все мои дети и внуки. Младший сын даже отменил свои гастроли, чтобы быть в этот час рядом со мной. Они стояли тихо, и мне вдруг показалось, что это не люди, а смешные косолапые мишки. Я счастливо засмеялся.

— Из него вышел Хороший человек, — сказал один мишка голосом младшего сына.

Действительно, я почувствовал, как Хороший человек приложил что-то приятно-прохладное к моим ногам, потоптался немного в области сердца, поворошил прутиком воспомина-ния в голове и, лёгкий, как облачко, выпорхнул изо рта.

Мне стало грустно — как тогда, когда из меня вышел Художник. Я хотел встать и открыть дверь: вдруг Хороший человек стоит там и стесняется позвонить? Но у меня не было сил, вероятно, их отнимало воспоминание об отцовской тяжёлой руке.

Я ещё немного подождал, но Хороший человек так и не вернулся.

Надеюсь, ему не будет одиноко. Может быть, он встретит моего Художника, и моего Музыканта, и моего Программиста. И они вместе придут к кому-нибудь и позвонят. Не прогоняйте их, пожалуйста.

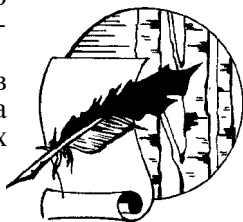
ВОИНСТВО НЕБЕСНОЕ И ЗЕМНОЕ

Чудо Воскресения начнётся, когда мы поймём, что жизнь наша — божественна, что она заслуживает не только глубокого уважения, но и героической обороны.

М.О. Меньшиков

В истории человечества, особенно в истории нашей Родины, были люди, олицетворяющие собою неразрывность, неотъемлемость этих двух понятий. Для многих наших с вами соотечественников пока жива была Великая Держава — это было как дыхание, как естественность времени жизни. Но вот настали иные времена, и по грехам нашим, за предательство 91—93 годов, показал нам Господь с одной стороны — тысячи дезертиров на границах, с другой — тысячи святых детей наших, вставших на защиту своей земли от сатанинских полчищ двух континентов. И теперь под покровом Царицы Небесной только эти дети защищают нашу веру, наши святыни, нашу намоленную веками землю.

В героические эпохи XIII—XIV веков трагическим летом 1223 года в битве на Калке погибли все 70 Великих Русских

ПАМЯТЬ

Богатырей. Среди них были Александр Попович (прообраз будущего Алексея Поповича) и его слуга Тимофей Золотой Пояс (Добрыня...) Тогда все Русские Богатыри носили имя Храбр. Преподобный Илия Муромец в это время почитал святыми мощами в ныне осквернённой Киево-Печерской Лавре. От этих Богатырей до воинов-схимников Александра Пересвета и Андрея Осляби через все войны до сегодняшней жива эта преемственность Воинства Небесного и земного.

В 1812 году на Бородинском поле погибло 50 полковых священников. В турецких войнах — 30. В 1829 году на Балканах, защищая от турок болгар (снова предавших нас!) священник 31-го Егерского полка Пётр Евламов, раненый ружейной пулей в правое плечо, в левое — кинжалом, в голову — пикой и в левый бок тремя штыками, вместе с другими тяжело ранеными был взят в плен. В 1853 году обер-священник Кавказского корпуса протоиерей Михайловский подал рапорт Кутневичу с сообщением о том, что среди зверски убитых был иеромонах Серафим (Гутлинский), которому отпилили голову и, вонзив её на копьё, показывали турецким извергам. Через 100 лет его подвиг повторит простой советский солдат, отказавшийся снять крест с груди. После трёх месяцев пыток Евгению Родионову отсекут голову, которую Великая Солдатская Мать Любовь Васильевна Родионова выкупит и привезёт домой. Под Подольск, на могилу казнённого в 18 лет, в день своего рождения, выпавшего на Великий Праздник Вознесения Господня новомученику Евгению приезжают сотни священников и мирян со всей страны получить помощь, соборно испросить его святых молитв о Родине нашей, о наших воинах. Мы привыкли за 30 лет к чудесам по молитвам к воину Евгению и уже не помним о том, что хоть он до сих пор не прославлен, храмы с престолом новомученику воину Евгению стоят в Малороссии, в Сербии, в Греции, во Франции... Женя Родионов представлял своё поколение, представлял лучшее в народе и в стране, воспитавшей его. Мы боремся за сохранение семейных ценностей и продолжаем (даже во время войны!) оплачивать аборт, а в это время в ужасной Америке в 26-ти штатах за любое убийство ребёнка во чреве мать платит 9000 долларов и на 6 месяцев садится в тюрьму. 26 штатов... Это более половины континента.

В течении 20-ти лет жизни Цикла «Возвращение на Родину» ежегодно были вечера, посвящённые великому Русскому воинству, и часто среди героев была Любовь Васильевна

Родионова. Даже на этих военных вечерах звучала до сих пор неосуществлённая демографическая программа двух великих сибиряков: Михаила Васильевича Ломоносова и Дмитрия Ивановича Менделеева «О преумножении народа русского». Но чтобы осуществить эту простую и гениальную программу необходимо запретить аборт, депортировать миллионы мигрантов, создавать крепкие воцерковлённые семьи, и тогда сегодняшним немногочисленным полковым священникам не придется крестить ребят за пять минут до начала боя!

На наших вечерах, посвящённых Юрию Алексеевичу Гагарину, многие впервые узнали о том, что Юрий Алексеевич и его мать Анна Тимофеевна окормлялись у блаженной старицы Макарии (Артемьевой). Узнали так же и о том, что Гагарин был первым человеком в СССР, с трибуны съезда комсомола произнесший воззвание о восстановлении Храма Христа Спасителя как памятника Воинской Славы. За многие лет до Цикла я узнала от Германа Степановича Титова о том, что Гагарин возил в Троице-Сергиеву Лавру его и многих других космонавтов и лётчиков-испытателей. Вот какое было воинство! Какое было воспитание в семье!

Среди множества людей, вошедших в историю мировой культуры и Вселенского Православия, с которыми мне посчастливилось общаться, были и «простые» Божии люди, промыслительно влиявшие на мою судьбу. Среди них была и Ольга Леонидовна — племянница преподобноисповедника Сергия (Сребрянского). В те годы я пела на клиросе одного из любимых моих храмов — Николы в Пыжах, где и Матушка Ольга и ее сын Евгений были постоянными прихожанами. Бывая в доме этой воистину святой семьи, глядя на сохранившиеся от отца Сергия вещи, я была более всего поражена его фотоальбомом, ведь я тогда не знала, что батюшка не просто увлекался фотографией, а был выдающимся художником, многогранно одарённым человеком. Помню, Ольга Леонидовна, даже после его канонизации, всё продолжала называть батюшку дядя Митроша. С 1894 года по 1896 год отец Митрофан был полковым священником 47-го драгунского Татарского полка, с 1899 по 1908 — 51-го драгунского Черниговского полка, с которым принимал участие в Русско-японской войне. Позже был духовником Марфо-Мариинской обители. После ссылки долгие годы жил с своим доме во Владычье под Тверью, где я была счастлива петь литии на его святой могилке задолго до прославления. Читая «Дневник полкового священника», изданный в 1905 году в «Вестнике военного духовенства», я слышу, как батюшка Митро-

фан, истинный военный пастырь, словно к нашим «блогерам» и «режиссёрам», к сегодняшней 5-й колонне взывает: «Вспомните, как доблестный Минин, ставши на площади Нижнего Новгорода сказал одно, что каждый должен скazać во время войны: «Россия бедствует: заложим жён и детей и выручим Отечество!». Нынешние писаки-казнители, безсовестные и безжалостные палачи наши! Будто вам мало времени будет после войны ругаться и писать всякие «правды» о России верные и неверные?.. **Воевать нужно! И непременно победить!**»

Выдающийся Русский публицист, мыслитель конца XIX — начала XX века Михаил Осипович Меньшиков, окончив Кронштадтское морское училище, в 1892 году ушёл в отставку, с тем чтобы все свои силы, всю жизнь свою посвятить служению Русскому Слову, великой Русской культуре. Меньшиков обладал даром «магического слова», и его пламенные статьи в защиту Русского мира высоко ценили Толстой и Чехов. Сохранилась их переписка — 60 писем Меньшикова и 48 — Чехова. Михаил Осипович написал более 2000 статей, освятив в них практически все важные стороны жизни дореволюционной России и первых революционных лет, за что был заклеён Лениным как ярый «черносотенец» и расстрелян в 1918 году у стен Святого Иверского монастыря на глазах жены и шестерых детей. Никто, как Меньшиков, не писал так о трагедии Цусимского сражения и Порт-Артура, где героически погиб непобедимый адмирал Макаров. (Кто в России 13 апреля 2024 года отметил 120 лет со дня гибели Великого Русского Человека?!) В то время, когда японский император получал поздравительные телеграммы от «русской» пятой колонны, самые подробные, душераздирающие описания гибели 5 тысяч лучших из лучших, не оставивших своих кораблей, были у Меньшикова. Вот лишь две краткие цитаты из его статьи «Мученики за Россию»: «Добровольно, всем составом, включая командиров, ушли на дно: «Суворов», «Александр III», «Ослябя», «Грозящий», «Буйный», «Рюрик», «Владимир Мономах», «Наварин», «Бородино», «Ушаков», «Светлана», «Стерегуший», «Адмирал Нахимов»... Горевший как костер «Суворов» прикрыл собою броненосца «Наварин». Разбитый, взорванный минами и бомбами «Суворов» с перебитой командой, со смертельно раненым командиром, всё ещё держался. Раненый в голову и в грудь барон Фитингоф отказался оставить корабль, решив потонуть с ним. Верные принятому решению умереть, но не сдать, офицеры перед самой гибелью судна простились с выстроенной командой и, готовясь к смерти, братски христосова-

лись друг с другом, а изувеченный командир приказал вынести себя наверх... Японский миноносец через несколько часов ещё видел плавающих полумёртвых Русских воинов и не дал им помощи. Не забудь же Мать-Россия имён Фитингофа, Дуркина, Рклинского, Грау, Измайлова, Челкутова, Огарёва, Новосильцева и тысяч замученных и убитых за великое имя твоё! Забвение этих страдальцев будет ужасным: ничего нет постыднее неблагодарности Отечества и ничто так не возрождает мужество, как пример героев».

Из статьи «Родина и герои»: «Вера — это потребность в родных, привычных, тысячелетних звуках высказать Богу своё счастье или горе, присоединить свой голос к хору безчисленных голосов отцов, дедов, прадедов, давно исчезнувших и всё ещё живых в общей молитве, в общем языке и поэтическом укладе жизни»... «Здесь, в России, мы часто не замечаем России, мы её почти не любим. Глубокое своеобразие её быта кажется обыденным, плоским. Но стоит выехать за границу, тотчас загорается пламенная страстная любовь к Родине, к родной деревне, родным городам, над которыми поднимаются зелёные купола и колокольни и несется вот этот грустный величавый звон»... «Арап или турок умирает, имея в виду наслаждения Рая. Христианин отдаёт жизнь за родную землю; влюблённый в её счастье, он умирает *«за други своя»*. Как церкви не поддержать этого святого чувства, не увековечить имена убитых на стенах храмов? ... В старину смотрели на защиту страны как на дело религиозное»... «Культура — есть работа любовная, неустанная, художественная, работа героическая».

Милостью Божией такую героическую работу для Русской культуры и Матери Церкви совершила незабвенная Нина Александрова Павлова. Её великая книга «Пасха Красная» увековечила подвиг ритуально убиенных в роковом 1993 году иеромонаха Василия, инока Трофима и инока Ферапонта. Эта книга-памятник привела к Богу тысячи людей по всему свету. Читая ее, люди не могли поверить в то, что эти Воины Христовы ещё не прославлены... В Грузии всенародная любовь и полнота Церкви прославили Блаженного Старца Гавриила (Ургебадзе). Как когда-то прижизненные портреты батюшки Серафима Саровского были едва ли не в каждом доме за много лет до прославления, когда и Синод был против, а народ и Царь прославили. Так же и дивные фотографии батюшки Гавриила помогали людям обретать избавление от скорби и веру в воссоединение православного мира.

Память. Как жить без неё? Невинно убиенный Михаил Осипович Меньшиков свято верил в то, что в России будут

храмы, на святых стенах которых увековечат имена героев Цусимы. Но увы, не до переворота 1917 года, не за истекшие почти 40 лет не менее кровавой для Русского народа «перестройки», так и не осуществилась его мечта. Как не осуществилась за последние 15 лет потребность народа в крестных ходах, до сих пор запрещенных в Москве даже во время Войны!

Когда выдающийся Русский философ Алексей Фёдорович Лосев (в иночестве Андроник) переводил труды Платона, он выделил эту мысль: «Так, если правда обо всём сущем живёт у нас в душе, а душа бессмертна, то не следует ли нам смело пускаться в поиски и припоминать то, что сейчас не знаем, то есть не помним?» Это при Александре Сергеевиче Пушкине «они любить умели только мёртвых», а сегодня комфорт заменил человеку всё — *свободу, память, любовь*. И если мы не отвоюем их, не даст нам Господь Победы за упорное наше грехостояние. Степан Трофимович Верховенский в «Бесах» говорил: «Человеку кроме счастья необходимо ещё несчастье».

Вспомним, какие военкоры были тогда, в том прошлом несчастья: Шолохов, Твардовский, Платонов, Симонов, Михалков, Розов, Гудзенко! Без ноги вернулся с войны выдающийся советский поэт Арсений Александрович Тарковский! Какие режиссёры и актеры вернулись с Войны! Чухрай, Бондарчук, Басов, Тодоровский, Гайдай, Глеб Стриженов, Папанов, Ордынский, Никулин, Вацлав Дворжецкий, Сафонов, Санаев, Лавров (в 17 лет бежал добровольцем на фронт), Пастухов, Алексей Смирнов (три ордена Славы!), Ростоцкий, так же как и Тарковский, потерявший ногу на Войне. Это они продолжили традиции великой культуры, открывшей миру красоту и величие Русского народа, непобедимость его духа. Мы обязаны помнить о том, что в 1941 году Иосиф Виссарионович Сталин лично составлял списки военкоров и фронтовых бригад, и это был цвет советской культуры.

Великий старец Паисий Святогорец в армии служил связистом, а Русский Старец, незабвенный татюшка наш Кирилл (Павлов), духовник двух Патриархов, защищал Сталинград и получил звезду Героя. В 1944 году семнадцатилетним ушел на фронт другой Лаврский Старец — архимандрит Наум (Байбородин) и демобилизовался только в 1952 году! Наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов) прошёл всю Великую Отечественную, а среди насельников вверенного ему монастыря были царские

офицеры и бойцы Красной армии! Часто напоминая в поведеньях о том, какой должна быть семья, от которой зависит культура, армия и всё-всё в стране, батюшка говорил: «В нормальном государстве отец за два часа своего труда способен прокормить семью в 12 человек, и поэтому мать в такой семье занимается воспитанием своих детей. Только дети, вскормленные грудью своей матери и согретые теплом её души, могут быть настоящими людьми». А ещё батюшка приводил пример своей патриархальной семьи из трёх родов в 86 человек: «У моего деда Макария было 12 сыновей. У каждого сына было 8—12 человек детей. Старого деда Макария, 100-летнего слепого старика, сидевшего на печке, слушались, трепетали и исполняли все его распоряжения. Старшую сноху все почитали и слушали как старшую. Мы употребляли все силы своей души, чтобы каждую семью устроить в духе послушания главе семьи. Враг же рода человеческого, сатана, знает свой скорый конец и какой это будет конец, а потому всю свою злобу направляет на то, чтобы разрушить, разложить семью, а этим разрушить и всё государство». Какое пророчество, произнесённое во времена хрущёвской слякоти, в наше, увы, сбывшееся сегодня!

В 2014 году в своей программной статье «Четыре Царства» Алексей Валерьевич Артемьев писал: «Каждое царство вело свои войны. В последнем царстве будет идти и уже идёт война за души людей. Давно стал привычным термин «информационная война». Какова должна быть тактика и стратегия этой войны? Какое главное оружие против информационных атак? — **Образ**. Только образ можно любить. Любовь — это броня, которую не пробивает ни одна информационная пушка. Вера, Надежда, Любовь. И Любовь из них бóльшая. А местом обитания этих трёх сестёр испокон века была Россия». Победа — это только то, что будет после Победы, когда вернутся Вера, Надежда и ЛЮБОВЬ!

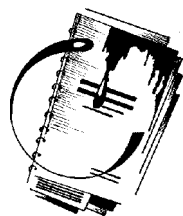
ПОДЧИНИВШИЕ СЕБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

«Открытый заговор» Римского клуба

Все знают, что есть такая международная организация — Римский клуб. История ее началась 60 лет назад. В 1965 году в поместье Дэвида Рокфеллера в Белладжио (Италия) прошла конференция «Условия мирового порядка», на которую были приглашены хозяином поместья два десятка интеллектуалов. Там Рокфеллер и озвучил идею создания упомянутой организации.

Спустя три года, в апреле 1968 года, в Риме состоялась представительная встреча с участием 75 человек, где и было принято решение об учреждении Римского клуба. Договорились, что число членов Римского клуба будет равно ста, ими станут наиболее видные деятели разных стран из сферы науки, политики, бизнеса, финансов. Кроме полных членов есть еще ассоциированные, на заседания могут приглашаться гости. Исполнительный комитет из 12 человек будет определять повестку дня ежегодных ассамблей клуба и тематику ежегодных докладов, которые должны иметь открытый характер. С 2008 года штаб-квартира Римского клуба находится в Швейцарии, в Винтертуре.

ДОСЬЕ "МГ"

Многие эксперты и наблюдатели достаточно точно определили статус и назначение Римского клуба как наднациональной организации, через которую закулисная мировая элита рассчитывает получить дополнительные возможности управления человечеством. Римский клуб из того же разряда, что Бильдербергский клуб (учрежден в 1954 г.) и Трехсторонняя комиссия (учреждена в 1973 году).

Идеологию Римского клуба и вектор его практической деятельности определяли три ключевые фигуры. Самая главная из них — конечно же, Дэвид Рокфеллер, миллиардер, влиятельный член Бильдербергского клуба и всего мирового закулисного того времени. Он «рулил» Римским клубом до своей смерти в 2017 году.

Еще одна фигура — американский политик и политолог польского происхождения Збигнев Бжезинский, который был определен «правой рукой» Дэвида Рокфеллера в Римском клубе. Ушел из жизни через несколько месяцев после смерти своего «шефа».

Третья фигура — итальянский предприниматель Аурелио Печчеи. Он был вице-президентом компании Olivetti, членом административного совета компании «Фиат». А после учреждения Римского клуба стал его президентом (до своей смерти в 1984 году).

У меня складывается следующее представление о работе Римского клуба. Дэвид Рокфеллер озвучивал свои идеи компаньонам по клубу — Бжезинскому и Печчеи, а те клали их на бумагу, в виде книг. А уже другие члены Римского клуба — сами и с помощью привлеченных экспертов — детализировали важнейшие положения работ Бжезинского и Печчеи в виде годовых докладов (впрочем, в некоторые годы выходило по два доклада).

Вектор деятельности Римского клуба на последующие полстолетия задали две книги: Аурелио Печчеи «Перед бездной» (1969 г.); Збигнев Бжезинский «Технотронная эра» (1970 г.). По ходу отмечу, что нашему, российскому читателю может быть известна лишь вторая из упомянутых книг. Она у нас была переведена на русский язык и издана еще в 1972 году (правда, очень ограниченным тиражом для специальных библиотек. Удивительно, но больше изданий в нашей стране не было). А вот первой книги на нашем книжном рынке так и не появилось. Такое ощущение, что и в СССР, и в Российской Федерации кто-то наверху не хочет, чтобы с этими книгами знакомились миллионы. Они воспринимаются как литература для «избранных» и «особо посвященных».

Но пытливые люди и в России, и за рубежом эти книги находят и читают. Отношение читателей к указанным кни-

гам полвека назад было неоднозначное. Многие полагали, что авторы сгущают краски, рисуя будущее человечества в духе антиутопических романов Олдоса Хаксли («О дивный новый мир») и Джорджа Оруэлла («1984»). Но с момента появления на свет перечисленных выше работ Печчеи и Бжезинского уже прошло более полувека. Есть смысл еще раз перелистать их книги и сравнить содержащиеся в них картины с сегодняшним миром.

В книге «Перед бездной» Аурелио Печчеи выступает как последовательный и даже очень жесткий неомальтузианец. Он пишет: «Мы должны объединиться и заявить, что человечество ждет беспрецедентное бедствие и что всё выйдет из-под контроля, если оно не сможет разумно контролировать свою численность». И что же предлагает президент Римского клуба для контроля над численностью населения на Земле? — Три средства. Во-первых, целенаправленный запуск какого-то патогена (микроба или вируса) с объявлением последующей пандемии. Во-вторых, массовая стерилизация населения. В-третьих, физическая ликвидация всех «лишних» людей. Вот соответствующие цитаты.

Микроб или вирус: «...Я приведу три ужасных решения, которые рассматриваются как относящиеся к области возможного. Одно из них — биологическое: природа, которая поддерживает так много балансов, позаботится о том, чтобы недержание мочи у человека было устранено с помощью какого-нибудь нового микроба или вируса».

Массовая стерилизация: «Другое — ограничительный и профилактический: возможно, недалек тот день, когда путем переселения населения из одного региона в другой, принудительного исхода, массовой стерилизации или с помощью других экологически чистых методов биохимии можно предположить, что в некоторых странах будет установлен максимальный уровень численности населения или новых рождений в соответствии с надлежащей правовой процедурой, а в других, возможно, с помощью международных мер».

Физическое устранение всех лишних людей: «И третий, самый суровый, намек на который содержится в самом пессимистичном эссе профессора Дж. Д. Бернала («Необъятность, или Логика и лицемерие в окончательном решении», октябрь 1967 г.) — «человеческой глупости и бессердечию нет предела» в том смысле, что всё когда-нибудь закончится, поскольку единственным осталось сострадательное и рациональное решение, предусматривающее устранение всех лишних людей, которые, конечно же, будут принадлежать к бедным мира сего...»

Впрочем, в своей книге Печчеи пишет, что для избежания глобальных катастроф управлять следует не только численностью населения, но также сознанием человека. И что второе даже важнее. В широко известной книге «Комитет 300» американец Джон Колеман пишет: «В книге «Перед бездной» Печчеи подробно изложил планы Комитета 300 (мировой закулисной элиты. — В.К.), которые заключаются в том, чтобы сделать человека (согласно его определению, «врага») покорным».

Теперь об упомянутой выше книге Збигнева Бжезинского «Технотронная эра». Полное ее название — «Между двумя веками. Роль Америки в эру технотроники». В предисловии советского издания книги говорилось: «В своей новой книге «Между двумя веками. Роль Америки в эру технотроники» Бжезинский разрабатывает тему о ведущей роли Америки в современном мире, о ее настоящем и будущем (на которое автор смотрит довольно оптимистично), развивает теорию отмирания идеологии, «наведения мостов», проповедует идеи «эволюции», «либерализации и трансформации» социализма».

Бжезинский и Печчеи пели дуэтом, и очень слаженно. Их книги были двумя частями единого манифеста строителей «дивного нового мира». У Бжезинского и Печчеи мы читаем о таких глобальных вызовах, как перенаселение планеты, истощение природных ресурсов, снижение продуктивности сельского хозяйства, загрязнение окружающей среды, климатические изменения. Чтобы их предотвратить, надо сдерживать демографический рост, тормозить промышленное развитие, менять структуру экономики в пользу услуг, отказываться от такого «предрассудка», как национальный суверенитет, создавать и укреплять наднациональные структуры управления, менять сознание человека, усиливать контроль над поведением человека (в том числе с помощью цифровых технологий) и т.д.

В свое время американский социолог Дэниел Белл (1919—2011) ввел понятие «постиндустриальное общество». Бжезинский подхватил идею «постиндустриального общества», в котором промышленность отойдет на второй или третий план, а экономика будет представлять собой почти исключительно производство и потребление разного рода услуг. Но Бжезинский пошел дальше Белла. Он стал ратовать за технотронное общество, основанное на компьютерах и коммуникационных технологиях. Он был идеологом того «цифрового общества», о котором стали активно говорить лишь в XXI веке. Причем Бжезинский рассуждал о будущем «технотронном обществе», когда на свет только-только появилось пер-

вое поколение ЭВМ, работавшее на лампах. В 1970 году электроники и коммуникации (на языке Бжезинского — технотроника) нужны были почти исключительно в военной сфере. А этот идеолог Римского клуба стал говорить, что приоритетным в недалеком будущем станет другое направление применения технотроники. А именно она будет использоваться для построения того, что мы сегодня называем «электронным концлагерем»: «В то же время возрастут возможности социального и политического контроля над личностью. Скоро станет возможно осуществлять почти непрерывный контроль за каждым гражданином и вести постоянно обновляемые компьютерные файлы-досье, содержащие, помимо обычной информации, самые конфиденциальные подробности о состоянии здоровья и поведении каждого человека».

В «электронный концлагерь» следует загнать ту часть населения, которая останется после «демографической оптимизации». Бжезинский пишет (1970 год (!)), что через несколько десятилетий мир станет большим концлагерем, человечество придет «к технотронной эре — диктатуре, при которой почти полностью будут упразднены существующие ныне политические процедуры».

Он говорит о людских «массах» как о неодушевленных предметах, как об объектах наблюдения: «В технотронной эре образуется постепенно, шаг за шагом все более контролируемое общество. Такое общество будет управляться элитами, которые не будут поддерживать традиционные ценности. И скоро станут возможными наблюдение и контроль практически за каждым гражданином; станет возможным собирать даже самую интимную информацию о каждом гражданине и хранить ее в особых электронных папках. И власти тогда смогут напрямую пользоваться этими папками в случае надобности».

Можно и дальше приводить человеконенавистнические идеи из «Технотронной эры» Бжезинского. Значительная часть идей цитируемых мною идеологов Римского клуба уже стали реальностью. Достаточно вспомнить так называемую «пандемию ковида», которая держала человечество в страхе и напряжении в 2020—2022 гг. А ведь это была апробация метода сдерживания и сокращения численности населения, о котором еще более чем за полвека до этого говорил Печчеи. А электронный контроль за поведением человека, о котором писал Бжезинский, — разве это не стало реальностью нашего времени? И разве мы не видим, как элиты не только не сохраняют традиционные ценности, а наоборот, делают всё возможное для того, чтобы их разрушать и развращать чело-

века, превращая его в животное? А развал Советского Союза, о котором так ратовал Печчеи? Это произошло через 22 года после выхода книги «Перед бездной».

Указанные две книги идеологов Римского клуба можно смело назвать «открытым заговором» мировой элиты («мировой закулисы», «Комитета 300», «глубинного государства») против человечества. Кстати, так называлась книга Герберта Уэллса — «Открытый заговор», которая увидела свет в 1928 году. То есть за четыре с лишним десятилетия до появления книг «Перед бездной» и «Технотронная эра». А ведь то, что говорил английский писатель в своем «Открытом заговоре», мало чем отличается от идей двух рассмотренных выше книг.

Так называемые «секретные планы» против человечества лежат уже многие десятилетия и даже столетия под ярким светом уличного фонаря. Люди проходят мимо и в упор не видят (или не хотят видеть) этих так называемых «секретных планов». А, может быть, человечество уже давно и окончательно ослепло?

Вирус ссудного процента

Житель города Кстова Игорь Сомотроков покончил с собой, бросившись под колеса машины. Причиной самоубийства стал ипотечный кредит. 47-летний фермер из Волгоградской области Алексей Коромысленко свел счеты с жизнью из-за долгов по кредиту. Во всех случаях суды постановили взыскать в пользу банков имущество наследников самоубийц.

Ссудный процент подобен вирусу. Он проникает в общество, множится и разрушает его изнутри, причем разрушению подвергаются все стороны жизни человека и общества: природа, техносфера, наука и культура и, конечно же, экономика. Расскажу вам, как развивалась болезнь под названием «ссудный процент», позволившая ростовщикам навязать всему миру долговую кабалу.

Когда появился вирус ростовщичества и ссудный процент, неизвестно, зато уж наверняка он был подсказан тем, из-за кого людей изгнали из рая. Мы каждый день сталкиваемся с последствиями тяжелой болезни, наш мир отравлен. Мир, в котором 7% населения имеют больше, чем все остальные. Мир, в котором бедность и нищета становятся приемлемыми, нормой. Где даже успешные представители общества ежедневно просыпаются в страхе перед завтрашним днем, потому что могут лишиться всего бизнеса, работы, жилья. Мир, в котором знания,

мораль, нравственность уже не являются приоритетами и залогом успеха.

Этот мир создан ростовщиками с помощью страшного инструмента, имя которого — ссудный процент. В учебниках по экономике сказано, что ссудный процент — это вознаграждение кредитора за якобы недополученную пользу, т.е., давая вам деньги взаймы, бедный ростовщик недоел, отказался от покупки квартиры, машины, яхты, в конце концов не накупил товара и не продал его с большей прибылью. Конечно же, это ложь: всё богатство ростовщика создано тем, что он продает вам деньги за деньги. Но деньги не товар, они универсальное средство обмена товарами. Деньги — мерило затраченного труда, материальных и природных ресурсов, потраченных на их производство. Представьте, что вы одалживаете линейку длиной в метр и требуете вернуть вам ту же линейку, но длиной в метр двадцать. Абсурд.

Ростовщики, ничего не производя, как паразиты, высасывают последние соки из тела своей жертвы. Они терпеливо ждут, когда она испустит дух, т.е. не сможет платить долги с процентами. И тогда они поглотят в ней всё ценное, они заберут имущество, захватят землю. А затем предложат всё это вновь взять в кредит. Более 70% трудоспособного населения России являются должниками банков и отдают последние деньги для погашения кредитов.

Ростовщичество питается нашими слабостями и бедами. Ведь мы одалживаем деньги, когда не хватает средств на самые элементарные нужды или когда не можем устоять от искушения приобрести то, на что у нас нет средств. И ростовщики старательно создают условия для процветания бедности и разжигания страсти к покупкам. И мы, как дети, увидев красивую упаковку, теряем покой и сон, пока не станем обладателями очередной игрушки.

«Люблю детишек, которые вопят: «Хочу то, хочу это!». Каждая детская слезинка — это монета. Ах, мне было бы так одиноко без моего миллиона!».

Ростовщики утверждают, что они полезны: дескать, а где бы еще заёмщик нашел нужные ему средства? Очередная ложь: ростовщики сами создают условия, при которых денег катастрофически не хватает. Реальных денег в обращении всегда меньше, чем долгов с процентами. Для того чтобы отдать долги с процентами, нужно либо кого-то разорить — это называется конкуренцией, либо вновь взять кредит, при этом новые проценты накладываются на предыдущие и долг начинает развиваться не по линейным законам, а в геометрической прогрессии.

Хотя ссудный процент порождает инфляцию, запуская механизм выпуска не обеспеченных товаром денег, и каждый новый рубль, доллар, созданный ростовщиками из воздуха, отщипывают от законных денег малую толику, нас по-прежнему убеждают, что без банков, ростовщиков и ссудного процента невозможно существовать, что ростовщическая экономика — единственно возможный цивилизованный вариант. На самом деле большую часть своего существования цивилизация вполне обходилась без ссудного продукта.

Поначалу в древнем Шумере, Вавилоне, Греции, Риме ростовщики пользовались полной и бесконтрольной свободой, накладывая на заёмщиков огромные проценты. Они порабошали целые области и даже государства. Армии рабов пополнялись не только за счет пленников, но также за счет должников. Уже тогда лучшие умы древних государств предупреждали об опасности ростовщичества: ростовщичество с полным основанием вызывает ненависть, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности.

Христиане в своей борьбе против ростовщичества всегда вдохновлялись поступком Спасителя, совершённом им незадолго до распятия. Речь идет о единственном в Новом Завете случае, когда Христос проявил насилие: он опрокинул столы менял и ростовщиков и выгнал их из храма.

В 1139 году второй Латеранский собор признал любые формы ростовщичества запрещенными. Если первоначально христианина, уличенного в ростовщичестве, просто изгоняли, то уже в XIII веке ростовщиками занялась инквизиция, считая ростовщичество видом ереси.

Коли человек благочестив и поступает по закону справедливости, коли он не ссужает деньги в долг и под проценты, коли отрётся от порока и дела свои ведет по совести, коли он соблюдает заповеди, не усомнившись ни разу, — жизнь его достойна. И он обретет жизнь вечную. Но коли дал он под проценты, достоин ли он вообще жить? Нет, не достоин. Тот, кто совершает такие мерзости, должен умереть. Так говорит Господь наш.

Жесткое суждение ростовщичества содержится и в исламском Коране и в еврейской Торе. Однако в иудействе ростовщичество осуждалось только по отношению к единоверцам, поэтому в Средние века в христианских государствах понятия «еврей» и «ростовщик» стали фактически идентичны.

Однако вирус ростовщичества поражает не какую-либо отдельную нацию, а любое, даже изначально здоровое сообщество. В Средние века, например, католическая церковь, еще недавно сжигавшая ростовщиков на кострах, уже бла-

гословляет на подобную деятельность монашеские ордена, например орден тамплиеров, а также монастыри и свободные города-государства. Начиная с XVI века, в католических государствах происходит полная отмена запретов на ростовщичество.

В России отношение к ростовщикам изначально было двойственным. С одной стороны, их осуждали, с другой — признавали как неизбежное зло. Власть пыталась законодательно регулировать кредитные взаимоотношения. В «Русской Правде», в первом своде отечественных законов для заемщика устанавливались льготы по отсрочке платежа, если его постигнут стихийные бедствия. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы унять аппетиты ростовщиков. Закончилось это, как обычно бывает на Руси, весной 1113 года, когда киевляне, возмущенные огромными процентами, зарезали ростовщиков и сожгли их дома. После этого восстания Владимир Мономах ввел устав, который резко ограничил размер процента.

В уголовном уложении Российской Империи 1903 года ростовщичество признавалось преступлением, если ссудный процент был выше 12%. Таких ростовщиков наказывали тюрьмой или исправительным домом. Современные же российские законы не содержат запретов или ограничений на размеры процентов вообще. Например, многие известные компании предоставляют кредиты по ставке с фантастически выгодным для них процентом.

Отцы Русской Церкви долго не реагировали на ростовщичество — отчасти потому, что вплоть до середины XVI века правили ею византийцы, которые не видели зла от передачи денег в рост. Но уже первые русские патриархи начали непримиримую борьбу с ростовщичеством. В 1649 году в Соборном уложении был четко сформулирован запрет ссудного процента под угрозой отлучения от Церкви. Однако, несмотря на церковные и законодательные ограничения, к XIX веку вирус ростовщичества глубоко пустил корни в русском обществе. Да, формально взимание ссудного процента осуждалось. На деле же росло число тех, кто мечтал пожить за счет должников.

Порицание ростовщичества — это своего рода иммунный механизм общества, сдерживавший рост опухоли, поэтому ростовщики всегда вкладывали свои нечестно заработанные деньги в создание положительного имиджа. Примером этого стало формирование образа банкира. Журналисты и писатели, финансируемые ростовщиками, показывали банкиров образованными людьми, заботящимися о благе государства и экономической справедливости.

Они прославляли конкуренцию и ссудный процент как двигатель цивилизации. Банкиры щедро предлагали стать каждому маленьким ростовщиком, любой мог поместить свои деньги в банк и ощутить сладостное волнение от роста цифр на своем счете. Постепенно обществу была навязана новая мораль, отделившая вредительских ростовщиков от прогрессивных банкиров. Однако вся разница между ними заключалась в масштабе воровства. По сравнению с банкиром ростовщик не более чем мелкий уличный воришка.

Ростовщичество подобно раковой опухоли — оно постоянно дает «метастазы», которые проникают во все сферы человеческой деятельности. Сегодня даже в псевдоправославных кругах начинают поговаривать: дескать, мы против ростовщичества, но при этом считаем возможным кредитование под разумный процент, так называемый православный демпинг. Чушь!

Благодаря этой медиаатаке ростовщики стали вхожи в высшее общество и получили возможность переустроить мир под себя. Первым шагом стало формирование центральных банков, своего рода национальных штабов банкиров. Владельцами центральных банков стали сверхростовщики, такие как семейства Ротшильдов, Рокфеллеров, Морганов, Голдманов и другие. Они получили возможность управлять всеми деньгами.

В 2011 году эксперты Цюрихского университета, проведя скрупулезный компьютерный анализ, пришли к шокирующим выводам: 60% общих мировых доходов приходится на 1318 компаний. В центре этой гигантской транснациональной корпорации есть ядро — 147 финансовых и инвестиционных институтов. В списке одними из первых значатся банк «Барклай», GP «Морган-кэш», UBS AG, «Голдман Сакс». По оценкам швейцарцев, эти банки контролируют 40% мировых активов. Швейцарские эксперты оценивали только участие одних фирм в капитале других. Что в действительности является способом контроля.

Но ведь имеются и другие, среди них ссудный капитал. Например, в России иностранцы контролируют наши предприятия не только и не столько с помощью прямых инвестиций, сколько через установление долговой зависимости. Таким образом, оценка Цюрихского университета некорректна и занижена. Эти 147 компаний способны контролировать не 40, а, как минимум, 90% мирового финансового ядра современного экономического мира. Они принадлежат узкому кругу семей, кланов. Любая попытка противодействовать их интересам беспощадно и эффективно подавляется.

В декабре 1834 года президент Эндрю Джексон объявил о том, что он выплатит национальный долг Центральному банку и ликвидирует его. На следующий месяц прямо в здании Капитолия к Джексону подошел человек, достал пистолет и дважды нажал на курок. Произошла осечка. «Банк пытался убить меня, — сказал тогда Джексон, — но я убью его». Джексон — один из немногих, кому удалось устоять в борьбе с ростовщиками. У ростовщиков такие осечки случались редко.

4 июня 1963 года президент Кеннеди подписал президентский декрет, исполнительный приказ номер 1110, который лишил Федеральной резервный банк полномочий давать ссуды правительству США под проценты и давал право министерству финансов выпускать деньги под серебро, имеющееся в казне. Через пять месяцев президент Кеннеди был убит...

В 2011 году Муаммар Каддафи приступил к подготовке выхода Ливии и еще 12 арабских государств из мировой банковской системы и к переходу на собственную валюту — арабский золотой динар. *«Соединенные Штаты вместе с международным сообществом поддерживают народ Ливии. Эта революция обеспечит новые возможности и достойную жизнь»*, — заявили в Белом доме и... убили Каддафи.

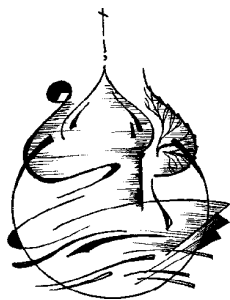
В 2005 году вышла книга Зона Перкинса «Исповедь экономического убийцы». В ней он рассказал, как банкротил целые страны, чтобы ростовщики, считающие себя мировой элитой, могли скупить всё за бесценок. Схема захвата власти начиналась с подкупа лидеров страны. Если это не помогало — в ход шел шантаж. Когда и это не срабатывало, наступал третий этап — вооруженная агрессия. Конечно же, — под соусом защиты демократии и свободы. Весь этот механизм сегодня запущен в России.

Судный процент — тот вирус, который за несколько веков полностью преобразил наш мир, он уничтожил экономику, превратив деньги и средства в цель, в товар. Его производство — не более чем средство получения денег, а не средство удовлетворения потребности человека.

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ЛЕРМОНТОВУ

В 1870 году в октябрьском номере журнала «Всемирный труд» была опубликована статья поэта и публициста П.К. Мартыанова, посвященная выходу в свет отдельным изданием (СПб., 1870) «Материалов для биографии поэта М.Ю. Лермонтова». Автор заканчивал статью словами: «С. Петербург и Кронштадт ставят памятники Крузенштерну и Беллинсгаузену, Киев — Богдану Хмельницкому и графу Бобринскому, Смоленск — Глинке; почему бы Пятигорску, с его тысячами посетителей вод, не принять инициативы в деле сооружения памятника М.Ю. Лермонтову?». Так в печати впервые прозвучала мысль о сооружении памятника Лермонтову в России.

Журнал «Всемирный труд» был хорошо читаем и в центре, и в провинции. Идея сразу же пришлась по сердцу главному арендатору Кавказских Минеральных Вод, издателю и городскому голове Ростова-на-Дону А.М. Байкову (1831—1889), обратившемуся к начальнику Главного управления Кавказского наместника барону А.П. Николаи (1821—

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

1899) с докладной запиской. Записка датирована 1-м числом июля 1871 года накануне тридцатилетия со дня гибели поэта. В ней, в частности, говорилось: «В Пятигорске всё напоминает Лермонтова. Там он писал лучшие свои сочинения и там он кончил свою жизнь. Лермонтов — поэт Кавказа, и увековечить его память нужно именно в Пятигорске. Не благоугодно ли будет Вашему высокопревосходительству принять на себя инициативу воздаяния должной дани памяти поэта и испросить разрешение: поставить ему памятник, открыв с этою целью повсеместную подписку». Александр Павлович Николаи дал этой записке дальнейший ход. И 23-го июля 1871 года последовало высочайшее разрешение самого императора о сооружении предположительно в Пятигорске памятника поэту Лермонтову и открытие повсеместной в Империи подписки для сбора пожертвований на осуществление такого важного патриотического начинания. Благодаря равнодушию этих людей и началось великое дело создания первого в истории России памятника Михаилу Юрьевичу Лермонтову.

Для сбора пожертвований было официально установлено два способа. Первый способ заключался в том, что министерство финансов в специальном циркуляре от 13 сентября 1871 года предложило всем казенным палатам и областным правлениям открыть в подведомственных этим учреждениям кассах прием пожертвованных денежных средств, и поступившие суммы высылать по полугодиям в Тифлисское казначейство для записи их в депозит Главного управления Кавказского наместничества. Для осуществления второго способа распоряжением Управления Кавказскими минеральными водами открывался сбор как на группах этих вод, так и во всех конторах и агентствах их. И первыми жертвователями стали не дворяне, а... два крестьянина Таврической губернии. К сожалению, их фамилии исследователям так и не удалось установить. И всё! Вплоть до августа 1874 г. в кассу пожертвований не поступило больше ни копейки.

Российское общество в целом проявило удивительное безразличие. В начале августа местная интеллигенция и столичные гости, приехавшие на отдых и лечение на Кавказские минеральные воды, организовали публичные литературные чтения, давшие 163 рубля. 11 августа 1874 года в пятигорской газете «Листок для посетителей Кавказских минеральных вод» появилось обращение, в котором говорилось: «Было бы грустно и обидно для нашего национального самолюбия объяснять этот печальный факт безучастностью и равнодушием общества к памяти великого поэта. Вернее предпола-

гать, что общество ничего или слишком мало знало о сборе пожертвований на этот предмет и потому не отозвалось на него с тем сочувствием».

Прошло еще несколько месяцев, и в начале 1875 года была открыта подписка в тех частях Кавказской армии, где служил поэт. 30-го сентября 1875 года, вскоре по присоединении к Терской области округа Кавказских минеральных вод (бывшего ранее в ведомстве Ставропольской губернии) по ходатайству Начальника области и с утверждения Наместника Кавказского во Владикавказе образуется «Особый комитет по сооружению памятника поэту М.Ю. Лермонтову». Председателем его стал Начальник Терской области и наказной атаман, генерал-адъютант Александр Павлович Сви-стунов. В состав Комитета включили вице-губернатора, пятигорского полицеймейстера, городского голову, правителя канцелярии начальника области и секретаря областного статистического комитета. Андрей Матвеевич Байков был введен в этот Комитет как «строитель памятника».

Какие обязанности должен был выполнять Комитет? Это: а) «Попечение об увеличении предназначенного на сооружение памятника поэту Лермонтову фонда посредством высочайше разрешенного повсеместного в Империи сбора пожертвований», и б) Изыскание «наиболее практических способов осуществления мысли о предположенном сооружении».

Однако поначалу стала повторяться история с московским памятником А.С. Пушкину. Жертвовали очень мало, в основном незначительными суммами. 17 июня 1875 г. в московской газете «Современные известия» была напечатана заметка «С Кавказских минеральных вод» — «о сборе на памятник незабвенному Лермонтову, прославившему эту местность на всю Европу». Просмотрев содержание подписного листа, «положенного на столе в пятигорской конторе», автор заметки обратил внимание читателей на следующие любопытные особенности реакции жертвователей. «На подписном листе, — писал автор, — значится десяток фамилий, и между ними одна, четко написанная, с пожертвованием в одну копейку! Я бы имел право целиком выписать эту фамилию, принадлежащую крупному чиновнику; но щажу самолюбие сего господина и думаю, что он сам кается в своем малодушии, подвигнувшем его на такой непонятный поступок».

Рассказанный в «Современных известиях» случай возмутил до глубины души Ф.М. Достоевского, сравнившего в «Дневнике писателя» «пожертвование одного крупного чиновника» на памятник русскому поэту М.Ю. Лермонтову с аналогичными суммами пожертвований в «Книге пожертво-

ваний» на содержание слабоумных детей в немецком городке-курорте Эмсе. «В этой книге бросилось мне в глаза одно пожертвование, так сказать, как бы с направлением: 5 пфенингов (1,5 копейки серебром). Это напомнило мне пожертвование одного русского статского советника, вписанное в книгу в Пятигорске, на памятник Лермонтову: он пожертвовал одну копейку серебром и подписал свое имя. С год тому это передавали в газетах, но имени жертвователя не объявили, и, по-моему, совершенно напрасно: ведь он сам подписал свое имя публично и, может быть, именно мечтая о славе. Но статский советник имел, очевидно, в виду выказать свою умственную силу, взгляд, направление, он протестовал против искусства, против ничтожества поэзии в наш век «реализма», пароходов и железных дорог».

Разразившаяся в 1876 году военная гроза на Балканах тоже немало повлияла на ход сбора денежных пожертвований на памятник. Тогда повсеместно в России началось мощное общественное движение в поддержку угнетенных братьев-славян со сбором пожертвований в их пользу. А затем наша страна вступила в войну с Турцией, и, как следствие, стали организовываться специальные комитеты по сбору пожертвований для нужд раненых и больных воинов, а также семейств убитых на войне. Это не могло не повлиять на количество поступавших денежных средств на постройку памятника Лермонтову. Во время войны с Турцией «Комитет по сооружению в городе Пятигорске памятника поэту Лермонтову» даже счел за лучшее приостановить свои действия.

К 1 января 1880 г. собранная сумма вместе с процентами составляла всего 6977 руб. 95 коп. «Эта сумма в настоящее время представляет собою весь капитал, имеющийся в распоряжении Комитета, — капитал далеко недостаточный не только для сооружения хотя бы самого скромного памятника поэту, но даже для составления его проекта. Поэтому Комитет ныне считает своею обязанностью пригласить к пожертвованиям всё русское общество, вполне надеясь, что оно с сочувствием отзовется на призыв» — говорилось в специальном воззвании членов Комитета, опубликованном в январском номере журнала «Вестник Европы» за 1880 год. Такие обращения Комитета будут появляться на страницах российских журналов и газет неоднократно. Комитет стал настойчиво обращаться с письменными заявлениями непосредственно к губернаторам и начальникам областей, другим лицам, стоящим во главе администраций, к попечителям учебных округов, к председателям различных обществ, директорам учреждений с просьбами о содействии распростра-

нению подписки на сбор пожертвований. Стучались во все двери. И люди слышали! За один только 1880 год поступило денежных пожертвований на сумму — 8253 руб. 55 коп. Из них наибольшие пожертвования поступили от князя А.И. Васильчикова — один 5% билет Государственного банка в 1000 руб., от губернатора Бессарабии — 610 руб. 61 коп., киевского губернатора — 522 руб. 36 коп., якутского губернатора — 204 руб. 61 коп., от лечившихся на Кавказских минеральных водах — 590 руб. 45 коп. О фамилиях жертвователей стали регулярно сообщать в печати.

Ясный и теплый день, 15 июля 1881 года, запомнился жителям Пятигорска и приезжим отдыхать и лечиться на воды надолго. В Пятигорске впервые через 40 лет после печальной гибели М.Ю. Лермонтова по инициативе Комитета проводился День памяти поэта, ставший с тех пор ежегодным. Уже с утра на Соборной площади ощущалось особенное оживление. Здесь организаторы назначили место сбора всех приехавших почтить память русского поэта. Развешались цветные полотна значков deputаций — от Московского университета, от гвардейских офицеров, от артистов Императорских театров, от Московской консерватории, от Общества драматических писателей и многих других обществ и учреждений. Пестрели букеты, венки. После панихиды в городском соборе вся процессия направилась к дому Лермонтова. Толпы любопытных в этот момент загрохотали улицы. По решению Комитета на доме Лермонтова была торжественно установлена временная мемориальная доска с начертанными на ней годами рождения и смерти поэта. Затем шествие направилось к Елизаветинской галерее, где на белом пьедестале был поставлен бюст М.Ю. Лермонтова, украшенный массой цветов и зелени.

Вице-губернатор Терской области Г.Х. Якобсон, обратившись к собравшимся людям, сказал о заслугах поэта и об объявленной подписке на памятник ему. К тому времени сумма пожертвований уже достигла 20 000 рублей. В тот день местными и приезжими дамами был организован благотворительный базар, вся выручка от которого предназначалась на памятник поэту. А вечером состоялся концерт, устроенный столичными артистами. Весь сбор с него поступил в фонд будущего памятника. Отмечу, что наступившее 40-летие со дня безвременной гибели поэта во многом способствовало заметному росту общественного интереса к его жизни и творчеству. В столице и в губерниях заметно увеличилось количество различных публикаций в печати, посвященных Лермонтову. Стало интенсивно развиваться научное лермонтоведение.

«С 1881 года поступления на сооружение памятника начали возрастать, и в последующие годы прилив их был настолько обилён, что сборы превзошли всякие ожидания Комитета, сначала задавшегося мыслью поставить поэту скромный памятник в таком небольшом городке, как Пятигорск, в окрестностях которого он так безвременно был застигнут смертью, и дали Комитету возможность приступить к сооружению более величественного памятника, избрав для этого место в лучшей центральной части города Пятигорска, против Соборной площади, с устройством вокруг него на пространстве, где прежде был мусорный овраг, из которого после дождей потоки грязи неслись на Соборную площадь, — прекрасного сквера, размером около полдесятины». К 1 января 1883 года денежный фонд памятника уже достиг почти 30 000 рублей.

В начале 1882 года председатель Комитета генерал-адъютант А.П. Свистунов обратился в редакцию петербургского журнала «Хозяйственный строитель» с просьбой, чтобы редакция приняла на себя организацию конкурса на составление проекта памятника. Редактор-издатель журнала архитектор П.П. Мижуев, сам большой почитатель творчества поэта, ответил согласием. По его инициативе в Петербурге создается особая комиссия для разработки программы устройства конкурса на сооружение памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске. В нее вошли известные литераторы, художники, публицисты, а также люди, лично знавшие Лермонтова. Это: П.П. Мижуев (председатель комиссии), А.А. Краевский, А.Н. Майков, В.П. Гаевский, М.О. Микешин, Д.В. Григорович, П.П. Каратыгин, А.И. Арнольди, А.А. Бильдерлинг, И.Н. Крамской, граф Н.И. де Рошефор, П.А. Монтеверде, М.И. Цейдлер.

Первое заседание комиссии состоялось вечером 9-го февраля 1882 года в редакции журнала «Хозяйственный строитель». И первым же вопросом, поставленным на обсуждение, стал вопрос об устройстве конкурса. Большинство собравшихся поддержали идею П.П. Мижуева: привлечь к делу создания памятника не только скульпторов и художников, но и вообще самые широкие круги отечественной интеллигенции. Было решено, что на конкурс будут допускаться не только проекты, рисунки и модели памятника, но и письменные заявления с выражением той идеи, на основании которой должен быть выработан проект монумента. Затем, если жюри присудит премию по проекту или модели, премированное описание идеи послужит в таком случае руководящим началом для разработки окончательного проекта. Этот про-

ект может появиться или в ходе нового конкурсного состязания, или путем заключения контракта с одним из известнейших скульпторов. На заседании комиссии также обсудили принципы работы будущего конкурсного жюри, сроки вызова конкурсантов, вопросы отношения комиссии с Комитетом и др.

Как и в истории с созданием памятника А.С. Пушкину в Москве, выбор места для будущего монумента посчитали удачным далеко не все. Это уже хорошо почувствовалось на первом же заседании членов комиссии. Вскоре недовольство это вылилось и на страницы столичной печати. В довольно популярной тогда петербургской газете «Голос», издававшейся членом комиссии А.А. Краевским, сразу же появляется статья авторитетного ученого-лермонтоведа, профессора Дерптского университета П.А. Висковатого под названием «По поводу памятника Лермонтову», где доказывалось необходимость поставить памятник М.Ю. Лермонтову именно в Москве. Статья сразу же перепечатывается газетой «Минута». Автор в своем утверждении руководствовался следующими вескими соображениями: «Лермонтов родился и воспитывался в Москве. Здесь задуманы им лучшие его произведения; а между тем, московское общество и любители родной словесности мало заботятся о том, что второй по значению поэт наш — наследник пушкинской славы — больше всего принадлежит Москве... Пребывая в пансионе и московском университете, Лермонтов положил основание своим лучшим произведениям. Всё, что звучит во многих небольших лирических песнях его, что затронуто в «Демоне», «Мцыри», в «Измаил-Бее», всему этому положено основание в московский период его развития. Москва породила Лермонтова; Москву любил он не меньше Пушкина; не меньше Пушкина заслуживает он любви и внимания Москвы».

В свою очередь, причины, побудившие учредителей этого дела избрать Пятигорск местом постановки памятника, были довольно убедительно объяснены в опубликованном в различных газетах отчете Комитета: «М.Ю. Лермонтов на Кавказских минеральных водах бывал не раз, и с ними он впервые познакомил наше читающее общество в своих поэтических рассказах и стихотворениях. Он посетил воды первоначально в 1824 году десятилетним мальчиком вместе со своею теткой. Поездка эта, оригинальная природа и жизнь Кавказа произвели на него такое сильное впечатление, что повлияли на самый склад его таланта. 14-ти лет он уже писал, подражая Пушкину, своего «Кавказского пленника» и делал первые наброски «Демона». 16-ти лет он пишет в своих

воспоминаниях о Кавказе: «Горы кавказские для меня священные». Затем он был проездом на водах в бытность свою на Кавказе в 1837 и 1840 годах, когда писал «Героя нашего времени». Наконец, в 1841 году, взяв отпуск по болезни, поселился в Пятигорске и жил в нагорной части города».

21-го октября 1882 года в квартире редактора журнала «Хозяйственный строитель» П.П. Мижужева началось второе заседание Комиссии. Присутствовали А.А. Бильдерлинг, В.П. Гаевский, А.Н. Майков, П.А. Монтерверде. На заседание не пришли И.Н. Крамской и А.А. Краевский, заранее предупредив об этом П.П. Мижужева в письменных уведомлениях. После выступления председателя комиссии П.П. Мижужева и обсуждения организационных вопросов слово предоставили В.П. Гаевскому. Обратившись к присутствующим, В.П. Гаевский заявил: «Лермонтов принадлежит всей России, а потому место памятника ему не на Кавказе, а в одном из двух главных центров — Петербурге или Москве. Прежде всего должен быть решен этот вопрос. Сумма пожертвований на памятник значительно увеличится, если станет известным, что памятник поставлен будет в Москве или Петербурге. Сумма должна будет превысить требуемую для памятника, и тогда остальную можно употребить на сооружение другого памятника, меньших размеров, на Кавказе». Начались прения. П.П. Мижув сразу же уточнил, что на комиссию возложен не выбор места, а лишь выработка возможно лучшего проекта памятника. Военный писатель и художник, генерал-майор А.А. Бильдерлинг, возражая В.П. Гаевскому, заметил, что Лермонтов принадлежит по преимуществу Кавказу, и что Кавказ как инициатор в этом деле не уступит своих прав на памятник своего горячо любимого и популярного поэта. Заседание закончилось поздно вечером. Все остались недовольны. Ввиду отсутствия многих членов было решено отложить решение возникшего спорного вопроса до следующего заседания.

Следующее, уже третье по счету, заседание состоялось 29 октября 1882 г. и было специально посвящено обсуждению спорного вопроса о месте установки памятника. В.П. Гаевский предложил поставить памятник М.Ю. Лермонтову в Москве — городе, где поэт родился и где уже стоит памятник А.С. Пушкину. В Москве и в Петербурге Михаил Юрьевич жил и учился. Кавказ же был только местом ссылки поэта. Предложение В.П. Гаевского было поддержано другими членами комиссии. Комиссия постановила: представить выказанное предложение о месте памятника главноначальствующему над гражданской частью на Кавказе генерал-адью-

танту, князю А.М. Дондукову-Корсакову. Наступило ожидание ответа...

19-го ноября 1882 года в квартире издателя-редактора журнала «Хозяйственный строитель» П.П. Мижуева началось четвертое заседание комиссии по сооружению памятника Лермонтову. Нужно было решить многие вопросы. Накануне от участия в работе комиссии отказался художник И.Н. Крамской, о чём сообщил П.П. Мижуеву в своем письме. Основной причиной выхода И.Н. Крамского из состава Комиссии стало его в целом отрицательное отношение к конкурсным определениям достоинств художественных проектов. Заседание открылось в 9 часов вечера заявлением писателя Д.В. Григоровича о том, что князь А.М. Дондуков-Корсаков отклонил ходатайство Комиссии. После этого комиссия была вынуждена признать, что вопрос о постановке памятника поэту Лермонтову в Москве вне ее компетенции. Стали, однако, раздаваться голоса «москвичей», чтобы Комиссия, помимо постановления памятника в Пятигорске, исходатайствовала должным порядком и разрешение на открытие другого памятника М.Ю. Лермонтову — в Москве и объявление для этого новой повсеместной в России подписки. На этом заседании были обсуждены организационные предложения об объявлении конкурса на памятник М.Ю. Лермонтову в Пятигорске, о сроках представления проектов, о размере премий и др. Окончательно согласовали программу этого конкурса. Главными положениями ее стали следующие: проекты могут быть представлены эскизно, исполненные пером, карандашом или акварелью, в моделях из глины или воска, в произвольном размере. Срок представления конкурсных произведений назначался двухмесячный со дня первой публикации о конкурсе. Премий определено две. Первая — в 200, вторая — в 100 рублей. По присуждению этих премий должен был быть объявлен второй конкурс по премированным уже комиссией проектам. Программа конкурса, выработанная Комиссией, должна была быть напечатана отдельными оттисками и опубликована в газетах и журналах. Решения Комиссии были представлены на усмотрение Кавказского начальства. И вскоре ответ из канцелярии главноначальствующего на Кавказе князя А.М. Дондукова-Корсакова пришел. По уполномочию главного Кавказского начальства в середине декабря 1882 года Комиссия по сооружению памятника поэту М.Ю. Лермонтову объявила конкурс «на идею или мысль этого памятника». Объявление о конкурсе с условиями его проведения, как и было ранее согласовано, опубликовали в центральных газетах и журналах.

В январе 1883 года Комиссия утвердила список членов жюри для определения премий на предстоящих конкурсах. Сюда вошли видные художники (Ф.И. Иордан, К.Е. Маковский, М.А. Зичи, М.П. Боткин), поэты и художественные критики (Я.П. Полонский, А.И. Сомов, А.М. Матушинский, скульпторы (Н.А. Лаверецкий, П.П. Забелло, М.А. Чижов), архитекторы (И.С. Богомолов, Е.А. Сабанеев, И.И. Шапошников).

К назначенному сроку — 17-го февраля в редакцию журнала «Хозяйственный строитель», при которой происходили заседания Комиссии и жюри, были доставлены 52 проекта, в виде моделей, рисунков, чертежей и эскизных набросков. На следующий же день появилось решение жюри. Приговор большинства экспертов был непреклонен! Ни один из представленных на конкурс 17-го февраля проектов не удовлетворяет требованиям выражения идеи памятника. В связи с этим Комиссия объявила на прежних основаниях второй конкурс на идею или мысль этого памятника. Конкурентам вновь предоставлялось право доставить свои произведения в редакцию «Хозяйственного строителя», но уже к 5-му апрелю 1883 года. И вновь за лучшие представленные на конкурс «проявления идей» назначалось две премии: первая — в 200 рублей и вторая — в 100 рублей.

Неудача с проведением первого конкурса вызвала целую критическую волну на страницах периодической печати. «Тут есть, над чем призадуматься — не гг. членам жюри и не сочинителям проектов, забракованных или подлежащих вторичной забраковке, но, просто каждому, мало-мальски мыслящему человеку. Из трех одно: или никто из составителей не уяснил себе достаточно значения поэзии Лермонтова и не понял, что разумела комиссия под словом «идея памятника»; или гг. жюри уж чересчур строго отнеслись к проектам; или, наконец, — что было бы всего грустнее, — источник художественного творчества иссяк на Руси?» — писала одна из столичных газет.

Весь 1882-й и начало 1883 года были очень напряженными для скульптора Александра Михайловича Опекушина. Он работал над проектами памятника императору Александру II для Москвы и Кишинева, проектом памятника академику Карлу Эрнсту Бэру в Дерпте. В апреле 1883 года он был занят лепкой и отливкой статуи А.С. Пушкина для Петербурга. Его пригласили принять участие и в предполагавшемся изготовлении фигур для украшения памятника Екатерине II перед Александринским театром. Была работа и над другими скульптурными произведениями. Поэтому Александр Ми-

хайлович не принял участия ни в первом, и ни во втором конкурсах на создание памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске. Но скульптор внимательно следил за всеми перипетиями конкурсных состязаний.

Работу над созданием скульптурного портрета М.Ю. Лермонтова во многом осложняло отсутствие посмертной маски поэта, а также в достаточной мере удачных и верных живописных изображений его внешнего облика. Ведь после убийства М.Ю. Лермонтова в страшной спешке и суете никто не позаботился снять гипсовую или восковую маску с лица великого русского поэта. Повлияла на такую спешку и разразившаяся в ту пору очень сильная пятигорская жара! Не случайно известный исследователь жизни и творчества поэта Ираклий Андроников будет уже в советские годы сетовать: «Всматриваясь в изображения Лермонтова, мы понимаем, что художники старательно пытались передать выражение глаз. И чувствуем, что взгляд не уловлен. При этом — портреты все разные. Если пушкинские как бы дополняют друг друга, то лермонтовские один другому противоречат. Правда, Пушкина писали великолепные портретисты — Кипренский, Тропинин, Соколов. Пушкина лепил Витали. Лермонтовские портреты принадлежат художникам не столь знаменитым — Заболотскому, Клюндеру, Горбунову, способным, однако, передать характерные черты, а тем более сходство. Но, несмотря на все их старания, они не сумели схватить жизни лица, оказались бессильны в передаче духовного облика Лермонтова, ибо в этих изображениях нет главного — нет поэта! Дело, видимо, не в портретистах, а в неуловимых чертах поэта».

Очень противоречивы были и воспоминания современников и современниц поэта о его внешности. Хорошо известно, что мятежная, беспокойная душа М.Ю. Лермонтова была соткана из противоречий. И поэтому перед каждым участником конкурсного состязания сразу же вставала труднейшая задача восстановления достоверной иконографии образа Лермонтова. Как профессионал, хорошо понимая эти сложности, Александр Михайлович, желая помочь всем участникам конкурса, в начале марта 1883 года публикует на страницах «Нового времени» письмо «По поводу памятника Лермонтову», где откровенно поделился с другими скульпторами своими мыслями по этому поводу. Вот что он, в частности, написал: «Недавно мне случилось быть в Дерпте и видеть у профессора Висковатова довольно большую коллекцию портретов. Сравнивая их со скульптурной точки зрения, я должен был согласиться с тем, что высказано профессором в вышеозначенной статье. Три портрета en face заслу-

живают особенное внимание. Они очень схожи между собою и близки по гравированному Брокгаузом. 1-й из этих портретов представляет Лермонтова мальчиком, лет одиннадцати. 2-й в гусарском мундире, сделан в 1837 году художником Заболотским. Поэту было тогда около 23 лет. 3-й портрет рисован самим поэтом акварелью в бурке — в армейском мундире. Это весьма любопытный портрет, должно быть, очень похожий. Выражение глаз, все черты представляют один характер с вышеозначенными, только волосы подлиннее и не так правильно зачесаны, как требовало этого в то время предписание для всех служащих. Портрет рисован на Кавказе, где позволялись некоторые отступления от строгих правил формы. Но самое любопытное и важное для скульптуры — это портрет поэта в профиль, сделанный карандашом в 1840 г. во время экспедиции на Кавказе. Тщательно сравнивая его с вышеупомянутыми портретами, я должен признать в нём большое сходство. Пав. Ал. Висковатов показывал его некоторым из лиц, близко знавших поэта: князю Ил. Ил. Васильчикову, ген.-адъют. Потапову и другим — все подтвердили сходство. Профильный портрет поэта весьма важен, даже необходим при лепке бюста. Маски с умершего поэта снято не было. В виду конкурса на памятник поэту я считаю своей обязанностью поделиться со своими собратьями этою важною для нас находкою... Бюстов Лермонтова, сделанных при жизни, не существует. Тот, который имеется в продаже, сделан — не знаю кем — с самого непохожего портрета и никакого значения не имеет. Сообщением своим я имею в виду тех лиц, которые, может быть, в разных местах России готовят проекты памятника Лермонтову, поэтому в интересе дела я прошу редакции других газет перепечатать это мое заявление».

К 5-му апреля в редакцию журнала «Хозяйственный строитель» было прислано 65 проектов — моделей, рисунков, эскизов и набросков. В помещении журнала проходила и выставка проектов второго конкурса. 5-го апреля началось долгое обсуждение достоинств и недостатков работ. На этот раз два проекта были признаны экспертами жюри лучшими. Первую премию получил проект под девизом «Лучше позже, чем никогда». Его автором был преподаватель рисования Тамбовского реального училища И.П. Фрейман, человек малоизвестный в художественных кругах. В его проекте Лермонтов изображен сидящим на скале. Справа от поэта стоит фигура женщины в сарафане и кокошнике. Второй премии удостоился проект скульптора Р.Р. Баха, шедший под девизом «Одиноко он стоит: задумался глубоко и тихонько пла-

чет он в пустыне». Однако и второй конкурс тоже оказался неудачным. Ни один из представленных проектов не был признан комиссией достойным для создания памятника великому русскому поэту.

Члены комиссии находились в замешательстве. Было ясно, что нужен новый конкурс. Ну а если он тоже будет безрезультатным? Начались совещания. Было решено внести изменения в условия конкурса. Теперь проекты необходимо было представлять исключительно скульптурные. За лучшее произведение выдавалась только одна премия в размере 1000 рублей — с тем, чтобы автор премированной модели исполнил и окончательный проект памятника, где фигура поэта должна была быть размером не менее одного аршина. Комиссия увеличила и срок конкурса. Он истекал в два часа дня 15 октября 1883 года. Таким образом, времени на составление проектов скульпторам-конкурсантам предоставили достаточно. Проекты доставлялись не в редакцию «Хозяйственного строителя», а в помещение Общества поощрения художеств, по адресу: Большая Морская, дом 40, где и должна была открыться их выставка для широкой публики, в течение двух недель. О начале выставки заранее оповещалось в центральных газетах. Всё это создавало возможность более широкого и гласного обсуждения конкурсных проектов. Был избран новый состав жюри, куда вошли: И.С. Богомолов, М.П. Боткин, П.А. Брюллов, П.Н. Гнедич, граф А.А. Голенищев-Кутузов, Н.А. Лаврецкий, Н.В. Набоков, Я.П. Полонский, А.И. Сомов, М.А. Чижов, И.И. Шапошников.

Комиссия по устройству конкурса на сооружение памятника поэту М.Ю. Лермонтову в Пятигорске в начале июня 1883 года объявила новый (третий) конкурс на идею этого памятника, о чём и было сообщено в печати. И только после объявления о третьем конкурсе Александр Михайлович Опекушин наконец принимает решение поучаствовать в конкурсном состязании. Вновь, как и десять лет назад — в пору работы над московским памятником А.С. Пушкину, начались напряженные, подчас изнурительные дни поисков, сомнений и колебаний. Творческое воображение скульптора работало даже ночами — во сне. Лермонтов был вторым по значению русским поэтом! Это был не только поэт, но и мыслитель, человек в суровую николаевскую эпоху отстаивавший свою личность, свое человеческое право и достоинство, свою индивидуальность. Важно точно передать не только внешнюю схожесть. Это мог сделать любой профессиональный копиист. Надо было раскрыть характер своего героя, проникнуть в душу этого сложного человека, познать его

внутренний мир, чтобы понять и передать его чувства, мысли и переживания. Здесь важно было любое свидетельство. Любая деталь! Каковы были характерные особенности поведения Лермонтова в различные периоды его короткой жизни и в различных обстоятельствах, его жесты, манера держать себя? Как и десять лет назад, Александр Михайлович с помощью карандаша делает бесчисленные зарисовки, наброски, эскизы. Он скрупулезно изучает и сравнивает все известные портретные изображения М.Ю. Лермонтова, читает опубликованные в печати воспоминания и другие документальные свидетельства о поэте. Мозг скульптора не переставал работать над темой. Засыпая, Александр Михайлович продолжал видеть всё те же зарисовки, наброски, эскизы. И в являвшихся сновидениях что-то бесконечно переделывал, исправлял, дополнял... Очень помогли ему беседы-консультации с людьми, общавшимися с поэтом при жизни, и со специалистами в области лермонтовского наследия: издателем-редактором газеты «Голос» и журнала «Отечественные записки» А.А. Краевским, генерал-майором А.А. Бильдерлингом и особенно с профессором П.А. Висковатовым, с которым Александр Михайлович познакомился и очень сблизился еще в 1880 году, в дни Пушкинского праздника. Много лет работая над написанием первой научной биографии М.Ю. Лермонтова, Висковатов собрал уникальнейший документальный фонд свидетельств людей, близко знавших поэта или когда-либо беседовавших с ним, или просто видевших его.

Вновь и вновь перечитывал Опекушин поэзию и прозу Лермонтова, особенно произведения, связанные с Кавказом: стихи, поэмы «Мцыри», «Демон», повесть «Княжна Мери» и др. Ведь надо было связать образ поэта с окружающим ландшафтом, кавказской природой, горами Кавказа. Как и при создании памятника А.С. Пушкину в Москве, Александр Михайлович решительно отказался от использования многофигурной композиции с аллегориями и картинами из литературных произведений поэта. Читая ранние стихи Лермонтова, скульптор невольно обратил внимание на одно произведение. Это было стихотворение «Ангел»:

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.*

*Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;*

*О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

*Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.*

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Это стихотворение было написано в 1831 году и навеяно Лермонтову воспоминанием о песне, которую пела ему покойная мать. Перечитав его, Опекушин задумался. В своем «Ангеле» поэт сжато и ясно рисует вечное стремление человеческой души к чему-то высшему, идеальному, к тем дальним и прекрасным обителям, откуда она взяла свое начало. Вся лермонтовская поэзия — это история человеческой души, брошенной в «мир печали и слез», но сохранившей в себе чарующие звуки небесной песни. Александр Михайлович вдруг осознал, что это то, что он искал! Так в творческом воображении скульптора возник замысел его памятника М.Ю. Лермонтову. «Порыв» — такой девиз даст он своему конкурсному произведению. В этом проекте скульптор изобразил поэта, сидящим на скале в задумчивой позе, склонившим голову на правую руку. Военная шинель сброшена с его плеч и красивыми складками драпируется сбоку. Он в расстегнутом офицерском сюртуке. Около ног лежит выпавшая из рук поэта книга. Прекрасно передано душевное состояние Лермонтова. Лицо очень спокойно и одухотворено. Взгляд поэта устремлен куда-то вдаль. Он словно унесся мыслью в какие-то высшие, идеальные сферы. Может быть, в этот миг и складываются в его голове вдохновенные поэтические строки о Кавказе. Пьедестал в виде гранитной скалы украшен рельефом лиры, перевитой лавровым венком с продетым в нее венком. При воспроизведении внешних черт лица М.Ю. Лермонтова А.М. Опекушин в основном опирался на профильный карандашный портрет, сделанный в 1840 году с натуры Д.П. Паленом.

15 октября 1883 года в доме 40 на Большой Морской улице в Петербурге, в музее Общества поощрения художеств открылся третий конкурс на создание памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске. Всего было представлено 15 проек-

тов. Модель А.М. Опекушина шла на конкурсе под номером 14. 17-го октября газета «Новое время» опубликовало следующее объявление: «С 16-го по 30-е число октября открыта для публики выставка конкурсных проектов (скульптурные модели) на памятник поэту М.Ю. Лермонтову. Желающие заявить свое мнение по поводу выставленных проектов благоволят написать таковое и опустить в находящийся на выставке для этой цели ящик».

Понемногу публика стала заполнять выставочный зал. Посетители подчас горячо обсуждали достоинства выставленных моделей, обмениваясь мнениями. И снова, как и во время конкурсов на создание памятника А.С. Пушкину, газеты запестрели язвительными оценками всевозможных критиков и фельетонистов. «Большинство выставленных моделей, как нам кажется, фигурировали уже на бывших двух конкурсах или, вообще говоря, те из них, которые пытаются изобразить не монумент, а лишь портретную фигуру поэта, тождественно напоминают друг друга и все подобные — уже сооруженные, как напр., памятники Барклаю, Кутузову, Паскевичу, Пушкину и т.д. Скучность или даже отсутствие какой-либо творческой идеи этих проектов с изображением одной лишь портретной фигуры Лермонтова, с прибавкой на том или другом месте, на казенных же пьедесталах, столь же казенных, цельных или почему-то разбитых лир дают право пройти мимо них, не останавливаясь, тем более что ни одна из этих фигур не передает верно ни типа, ни даже одежды поэта, ни особенностей, во всяком случае, не монументальной его фигуры (вот почему нам кажется вовсе неуместным трактовать потомству память поэта только его изображением); о попытках же изобразить его фигуру — идеализированно, в виде олимпийского героя, фельдмаршала или в штатском сюртуке, надрапированного в тогу, нечего и говорить», — делилась с читателями газета «Петербургский листок». «Это не памятники, а какие-то карикатуры и притом карикатуры тяжелые, серьезные, напыщенные», — язвил обозреватель «Русских ведомостей». Но конкурсный проект, шедший под девизом «Порыв», все-таки оценивался газетчиками как наиболее удачный в художественном отношении. «Из сидячих фигур наибольшей выразительностью отличается изображающая момент вдохновения, когда поэт сосредоточился, сидя на скале, на которой видны тоже лира, гирлянда и, конечно, надпись, чей памятник», — писало издававшееся А.С. Сувориным «Новое время».

30 октября 1883 года Комиссия по устройству конкурса на сооружение памятника поэту М.Ю. Лермонтову в Пятигор-

ске подводила итоги третьего конкурса. Под давлением газетных публикаций семь голосов в Комиссии было за то, чтобы и на этот раз признать конкурс неудавшимся. Но большинство членов Комиссии и Конкурсного жюри решительно отвергло это предложение. Затем началось окончательное обсуждение достоинств и недостатков представленных 15 проектов. В итоге Комиссия и Конкурсное жюри признали лучшей модель за №14, под девизом «Порыв». При вскрытии конверта автором ее оказался скульптор А.М. Опекушин. Ему и была присуждена первая премия в 1000 рублей. Так стала известна фамилия скульптора, которому предстояло создать первый в России памятник поэту Михаилу Юрьевичу Лермонтову! Однако комиссия присудила победу А.М. Опекушину с оговорками. Скульптору предстояло внести изменения. Самым большим недостатком было признано малое сходство модели с внешностью поэта. Всё сооружение представлялось живописным только с лицевой стороны, тогда как другие стороны, по мнению экспертов, были некрасивы и в архитектурном отношении бедны и сухи. Среди пожеланий членов Комиссии были и такие, которые нельзя назвать бесспорными. Например, скульптору предлагали заменить военную шинель буркой. И все-таки это была заслуженная победа! И Александр Михайлович чувствовал такой же душевный подъем, как и после присуждения первой премии на третьем конкурсе проектов памятника А.С. Пушкину в 1875 году.

Кроме этой конкурсной модели, ставшей основой при создании пятигорского памятника, скульптор в ходе творческих поисков останавливался еще на одном варианте. Он, к сожалению, малоизвестен. Поэтому расскажу о нем подробнее. Опекушиным был сделан эскиз, представлявший собой стоящую во весь рост фигуру М.Ю. Лермонтова. На офицерский сюртук накинута, как плащ, шинель. Так делали тогда многие офицеры на Кавказе. Поэт стоит, опираясь на правую ногу и подбоченясь левой рукой. Скульптор изобразил поэта с непокрытой головой. меховую шапку мы видим внизу в его крепко стиснутой правой ладони. Во всей фигуре видна хорошая военная выправка. Немного повернув голову влево, Михаил Юрьевич, задумавшись, смотрит вдаль. Как будто он видит Кавказские горы. Очень выразительно лицо поэта. Оно энергично. Это лицо решительного и смелого человека. А.М. Опекушин изготовил этот эскиз из окрашенного гипса. К счастью, он сохранился и находится в фондах Государственного Русского музея. Если бы и этот проект был тоже осуществлен скульптором, то наши соотечественники

имели бы сейчас еще один замечательный памятник Михаилу Юрьевичу Лермонтову.

Медленно, но последовательно скульптор дорабатывал свою модель. 10 июня 1885 г. А.М. Опекушин и уполномоченный Комитета по сооружению в Пятигорске памятника поэту М.Ю. Лермонтову А.М. Байков заключили договор об изготовлении статуи поэта для памятника.

Скульптор рассматривал как очень важную задачу — привязку образа Лермонтова к окружающей местности. Поэтому он специально поехал в Пятигорск, чтобы самому изучить место установки будущего памятника. Сначала многое вызывало у него опасения. Место представляло крутой обрыв с размытыми от дождей рывтинами. Каждый раз после дождя потоки грязи неслись на Соборную площадь. Однако его заверили, что к моменту установки монумента всё будет приведено в порядок. Специально для памятника будет создан сквер. Александр Михайлович отметил и хорошие стороны выбранного места. Оно находилось в центральной части города, против Соборной площади. Созданный им скульптурный образ поэта будет органически включен в величественный пейзаж. Памятник предполагалось поставить на несколько возвышенной плоскости. За плечами поэта будет небо и горы Кавказа.

А между тем в России сбор пожертвований на сооружение памятника М.Ю. Лермонтову продолжался. Общественные деятели, писатели, художники, артисты организовывали различные благотворительные акции. Вот только два примера! В марте 1885 года художник-иллюстратор Г.П. Кондратенко устраивает в Петербурге в помещении Общества поощрения художеств выставку своих картин, посвященных видам местностей, связанных с воспоминаниями о великом поэте. Сбор с этой выставки предназначался на сооружение памятника. 15-го июля 1887 года в Пятигорске светскими дамами-патронессами был устроен бесприигрышный базар и танцевальный вечер в гостинице «Минеральные воды», сбор с которых поступил на пополнение фонда на сооружение памятника М.Ю. Лермонтову. Участие в благотворительном базаре принимала Э.А. Шан-Гирей, урожденная Верзилина (известно, что Лермонтов бывал в доме у Верзилиных, и его якобы роковая ссора с Н.С. Мартыновым произошла на вечере у Верзилиных). Как говорилось в опубликованном в начале августа 1889 года официальном сообщении Комитета по сооружению памятника поэту М.Ю. Лермонтову в Пятигорске, «всех пожертвований до настоящего времени с разных концов Империи поступило 40 394 руб. 77 коп.; к ним

причислены проценты с капитала — по купонам от государственных бумаг 11 998 р. 18 к. и по бессрочному вкладу 525 р. 34 к., и полученной разницы от покупки и продажи процентных бумаг 1 488 р. 17 коп. Таким образом, капитал на сооружение памятника определяется цифрой 54 409 р. 46 коп.».

С 10 ноября 1832 года, по 13 декабря 1834-го М.Ю. Лермонтов обучался и воспитывался в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В 1839 году школа переехала по новому адресу в Петербурге — Новопетергофский проспект, дом 24 и стала именоваться Николаевским кавалерийским училищем. Этого русского поэта в Николаевском кавалерийском училище всегда считали «своим». В стенах училища бережно сохранялась память о нем. Здесь юным Михаилом Лермонтовым создавались первые обратившие на себя внимание произведения поэта: «Хаджи-Абрек» и «Демон». И вполне закономерно, что у руководства училища возникла мысль: устроить при этом учебном заведении Лермонтовский музей наподобие Пушкинского музея в Александровском лицее. Эта идея была поддержана вышестоящим начальством. И в марте 1881 года начальник Николаевского кавалерийского училища генерал-майор Александр Александрович Бильдерлинг обратился в печати ко всем лицам, знавшим поэта и близким к нему, с просьбой передать в создававшийся музей всё, что у них было ценного для задуманного предприятия. В Лермонтовском музее желательнее было собрать: 1. Все номера журналов (начиная с «Библиотеки для чтения» 1837 г., где появились первые его публикации), альманахи, разные литературные сборники, в которых печатались произведения поэта, а также отдельные издания. 2. Все исследования, посвященные жизни и творчеству М.Ю. Лермонтова. 3. Все многочисленные переводы произведений Лермонтова на иностранные языки и отзывы о нем зарубежных писателей. 4. Все гравюры, произведения живописи и скульптуры, связанные с жизнью и творчеством поэта. 5. Все музыкальные произведения на темы и слова лермонтовских произведений. 6. Рукописи Лермонтова, его портреты, вещи, ему принадлежавшие. Успех воззвания превзошел все ожидания. Откликнулись многие. Например, немало раритетов передал в музей близкий знакомый М.Ю. Лермонтова А.А. Краевский. А.А. Бильдерлинг стал получать денежные пожертвования, книги, журналы, рукописи, портреты, автографы, различные вещественные реликвии, связанные с поэтом. Образовался ценнейший музейный фонд! В специальном отделе были собраны некоторые конкурсные проекты памятника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Среди

них работы И.П. Фреймана, Р.Р. Баха, А.М. Опекушина, М.А. Зичи, А.Пугачевского и др. 18-го декабря 1883 года Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище был официально открыт. Так создавался первый в России музей, посвященный М.Ю. Лермонтову.

После победы А.М.Опекушина на третьем конкурсе А.А. Бильдерлинг обратился к скульптору с большой просьбой: сделать еще одну статую поэта для Лермонтовского музея. Александр Михайлович исполнил эту просьбу. К сожалению, мне не удалось установить точно, было ли это просто копией памятника в Пятигорске или же это еще один вариант статуи поэта. До 1917 г. статуя М.Ю. Лермонтова простояла в саду училища рядом с бюстами других питомцев школы — М.П. Мусоргского и П.П. Семенова-Тяньшанского.

В июле 1886 года в Пятигорске приступили к постановке фундамента для памятника М.Ю. Лермонтову, а также к рас- планировке парка, который будет окружать этот монумент. Побывавший на месте строительства корреспондент «Русского курьера» написал: «Пока же могу сообщить, что фундамент для памятника М.Ю. Лермонтову уже работается, а вокруг его разбивается сквер, за который надо нам благодарить нашего дорогого поэта, так как без него мы еще долго бы не додумались обратить в сквер нашу мусорную ложбину в центре города у подножия двух храмов: православного и католического».

В октябре этого же года появились сообщения, что открытие памятника последует 15-го июля 1887 года — ко дню гибели поэта. Но этого не произошло, и дата открытия памятника будет постоянно откладываться. Не обошлось в большом деле без злоключения! В 1887 г. скрылся за границу, получив вперед деньги на сумму 3000 рублей, мраморщик, итальянец Эспозито. Он должен был сделать для памятника пьедестал в виде мраморной скалы. Пришлось искать другого мастера. Наконец изготовление гранитного пьедестала поручили мастеру — итальянцу С.А. Тонетти, опять заплатив аванс... Члены Комитета торопили скульптора А.М. Опекушина с изготовлением статуи. Но ему одновременно пришлось трудиться и над другими памятниками. Поэтому с окончанием статуи скульптор запаздывал.

В апреле 1889 г. лепка колоссальной статуи М.Ю. Лермонтова была Александром Михайловичем полностью закончена. Ее высота составила 2,35 метра. В начале мая этого же года статуя поэта, художественно вылепленная из гипса академиком А.М. Опекушиным, сдана на бронзолитейную фабрику «А. Моран и К.» для отливки ее из бронзы. Памятник

хотели открыть 15-го июля 1889 года — в день дуэли поэта. Однако открытие опять пришлось перенести. В июле того же года на фабрике «А. Моран и К.» была устроена публичная выставка отлитой из бронзы статуи М.Ю. Лермонтова, изготовленной для постановки в Пятигорске. Бронзовая статуя поэта помещалась на дворе фабрики среди бюстов Орлова-Чесменского, Потемкина (изготовленных для открытия в Симферополе памятника императрице Екатерине II), К.Э. Бэра, М.И. Глинки. Пришедший на выставку корреспондент одной из петербургских газет делился своим впечатлением: «Статуя имеет $3\frac{1}{2}$ аршина высоты; поэт изображен сидящим или, лучше сказать, «присевшим» на скале; одна нога упирается на землю, другая (левая) откинута назад; правой рукой он подперся, задумчиво и сосредоточенно глядя в даль... Поэт молод, почти юн, с небольшими усиками, открытым челом и горделивой осанкой. На нем офицерский сюртук, шинель упала с плеч, волосы взбиты. У ног лежит толстая книга или тетрадь, раскрытая с загнувшейся страницей; она скорее брошена, чем положена. Статуя отлита из матовой бронзы с оригинала работы Опекушина. Сегодня, при приеме памятника, присутствовали, кроме г. Опекушина, члены Комиссии, заведующей сооружением памятника (под председательством атамана Терского казачьего войска Смекалова) и многие художники. По общим отзывам, отливка памятника весьма удачна».

В мае 1889 года для возведения гранитной скалы в Пятигорск из Крыма доставили массивные глыбы «числом восемь и весом свыше 2000 пудов». Согласно контрактным условиям, скала окончательно будет изготовлена мастером-мраморщиком С.А. Тонетти к первому июля. Итальянец добросовестно выполнил свое обещание.

Ко времени открытия памятника много было сделано для благоустройства окружающей его местности. Создан прекрасный сквер, по очертаниям напоминавший лиру. Сквер обнесли чугунной литой решеткой и каменными тротуарами. Появилось удобное место для гулянья публики. Была возведена капитальная подпорная стена из местного плитного камня, что позволило поднять фундамент памятника на довольно значительную высоту. В результате воздвигавшийся монумент стал виден с далекого расстояния и выглядел более эффектно. С площади сквера открывался великолепный вид на город, его окрестности и цепь снеговых гор. Работа по благоустройству окружающего ландшафта велась под руководством архитектора Н.А. Дорошенко.

2-го августа 1889 года 80-типудовая статуя М.Ю. Лермонтова была привезена в Пятигорск. Для установки памятника из Петербурга в Пятигорск 5-го августа прибыл академик А.М. Опекушин с мастерами. Когда ставили памятник, собралось много народу. И была допущена следующая оплошность. Памятник ставили открытым, и как только монумент освободился от лесов, один из фотографов успел сделать снимок, и фотография с памятника появилась в продаже ранее официального дня его открытия. После этого А.М. Опекушин сразу же распорядился монумент покрыть холстом. Стоимость исполненной скульптором по его же проекту и высочайше одобренной бронзовой статуи М.Ю. Лермонтова обошлась в сумму 14 179 руб. 20 коп., стоимость скалы (пьедестала) из крымского гранита с установкой — 6 023 руб. 82 коп. Академику А.М. Опекушину за поездку с мастерами из Петербурга в Пятигорск для установки на месте памятника было выплачено 1000 рублей. Всего же в результате всех подготовительных работ израсходовано 49 093 руб. 41 коп. Остаток собранной суммы, составивший 5 313 руб. 5 коп., члены Комитета решили употребить на возведение в цветнике сквера легкой беседки или павильона для читальни, на постройку каменной колонны на месте дуэли поэта. Некоторая часть выделялась в распоряжение начальника Николаевского кавалерийского училища на расходы по пополнению экспонатов Лермонтовского музея. Обо всех производившихся тратах Комитет регулярно и скрупулезно отчитывался перед общественностью на страницах центральной печати.

Памятник был окончательно установлен, и 16 августа 1889 года состоялось его торжественное открытие. Накануне этого события газета «Одесские новости» писала: «Завтрашнее торжество в Пятигорске — торжество, в котором принимает участие вся грамотная Россия. По грошам, в течение 18 лет, повсеместно собирались пожертвования на сооружение памятника нашему незабвенному певцу — и вот, наконец, завтра колоссальная бронзовая статуя его украсит пятигорский сквер. Памятник поднят на довольно значительную высоту и будет виден даже с далекого расстояния».

Весьма знаменательно, что монумент установили возле красивейшего кафедрального Спасского собора, где находилась часовня-усыпальница знаменитого героя Кавказской войны генерала Николая Ивановича Евдокимова.

В этот день, с утра, народ в нарядных костюмах стал собираться к собору и скверу. Открытие памятника происходило по программе, заранее объявленной в Пятигорске для обще-

го сведения. По окончании в соборе заупокойной литургии и панихиды по «усопшем рабе Михаиле» все присутствовавшие в храме во главе со священниками и Начальником Терской области и последним председателем Комитета наказным атаманом А.М. Смекаловым направились к памятнику. К процессии присоединялись прибывшие депутации от войск, учреждений и обществ с венками. По прибытию к памятнику хор музыки Тенгинского полка исполнил «Коль славен наш Господь в Сионе». После этого генерал-лейтенант А.М. Смекалов обратился ко всем собравшимся с приветственной речью, где, в частности, сказал: «На мою долю выпал редкий жребий довести до конца дело, начатое во время служения моего в Терской области, и сегодняшний день, открывая памятник великому поэту, я считаю одним из счастливейших дней моей жизни».

После горячей и прочувствованной речи генерал-лейтенанта А.М. Смекалова, закончившейся словами: «Провозглашаю памятник открытым!», покрывало с монумента моментально пало и все воспитанники пятигорских учебных заведений запели народный гимн «Боже, Царя храни». Было 12 часов дня. Несмолкаемые крики «ура!» возвестили Пятигорску торжественное открытие памятника М.Ю. Лермонтову. Великий русский поэт как бы снова вернулся в Пятигорск.

После открытия памятника стали произноситься речи и возлагались венки. Полковой командир Тенгинского полка, в рядах которого служил Лермонтов, возложил очень ценный серебряный венок, и хор музыки Тенгинского полка заиграл марш «Лермонтов», специально написанный для этого дня. Венки были поднесены от общественного городского управления, администрации Кавказских минеральных вод, от осетинского юношества, Пятигорской прогимназии, некоторых других учебных заведений, журнала «Северный вестник» и нескольких периодических кавказских изданий. Все возложения сопровождалось очень короткими, официальными приветственными речами. По окончании возложения венков войска прошли церемониальным маршем. На всем обширном пространстве громадной площади, раскинувшейся внизу под холмом, на котором находится Лермонтовский сквер, толпился народ, одетый в самые разнообразные кавказские и европейские костюмы. В толпе густо мелькали украшенные серебром и золотом черкески и белые папахи. Вся площадь была залита южным августовским солнцем.

К часу дня все депутации и приглашенные лица собрались в помещении Пятигорского общественного собрания, где был приготовлен завтрак на 178 человек. Небольшой зал

собрания был красиво убран флагами и щитами, на одном из которых виднелось знаменитое четверостишие Лермонтова, из стихотворения «Смерть поэта»:

*Убит! к чему теперь рыдания?
Похвал и слез ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья?!
Судьбы свершился приговор.*

Во время завтрака балльный казачий оркестр очень удачно исполнил увертюру из оперы «Кавказский пленник» композитора Ц. Кюи «У памятника Лермонтова», попури из оперы «Евгений Онегин» и другие музыкальные произведения. Председатель Комитета атаман А.М. Смекалов в небольшой речи о значении праздника указал на полное сочувствие и оказанную поддержку этому торжеству со стороны императора Александра III. Повернувшись к присутствовавшему здесь академику А.М. Опекушину, атаман А.М. Смекалов провозгласил тост: «За автора памятника М.Ю. Лермонтову!»

Среди пришедших на литературный праздник были и троюродная племянница поэта Е.А. Шан-Гирей, оставившая позже об этом свои воспоминания, и уже пожилой соборный протоиерей Василий Эрастов, в далеком июле 1841 года отказавшийся отпевать М.Ю. Лермонтова по обрядам православной церкви. По желанию многих, о. В.Эрастов рассказал, как ему было строго предписано консисторией не совершать «над самоубийцей поручиком Лермонтовым» погребального христианского обряда, а закопать в мешке труп вне ограды церковной. Но времена меняются, и тот же священник не только совершал панихиды по погибшему поэту, но и участвовал в торжестве открытия ему памятника. По окончании завтрака всем желающим было предоставлено выступить по случаю праздника. И здесь, на фоне других выступлений, очень ярко прозвучала речь профессора Военно-Медицинской академии Е.В. Павлова, в частности сказавшего: «Праздник 16-го августа 1889 г. в Пятигорске есть торжество правды, торжество идеала истины, добра и красоты... Скоро ли, долго ли, но правда восторжествует. Это мы видели сегодня — в открытии памятника Лермонтову».

Выдающийся осетинский поэт и живописец Коста Хетагуров, как представитель осетинского юношества принявший участие в открытии памятника М.Ю. Лермонтову и возложении у памятника венка «От сынов Кавказа», в своем выступлении напомнил собранию о лермонтовском «Проро-

ке» и высказал пожелание: «Пусть этот праздник послужит стимулом для нашего возрождения к лучшему, честному, доброму, пусть поэзия Лермонтова жжет наши сердца и учит нас правде». Специально к торжеству Коста Хетагуровым было написано стихотворение «Перед памятником», прочитанное им тогда.

Александр Михайлович Опекушин присутствовал при открытии памятника и всех последовавших потом торжествах в Пятигорске. Здесь и произошло его памятное знакомство с поэтом К.Хетагуровым. Их познакомил учитель рисования Ставропольской мужской гимназии В.И. Смирнов, в прошлом ученик Императорской Академии художеств. Этот эпизод показан в советском фильме «Сын Иристана» (1959). Это единственный художественный фильм, где мы можем увидеть живого великого русского скульптора.

Интересные воспоминания об А.М. Опекушине оставила Е.А. Шан-Гирей. Она писала: «16 августа скульптор Опекушин привез памятник Лермонтова, и когда был он поставлен, на открытие памятника были приглашены и мы. Опекушин стоял около памятника и держал в руке конец шнура от белого чехла, которым был покрыт памятник, и когда всё общество установилось по местам, он дернул шнур, чехол поднялся вверх и открылся памятник; была сказана благодарственная речь Опекушину. Все сразу заволновались и заговорили о памятнике».

Начавшийся в час дня завтрак окончился в... 9 часов вечера. Лишь только стемнело, на улицах Пятигорска, в особенности в центральной части его, на бульваре, началось народное гуляние. Город осветился разноцветными огнями, которыми особенно была красиво украшена балюстрада Лермонтовского сквера. Народ запрудил все аллеи и дорожки цветника и бульвара. Марши и вальсы, исполнявшиеся военным оркестром, перемешивались с заунывными кавказскими песнями. Вечернему торжеству способствовала прекрасная лунная ночь и почти безветренная тихая погода.

Открытие памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске не стало таким крупным общенациональным событием, как открытие памятника А.С. Пушкину в Москве. Это получился больше кавказский праздник, где в толпе присутствовавшей публики более всего мелькало черкесок. Корреспондент газеты «Сын отечества» с сожалением констатировал: «Против ожиданий и к великому недоумению почти всего города, празднество приняло вполне скромные размеры, и было чисто местного характера. Администрация города и участники комиссии по устройству памятника выработали хорошую

программу чествования и сделали всё, чтобы привлечь русскую интеллигенцию в ее представителях на всероссийское торжество чествования 75-летней памяти русского поэта. Нам известно, что были посланы пригласительные телеграммы в 25 редакций столичных и провинциальных периодических изданий, во все российские университеты и многие ученые учреждения. Но на этот призыв откликнулось только несколько ближних кавказских изданий и одно одесское».

На пятигорском торжестве присутствовал писатель Всеволод Соловьев. Однако на открытие памятника так и не приехали многие известные писатели, редакторы, деятели искусства и науки, ограничившиеся присылкой приветственных телеграмм. Во многом это связывали с запоздалой рассылкой приглашений на участие в празднике. Так произошло, например, с дерптским профессором П.А. Висковатовым, к которому пришла телеграмма с большим запозданием. Очень поздно сообщили о дате открытия памятника телеграфные агентства. Русский писатель и публицист князь В.П. Мещерский язвил на страницах газеты-журнала «Гражданин»: «Наше «Северное Телеграфное Агентство» об этом русском торжестве ни одним словечком не обмолвилось. Другое дело, если князь Бисмарк чихнет, — тогда русские газеты непременно бы получили известие, что его сиятельство изволил чихнуть, а сын Бисмарка, граф Герберт Бисмарк, выпил на-тошак кружку пива».

Всего восемь дней не дожидаясь открытия памятника друг М.Ю.Лермонтова и публикатор его произведений А.А. Краевский, скоропостижно скончавшийся в Павловске. Не смог приехать на столь долгожданное общественно-литературное торжество ростовский городской голова Андрей Матвеевич Байков, так много сделавший для претворения идеи открытия памятника великому русскому поэту в жизнь. Тяжело больной, он будет вынужден уехать на лечение в австрийский город Меран, где 18 сентября 1889 года скончается. И еще. Само открытие памятника назначили тогда, когда большинство отдыхавшей публики уже разъезжалось.

Жители Пятигорска полюбили своего бронзового Лермонтова. Он по праву стал одним из символов города. 15 октября 1964 года вся наша страна торжественно отмечала 150-летие со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. В Пятигорске к памятнику пришли тысячи людей. Сюда приехали посланцы литератур из союзных и автономных республик, гости из зарубежных стран. Было много цветов. Вдали отчетливо виднелся Эльбрус, а дальше угадывался Казбек — горы,

знавшие Лермонтова и воспетые им в неповторимых строках. Выступая у подножия памятника, поэт Ян Пиларж передал горячий привет из Чехословакии и рассказал о любви его соотечественников к великому поэту...

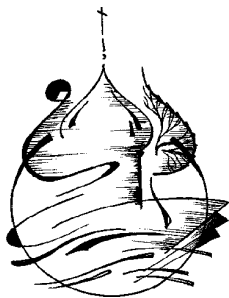
15 октября 1968 года, в день рождения поэта, у подножия памятника впервые собрались участники ежегодного Всесоюзного Лермонтовского праздника поэзии. Приехали многочисленные гости из различных городов нашей огромной страны, а также из зарубежных стран. Вновь зазвучали лермонтовские поэтические строки. И к пьедесталу вновь легли венки и букеты цветов. С тех пор проведение таких праздников лермонтовской поэзии становится доброй традицией. Жизнь и время мудро всё расставили по своим местам. Ныне, по мнению большинства специалистов, памятник М.Ю. Лермонтову в Пятигорске — лучшее изображение поэта в нашей монументальной скульптуре. Ежегодно в дни памяти М.Ю. Лермонтова — 15 октября и 27 июля — у подножия памятника проходят поэтические митинги. Здесь выступали Сергей Михалков, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Раиса Ахматова, Алим Кешоков, литературоведы Ираклий Андроников, Дмитрий Благой, ученый-лермонтовед Виктор Мануйлов и др. Многие поэты посвятили этому памятнику свои стихи. 27 августа 1989 года в Пятигорске особенно торжественно отметили 100-летие со дня открытия памятника М.Ю. Лермонтову. Михаил Юрьевич вновь собрал здесь, на пятигорской земле, поэтов, прозаиков, художников, ученых и всех, кому дороги бесценные лермонтовские произведения. Великие поэты действительно бессмертны.

ПОКОРИТЕЛЬ КАВКАЗА

В народной памяти ещё как-то удерживаются имена советских полководцев, героев Великой Отечественной войны: Жукова, Василевского, Конева, Рокоссовского... Из полководцев же XIX века помнят только Кутузова, ну, может, ещё Скобелева. Что ж, человеческая память имеет свои пределы...

А между тем XIX век был, как и век XVIII, насыщен боевыми событиями: война с Персией в 1804—1813 гг., с Наполеоном в 1805—1807 гг., с Турцией в 1806—1812 гг., со Швецией в 1808—1809 гг., с Наполеоном в 1812—1814 гг. (Отечественная война и Заграничный поход), с Персией в 1826—1828 гг., с Турцией в 1828—1829 гг., с польскими мятежниками в 1830—1831 гг., подавление венгерского восстания по просьбе австрийского императора в 1848 г., Крымская война в 1853—1856 гг., подавление польского мятежа в 1863—1864 гг., покорение Средней Азии в 1864—1881 гг., война с Турцией в 1877—1878 гг.

Среди этих событий — Кавказская война в 1817—1864 гг., самая продолжительная в русской истории. Началась

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

она после добровольного вхождения в состав России Грузии и ряда православных закавказских княжеств и присоединения к России нескольких небольших прикаспийских ханств после победоносной войны с Персией.

В тылу оказался Северный Кавказ, населенный разноразными, преимущественно мусульманскими племенами, которые не пожелали подчиняться иноверческому царю и одним из основных занятий которых были разбои, грабежи и захват в плен с целью выкупа или продажи в рабство русских земледельцев из приграничных районов (подробнее см. «МГ», 2025, №4, с. 211—231). Покорение горцев шло хотя и неторопливо, но упорно и успешно. Однако в 1826 г. ушёл в отставку командующий Кавказским корпусом решительный генерал Ермолов, и одновременно на Северном Кавказе в районах Чечни и Дагестана стал широко распространяться мюридизм — фанатичное течение в исламе, подразумевающее полное самоотречение, беспощадную борьбу с гяурами (неверными, буквально — собаками) и полное, безоговорочное подчинение имаму (духовному вождю).

В 1834 г. во главе мюридов встал имам Шамиль, признанный мюридами главой Северо-Кавказского имамата (теократического государства), в котором он объединил горцев восточной части Северного Кавказа. Волевой, фанатичный, безжалостный, он оказался талантливым организатором, грамотным командиром и военным тактиком и пользовался огромным авторитетом у местного населения. Умело используя горно-лесистую местность и ошибки русских командиров, эффективно маневрируя своими вооружёнными силами, он нанёс несколько серьёзных поражений русским войскам и даже отвоевал ряд населённых пунктов, ранее взятых русскими. Он терпел и поражения, с остатками своих сил попадал в, казалось бы, безнадёжные окружения, потерял жену и младшего сына, но каждый раз ускользал, вновь создавал вооружённые отряды и вновь поднимал своих сторонников на борьбу.

В 1856 г. командующим Отдельным Кавказским корпусом (с 1857 г. главнокомандующим Кавказской армией) и Кавказским наместником был назначен генерал от инфантерии князь Александр Иванович Барятинский, о жизни которого следует сказать несколько слов.

Родился он 210 лет назад, 14 мая (н. ст.) 1815 г., в богатейшей семье (36 тыс. душ крепостных) древнего боярского рода, считался Рюриковичем в 20-м поколении. Его предок князь Михаил Черниговский был причислен к лику святых Русской Православной Церкви за мученическую смерть в ставке хана Батыя. Вопреки завещанию рано умершего отца и

желанию матери, Барятинский в 16 лет поступил на военную службу (в школе гвардейских подпрапорщиков учился вместе с М.Ю. Лермонтовым).

Как и большинство гвардейцев, вёл жизнь повесы — предавался кутежам, любовным похождениям и был героем многих скандальных историй, за что неоднократно сидел на гауптвахте. В конце концов, даже покровительствовавший ему Император Николай I не выдержал: приказал арестовать его на пять месяцев, а затем отправить перевоспитываться на Кавказ в Кабардинский егерский полк. Там 20-летний князь отличился в боях и был тяжело ранен. За проявленную удачу был награждён золотой саблей с надписью: «За храбрость». По возвращении в Петербург был назначен в свиту наследника престола цесаревича Александра.

Вторая «командировка» князя на Кавказ состоялась через 10 лет, в 1845 году. В чине полковника он командовал 3-м батальоном родного ему Кабардинского полка, который отличился при взятии Дарго, ставки Шамиля, разгромив 6-тысячный отряд противника, укрывшийся за завалами. Сам комбат был ранен в ногу, но продолжал командовать до конца сражения. За проявленные храбрость и мужество был награждён орденом Св. Георгия IV степени.

После кратковременной поездки на лечение Барятинский с Кавказом уже надолго не расставался. Там он демонстрировал свой полководческий талант на всех военных должностях — командира того же Кабардинского полка (1847 г.), командира Кавказской резервной гренадёрской бригады (1850 г.), командира 20-й пехотной дивизии (1851 г.), начальника главного штаба войск на Кавказе (1853 г.), командира корпуса на турецкой границе (1854 г., где за победоносное сражение при Кюрюк-Гаре награждён орденом св. Георгия III степени).

В 1856 г. Император Александр II назначил А.И. Барятинского главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом, где тот во всём блеске и проявил свои способности полководца и стратега. Как полководец он отказался от кровопролитных карательных походов и избрал тактику «удушения». Три русских отряда, Чеченский, Дагестанский и Лезгинский, действуя с трёх направлений, стали постепенно, вырубая леса и строя новые укрепления, уменьшать контролируемую Шамилем территорию и лишать его армию манёвра. Делал он всё очень обстоятельно: обеспечивал своим солдатам хорошее вооружение, обмундирование и питание и активно использовал артиллерию, что в совокупности многократно сократило русские боевые потери.

Как стратег, глубоко изучивший менталитет горцев, он широко применял экономические и психологические методы: финансово поощрял их переход к мирной созидательной жизни, охотно принимал самых воинственных из них на службу Русскому Царю. Он умел находить с ними общий язык и, хотя был непримирим к самым отталкивающим местным обычаям, был уверен, что горцы вполне способны мирно жить в Российской Империи при сохранении некоторых элементов их внутреннего самоуправления. Уважение и доверие к князю у местного населения год от года росло.

Тактика и стратегия А.И. Барятинского привели к закономерному результату — в августе 1859 года Шамиль сдался ему лично в плен. Этот момент был вершиной всей Кавказской войны и звёздным часом генерал-фельдмаршала Барятинского. Оставалось еще замирить черкесов на западе, но эта начатая им операция закончилась уже после ухода Александра Ивановича в отставку в 1862 г.

В последние годы жизни он тяжело болел и умер в 1879 г. от болезни сердца в Женеве в возрасте 63-х лет. Прах его был перевезён в Россию и похоронен в родовом имении Марьино Курской губернии. Его именем были названы станица и улицы во многих городах Северного Кавказа, которые в советское время все были переименованы. Уже в наше время в усадьбе Марьино ему установлен памятник, а в ауле Гуниб сохранился камень, сидя на котором он ожидал сдачи в плен Шамиля. Кстати, до конца своих дней Шамиль писал тёплые письма Барятинскому.

ВСЕМИРНАЯ ПАЛАТА №6

Что ни говори, а мы живем в эпоху информации. Беспре-
рывным потоком изливается она на наши головы, и мы обре-
ченно барахтаемся в этом необозримом океане, наполненном
буквами, символами, картинками, видео и прочими прояв-
лениями человеческой коммуникации. Каждый день прино-
сит множество вызывающих удивление новостей. По боль-
шей части бессмысленных и бесполезных. Вслед за удивле-
нием наступают смех и горечь. Поистине порой кажется, что
мир превратился в одну огромную психиатрическую боль-
ницу. Концерты с безудержными танцами устраиваются на
могилах предков, храмы переоборудуются в рестораны и вы-
ставочные залы, а похороны превращаются в развлекатель-
ное шоу.

Достаточно взглянуть на ленту новостей: концерты опер-
ной певицы, певца, репера, балерины... По-
минки по свинке Пеппи... Президент Литвы
призвал пересмотреть христианские постула-
ты... Лучший ароматный напиток... — это уже
реклама включилась. Покупаешь машину и
получаешь кэшбэк... Банк с человеческим
лицом... Мы заботимся о ваших сбережениях

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

в наших интересах. Лучшая колбаса для вас... Визит канцлера ФРГ... Премьер-министр Италии заявил... Наши макароны известны во всем мире... Немецкие ученые доказали... Студия анализов «Играй гормон!»... Актриса Маис съелась в купальнике... Олимпиада парикмахеров и кулинаров... В Антарктиде обнаружены... Цирковое шоу шагающих экскаваторов... Китай запустил ракету на Луну... Блогер Чебурек ест чебуреки... Нашлась пропавшая месяц назад собака... Корейцы не успели приготовить любимое мясное блюдо... Фестиваль нудистов-наркоманов...

Журналисты всех мастей и изданий мира как мантры повторяют друг за другом одни и те же новости и комментарии к ним. Нисколько не задумываясь о смысле и тем более о последствиях. Ну не их это дело — смысл и последствия, пусть другие расхлёбывают.

Новостное и развлекательное производство работает бесконечно и непрерывно. Вам кажется, что вы выбираете нужную вам информацию, а остальное игнорируете? Вы ошибаетесь. На подсознательном уровне наш мозг усваивает всё. Отсюда перегрузка и психическое перенапряжение. Если добавить к этому отшибающую разум современную музыку и шизофреническое изобразительное искусство да умножить на навязчивую рекламу, идиотские ролики блогеров, видео с насилием, убийствами и порно, то мало не покажется. Как мы понимаем, история с коронавирусом и продолжающаяся СВО тоже не способствуют душевному равновесию.

Стоит ли удивляться огромному числу неадекватных и психически больных людей? Скоро уже нормальные люди окажутся в меньшинстве. Какое светлое будущее нас ожидает при таких перспективах?

По статистике Минздрава в России на учете в психиатрических медучреждениях состоит почти полтора миллиона человек. 5,6 миллиона страдает психическими расстройствами.

На Западе эти показатели еще более удручающи. Так, по данным института показателей и оценки здоровья Вашингтонского университета, от психических расстройств страдает до 50 млн. человек.

Но что нам с того? Будущее-то всего мира зависит сейчас от России. Но вот каким оно будет? Насколько хорошими специалистами и гражданами могут быть неадекватные и психически нездоровые люди? Некоторые психологи считают, что психические отклонения в той или иной мере встречаются у каждого третьего или пятого жителя.

Самые распространенные расстройства нашего времени: 1) Психозы, слабоумие и деменция; 2) Умственная отста-

лость; 3) Депрессия и тревожность; 4) Шизотипические и биполярные расстройства; 5) Зависимость и последствия употребления психоактивных веществ.

Для полноты картины нужно добавить и воздействие цифровых технологий. Особенно на подрастающее поколение. Цифровая зависимость и цифровая деменция уже стали обыденностью. Молодежь, как правило, новостями политики, искусства или науки не интересуется. У нее востребованы блогеры и компьютерные игры. Многие школьники уже страдают зависимостью от гаджета. Несмотря на это, Минпросвещения и Минцифры продолжают активно внедрять в школах цифровые технологии. О вреде повальной цифровизации я писал неоднократно. В частности, в статьях: «Рабы цифры», «Человек и цифровая угроза», «Инвалиды ментального фронта», «Здравствуй, племя младое, незнакомое...», «Какой вред от гаджетов?» Здесь же ограничусь вопросом: какова вероятность, что ребенок не станет зависимым, если все его сверстники постоянно используют айпады и айфоны, а приходя домой, он видит родителей, не выпускающих гаджеты из рук? Любые беседы и увещания в такой ситуации бессмысленны. Нужны решительные действия и личный пример. Чего, увы, не наблюдается.

Напомню, что цифровая зависимость неизбежно влечет за собой и другие расстройства. Депрессия, тревожность, агрессия — неизбежные спутники виртуального мира. В тяжелых и запущенных случаях доходит и до психических заболеваний. Среди них первенствуют шизофрения и эпилепсия. Впрочем, и остальные психиатрические прелести ожидают неподалеку. Неизбежная расплата за комфорт и отсутствие физической активности — потеря жизненного тонуса и воли к жизни. В итоге получается, что типичный современный человек мало приспособлен к жизни. Особенно в природных условиях, где возможность поесть, попить и личная безопасность целиком зависят только от тебя самого. Гораздо спокойнее неделями не выходить из квартиры, пользоваться всеми удобствами и заказывать доставку еды на дом. Чем более отдален человек от естественных условий жизни, тем выше вероятность его неадекватности. Пренебрежение моральными нормами также не способствует психическому здоровью. Замкнутый круг.

Глядя на западных политиков, артистов и прочих публичных личностей, поневоле усомнишься в их адекватности. Макрон, Стармер, Бербок, Калас явно нуждаются в психологическом, а возможно, и психиатрическом сопровождении. Про выжившего из ума Байдена (уже забытого) и наркомана

Зеленского и говорить не приходится. И эти люди определяют судьбы своих народов и человечества. Увы, многие западные граждане вполне достойны своих правителей. Гей-парады, наркотики и повальная малограмотность свидетельствуют о больших проблемах с психикой. Могут ли обитатели сумасшедшего дома вылечиться, если полностью перейдут на самоуправление? Вопрос риторический.

Возвратимся все же к состоянию русского народа и нашему будущему. СВО в полной мере обнажила проблему психического здоровья наших граждан, которая приобрела уже социальный масштаб. Мы воюем со страной, в которой психическая неадекватность людей стала нормой жизни. В этом плане украинцы впереди планеты всей. Они живут в своей параллельной реальности, где Украина готовится к победному параду на Красной площади. Смешно? А многие украинцы свято верят в этот бред до сих пор. В мировом сумасшедшем доме Украина — палата для особо буйных. Перед нами наглядный пример воздействия манипуляции массовым сознанием, воспринятой не только без всякой критики, но и с огромным энтузиазмом. У нас вроде как закончился массовый психоз, вылившийся в штурмы Верхнего Ларса и прочих пограничных с Россией пунктов как будто бы адекватной молодежью. Но ключевое слово здесь «как будто». Кто может дать гарантию, что подобное не повторится? Пенсионеры, поджигающие военкоматы, подростки, ломающие релейные шкафы железной дороги. Борцы за либеральные ценности с помощью терактов. Ученики, избивающие, убивающие и калечащие других школьников. Разве это нормально? Целая армия психологов и психиатров не справится с таким количеством психических отклонений. И еще один очень неудобный вопрос: где гарантия, что сами психологи, призванные помогать другим, не страдают душевными расстройствами?

Нужны срочные государственные меры. Пропаганда здорового образа жизни должна включать также технику безопасности и защиты от информационно-цифрового воздействия, правила психической гигиены. Внедрение цифровизации в школах нужно немедленно отменить, слишком негативно она влияет на формирование личности. Возвращение к традиционным ценностям подразумевает отказ от разрушительных для психики направлений массовых видео, игровой и музыкальной продукции. С экранов телевизоров и гаджетов должны пропасть сцены насилия, эротики и прочие авангардные изыски. С другой стороны, нужны не только прекрасные образцы песен, фильмов и картин прошлого, но и новые, отвечающие критериям настоящего искусства. Я вполне понимаю,

что вряд ли эти меры будут приняты и реализованы. Значит, надо готовиться к худшему. В конце концов, в условиях глобального взаимодействия стран и цивилизаций России вряд ли удастся остаться вне всемирного дурдома.

Единственной реальной силой, способной противостоять нарастающему мировому безумию остается только живая Православная вера. Если человек с детских лет привык осознавать, что за свое поведение и мысли он даст отчет перед Богом, то расшатать его психическое здоровье и склонить к антисоциальным действиям значительно сложнее. Не будет по-настоящему верующий человек смотреть порно, играть в стрелялки и принимать наркотики. Именно поэтому сейчас идет беспрецедентная атака на Православие. Сатанисты всех рангов и наций объединились в этой борьбе, а мы... мы пребываем в беспечности. По крайней мере, большая часть русского народа. Забываем, что имеем величайшее сокровище, которое ценнее всей материальной Вселенной. Источник Жизни и света, единственный Врач, исцеляющий все болезни, ждёт, когда мы придём к Нему. Покуда мы будем помнить о Нём, хранить и строить свою жизнь по Евангелию, никто не сможет нас сокрушить. Дело за нашей решимостью и устремлением.

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 5).

Игорь ДРУЗЬ

«СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО»

В «магическую» дату 5 мая 2025 года, явно следуя суевериям нумерологии, президент Макрон совместно с другими ведущими политиками совершил исторический визит в Великую ложу Франции, куда до него открыто не заходил ни один действующий глава этого государства. Замечу, что Великая ложа Франция совместно с другими масонскими ложами этой страны подписала антироссийское заявление, осуждающее «войну, развязанную Россией на территории Украины», пе-

ред этим «не заметив» многолетнего геноцида русских май-
данным режимом.

В ложе он заявил, что Франция и масонство неразделимы. Этот визит снова показал, что все самые жесткие «теории заговора» оказались правдой, причем эти заговоры давно воплощены в практику и вышли из тени. Да, современная Франция, руководство которой постоянно попрекает Россию в нарушениях свободы, создана и контролируется тоталитарной сектой масонов, запрещенной во многих странах мира, официально осужденной в православии и католичестве — сам Макрон это опять же подтвердил.

Конечно, все мало-мальски мыслящие люди и так об этом догадывались, но президенты Франции до Макрона такого открыто говорить не осмеливались. И сама секта масонов в старые времена тоже не стремилась афишировать свои связи с политиками, как, впрочем, и они с ней. Публичная активность французских и иностранных лож в последние десятилетия крайне выросла, став просто взрывной.

Так, в 2023 году Макрон заходил в другую ложу — в «Великий восток Франции», где назвал масонство создателем этой республики и ее «кузницей законов».

А в 2024 году «Великий восток Франции» впервые провел уличные демонстрации, причем откровенно русофобского и антитрадиционного толка.

При этом филиалы французских лож, где куются французские законы и раздувается ненависть к России, преспокойно работают в РФ. Более того, они не только не признаны иноагентами, но даже бывали рекламируемы журналистами ряда мощных СМИ.

Перечислю некоторые важные тезисы из исторической речи президента Макрона, произнесенные 05.05.2025 в Великой ложе Франции:

«Масонство было мастерской республики, в некотором смысле это исторический факт... На протяжении всего XIX века республиканская идея сохранялась и защищалась в ложах, когда ее подавляли в других местах. Она выжила, потому что повсюду поднимались мастера и ученики, чтобы построить республиканское здание»; «Девиз республики, который также является вашим (т.е. масонским. — И.Д.), — свобода, равенство, братство»; «Через масонство осуществляется проект революции и освобождения...»

Также он одобрил масонство за то, что оно фактически со-
здавало идеи Просвещения и постаралось «сделать человека ме-
рилом мира». Как известно, наступление идей Просвещения в
Европе вызвало кровавейшую Французскую революцию и стало

причиной последующего нашествия войск Наполеона на Россию. А тезис о человеке как о мере всего является, по сути, антихристианским, поскольку игнорирует Библию и заповеди, легшие в основу русской и европейской нравственности. Также Макрон похвалил деятельность известного медицинского и политического деятеля Пьера Симона, бывшего заодно великим мастером Великой ложи Франции. Макрон заявил, что мастер Симон *«много сделал для нашей страны»*, поскольку добился *«свободы женщин, их прав на контрацепцию и на аборт»*. Как видим, права женщин на многодетность и счастливое замужество Макрон даже не считает достойными упоминания, аборт — вот главная «свобода», по его мнению!

А еще президент Франции одобрил усилие масонских лож по поддержке законодательного разрешения эвтаназии, постоянно разбавляя свои тезисы демагогией о праве людей на свободу. Нет никаких сомнений, что в случае введения эвтаназии во Франции она постепенно станет принудительной. Это, кстати, уже происходит в Бельгии, Нидерландах и ряде других стран, где врачи всё чаще безнаказанно уничтожают больных без их согласия. Вообще дико видеть, что Макрон поднимает такие темы в момент, когда Франция погружается в экономический кризис, в который он сам ее втянул с помощью экономического и политического противостояния с Россией.

Получается, что для связанных с масонством политиков эти вопросы добывания нравственности и уничтожения людей стоят на первом месте. Приоритетность для себя данных вопросов Макрон доказал и другой темой своего выступления — разглагольствованиями по поводу «светскости» и восхвалением *Закона о разделении церквей и государства*, принятого во Франции в 1905 году под давлением врага христианства премьер-министра Эмиля Комба — высокоградусного «мастера». Данный закон носил антихристианский характер, поскольку с его помощью масонский премьер Франции захотел «национализировать» значительную часть храмов и другого церковного имущества. Также он ставил под контроль власти любую деятельность прихожан, которые были вынуждены отчитываться перед чиновниками практически во всём, они даже обязаны были подавать прошение о своих собраниях (правда, часть самых одиозных пунктов из этого закона впоследствии убрали под давлением христиан). В ту пору католицизм еще сохранял христианскую нравственность и выступал против революций, поэтому Ватикан даже прервал с Францией дипломатические отношения из-за принятия данного документа. Кстати, согласно информации из Елисейского дворца, эта речь направлена на подго-

товку почвы для торжеств в декабре 2025 года, когда будет отмечаться 120-я годовщина этого одиозного закона.

Конечно, Макрон перед масонами упомянул о данном законе вовсе не с целью академических исследований, а с целью активизации окончательного искоренения французской идентичности. *Закон о разделении* очень помог масонам бороться с христианством в старое время, но сейчас он начинает им несколько мешать. Дело в том, что ряд условно традиционалистских политиков Франции стали использовать данный закон для борьбы с радикальным исламизмом, заявляя о том, что символика радикалов мешает местной идентичности и противоречит светскости государства.

А ведь ввоз исламистских мигрантов и их натравливание на коренное население — это одно из ключевых направлений деятельности администрации Макрона. Поэтому Макрон перед собранием Великой ложи Франции стал настаивать на том, что этот закон, дескать, не противоречит свободе вероисповедания и заставляет *«уважать права других»*, то есть мусульманских радикалов.

При этом, конечно, было бы смешно думать, что Макрон и его масонские «братья» являются происламскими. В исламе президент Франции ценит идеи джихада против «неверных», но резко порицает нападки мусульман на либеральные ценности. Поэтому в 2021 году Макрон повелел лидерам местной мусульманской диаспоры подписать специальную *«Хартию республиканских ценностей»*, что почти все они и исполнили с восточным раболепием. Между тем в хартии в статье 5 есть такие строки: *«Мы отвергаем любую дискриминацию по признаку религии, пола, сексуальной ориентации... Все формы расизма, дискриминации и ненависти к другим, включая... антисемитские действия, гомофобию... являются преступлениями»*.

Нет сомнений, что пламенная речь Макрона простимулирует его «братьев» на еще более активную помощь в завозе во Францию исламистов, в насаждении их символики. Однако, думается, его речь о неправильном понимании секуляризма и необходимости поощрения религиозности носит более глобальный характер, чем эти сиюминутные политические вопросы. Как говаривал видный масон Франклин Рузвельт, *«во все времена, а сейчас тем более, миром правят в первую очередь тайные общества. В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то так было задумано»*. И слова Макрона явно задуманы не только для ускорения растворения французов в потоке мигрантов; они знаменуют широкий разворот глобалистов от всех форм «светскости», атеизма и агностицизма государств ко всемерному поощрению религиозно-

сти, только уже с приставкой «анти». Сейчас глобалисты выходят на этап искажения и дробления всех традиционных религий, на их постепенную замену масонским сектанством. Сеть лож, по сути дела, претендует на роль своего рода государственной церкви в ЕС и США. Вот почему Макрон и ему подобные отодвигают секулярность на второй план.

Напомню, что масонство запрещено или ограничено в своих правах в связи с его подрывной деятельностью. Например, масонам запрещено занимать государственные посты в Италии, где ложа «П-2» занималась терроризмом и готовила госпереворот. Приведу некоторые выдержки из осуждающего масонство документа РПЦЗ, принятого и всей полнотой Русской православной церкви:

«Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство. Масонство в своих ритуалах, посвящениях и символике носит ярко кощунственный характер. Масонство — непримиримый враг христианства. Оно поставляет своею целью разрушение Церкви, войну со всеми религиями, потрясение основ национальной христианской государственности и организацию революций во всем мире.

Принимая во внимание все вышеизложенное Священный Собор определил: осудить масонство, как учение и организацию, враждебную христианству, и революционную, направленную к разрушению основ национальной государственности. Осудить также и все сродные с масонством учения и организации, теософию, антропософию, «Христианское Знание» и ИМКА («Ассоциация молодых христиан», основанная в Лондоне. — **Ред.**). Участие в указанных организациях несовместимо со званием христианина — члена Христовой Церкви».

Игорь ГРЕВЦЕВ

ОДЕССА БУДЕТ РУССКОЙ

Почему такую огромную ценность Одесса представляет в глазах и западных, и наших политиков. Во-первых, это крупный порт, который является воротами в богатейший аграрный регион. Владея им, легко можно затруднить России торговлю зерном со странами-экспортерами. Ведь через Одессу

киевская власть сама ведет обширную торговлю зерном, получая огромные денежные вливания, на которые закупает оружие. И львиная доля этого вооружения идет на территорию независимой именно через одесские порты. А ведь поставки такого необходимого бандеровской власти товара, несмотря ни на какие договоренности и контроль, все равно будут производиться. Во-вторых, если учесть еще и то, что на жирную часть Украины претендуют англичане и французы, а общих границ со своим южным сателлитом они не имеют, для них существует единственный надежный и беспрепятственный доступ к Украине — через море. Поэтому англосаксы постараются сделать всё возможное и невозможное, чтобы Одесса и область оставались или в руках подконтрольного им правительства, или под их протекторатом.

Да, сейчас по побережью наступать на Одессу мы не можем. Это чревато огромными потерями в живой силе и технике. Дело в том, что успешному продвижению наших войск мешают множество лиманов, глубоко врезающихся в сушу. Форсировать их сходу не получится, ибо это будет стоить слишком большой крови. Одессу можно будет брать только с севера. А для этого прежде необходимо выбить ВСУ из Херсонской, Николаевской, Кировоградской, Черкасской, Винницкой областей. А Винницкая область граничит с Киевской. Вот так оно и получается: чтобы вернуть столь важный со стратегической и геополитической точки зрения объект, каким является Одесса, нам придется очищать от укронацистов всю Украину. Тогда Одесса естественным образом войдет в состав Российской Федерации, блокированная со всех сторон — с моря и суши.

СВО продолжается. И мне неведомо, какие решения будет принимать наше командование. И я не знаю, о чем договорятся Путин и Трамп. Но каким бы ни был исход переговоров российского и американского президентов, Одессу рано или поздно всё равно придется брать — или силою оружия, или силою дипломатии. Но за нее англосаксы будут держаться всеми зубами и когтями. Кроме этого, для британцев Одесса является дополнительными воротами, через которые проходит наркотрафик в Европу, в том числе и в Россию. Теневые круги крупного англосаксонского бизнеса просто так не откажутся от многомиллиардных прибылей.

Уже сейчас английские спецслужбы заполонили Одессу. Они фактически захватили город-порт и ведут в нем активную деятельность. Давно уже вынашиваются планы по созданию там военных баз НАТО. На них планируется готовить украинских военных специалистов-диверсантов для

продолжения гибридной войны против России и ее торгового флота. И эта война может продолжаться сколь угодно длительное время. Даже при условии установления прочного мира. Наше условие может быть только одно: или Одесса становится частью РФ, или она остается в составе Украины при условии, что независимая становится лояльным Москве государством. А на такие условия натовские «ястребы» никогда не согласятся добровольно. Кроме всего прочего, при переходе Одессы под контроль России возникает сухопутная граница с Приднестровьем, что дает нам возможность взять под свою защиту маленькую, но свободолюбивую республику, населенную русскими людьми, которые, со всех сторон окруженные врагами, сумели отстоять свою независимость. А вплотную приблизившись к Молдавии, мы поумерим аппетиты румынских политических функционеров, претендующих на превращение молдаван в румын.

Вот такая складывается ситуация. В переговорах Путина и Трампа главным камнем преткновения станет, скорее всего, именно Одесса. Москве не нужен бандеровский Киев, а Вашингтону не нужен Киев, лояльный по отношению к Москве. Во втором случае все сделки, заключенные Зеленским с американскими и европейскими корпорациями, да и с самим Трампом, окажутся недействительными. Сотни миллиардов долларов, потраченных коллективным Западом на помощь Украине в войне с Россией, окажутся выброшенными на ветер. На такую жертву ни Европа, ни Америка пойти не смогут, ведь деньги для них — это святая святых, это их религия, их смысл жизни, сама жизнь.

Путин и Трамп, может быть, и найдут какой-то компромисс. Но Англия и Франция сейчас готовы биться за Одессу даже без помощи Америки. По заявлению Стармера и Макрона они намерены ввести в город свои войска. Затея безумная. Ведь для российской армии это будут не «миротворческие силы», а законные военные цели. Тем более что численность британской армии около 70 тыс., а французской около 200 тыс. Даже если в Одессу будет переброшен весь воинский контингент двух самых активных стран НАТО, их безопасность останется под большим вопросом. Да и как Англия и Франция собираются переправлять свои войска в Одессу? Сухопутных границ с Украиной у них нет. Значит, морем. Ну, во-первых, Турция вряд ли пропустит их корабли в Черное море, руководствуясь ранее подписанным обязательством и не желая напрямую ссориться с Россией. А во-вторых, десантные корабли еще на дальних подступах будут уничтожены нашими ракетами. Безумный план Стармера и Макрона

свидетельствует о том, что Европа страшно запаниковала и не знает, как в этом случае поступить.

Вряд ли Трамп примет условия Путина в том виде, как они сформулированы. Тем более что он имеет свои интересы на Украине — ведь заключил же он какую-то сделку с Зеленским. Значит, американский президент изначально предполагал, что власть на Украине останется прежней, пусть и без Зеленского. А вот Россию такой результат никак не устраивает. Кто бы ни пришел на место «кровавого клоуна», ничего не изменится. Всё продолжится в том же русле до тех пор, пока независимой реально будет управлять не избранный президент, а националисты и англосаксы. Любой документ о временном перемирии или долговременном мире для них ничего не будет значить. И это доказали объявленные Путиным трехдневные прекращения огня на Пасху и День Победы. Москва соблюла их, Киев — нет.

Кроме всего прочего, Одесса имеет для России особый духовный интерес. Мы связаны невидимыми, но такими прочными историческими нитями, которые не удалось разорвать гитлеровцам на той войне и до сих пор не удастся укрофашистам на этой. Для большинства одесситов русский язык был и остается родным. Там даже те горожане, которые переметнулись на сторону врага и заделались «щирыми украинцами», даже они, понося русских, делают это на русском языке. Да просто потому, что мову мало кто знал и знает, а выучить ее еще не все успели.

Но сейчас на многострадальную Одессу наползает другой враг, не менее опасный, чем украинская националистическая идеология с ее нечеловеческой звериной мордой. И если бандеровцы поставили перед собой цель — извратить сознание украинского народа, что во многом им удастся, опираясь на страх, незнание истории и растерянность людей, то этот монстр нацелен на души православных христиан. Ведь не случайно именно в Одессе 14 и 15 мая представители Православной церкви Украины (ПЦУ), Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) и Римско-католической церкви (РКЦ) собрались на научно-богословскую экуменическую конференцию, посвященную 1700-летию Первого Вселенского Собора, который состоялся в 325 году по инициативе святого равноапостольного императора Константина. Собрались раскольники и (в нашем понимании) еретики. Впрочем, непонятно, почему свою конференцию они назвали экуменической? Ведь собрались практически единоверцы, соратники, повязанные одной ненавистью к русским и христианству. Представителей канонической Украинской Пра-

вославленной Церкви (УПЦ), которая, несмотря на государственный запрет и гонения, пока еще существует в независимой, не позвали. Да они бы и не поехали на этот нечестивый шабаш, даже если бы их и пригласили.

Так что же обсуждалось на той так называемой «научно-богословской» конференции? В соцсетях сведений о ней крайне мало. Но даже из них можно сделать определенные выводы. Само название, под вывеской которого проходила встреча, наводит на нелюбимые размышления: «1700 лет после Первого Вселенского Собора: уроки прошлого и значение для украинских церквей сегодня». Слово «уроки» означает, что прошлое чему-то новому должно научить украинскую церковь сейчас. Но прошлое истинной Церкви не только известно, но давно уже осмыслено и закреплено в ее соборной памяти писаниями ее святых. А мысль о значении этих «уроков прошлого для украинских церквей сегодня», видимо, означает, что верующие украинцы до этого принимали неправильную церковную историю. А значит, им нужно дать другую — «правильную».

Но лучше всего иллюстрирует главную цель этой «научно-богословской» конференции глава экуменической комиссии Одесского униатского экзархата Роман Назаренко. Он отметил: «Никейский Собор не только определил основы веры, но и заложил традицию вселенского обсуждения церковных вопросов. Сегодня эта модель диалога особенно важна для украинского христианства, находящегося в процессе трансформации и поиска новых форм единства». Что скрывается за этой витиеватой фразой? А вот что: здесь что ни слово, то ложь. Во-первых, Никейский Собор не единства искал с арианской ересью, а диалог с Арием завел только для того, чтобы осудить его ересь и отсечь ее от истинного Православия. Ни о каком поиске единства и речи не шло. Не случайно на Соборе Николай Угодник при Императоре влепил пощечину Арию, за что временно был извергнут из сана и посажен в тюрьму. А когда Император понял его правоту, простил сию дерзость и восстановил будущего святого в прежнем чине.

Но ключевое слово во фразе Романа Назаренко — это «трансформация». Оно произошло от новолатинского слова, которое переводится как «перемена вида, превращение». Или в более расширенном значении — «превращение одной формы в другую». Отсюда можно сделать вывод, что на конференции обсуждался или даже разрабатывался план по реформированию украинской церкви, и именно канонической Православной Церкви, так как она осталась единственной за рамками экуменической конференции. Какую религию

хотят создать еретики, предатели и раскольники на территории незалежной, не трудно догадаться. Об этом свидетельствуют бесовские оргии, совершаемые в храмах, насильно отнятых у прихожан УПЦ и переданных ПЦУ. Об этом свидетельствуют однополые браки, которые благословляют священники РКЦ. Об этом свидетельствуют сами униаты УГКЦ, которые служат вроде бы по греческому, т.е. православному чину, а исповедуют католическое учение. Если подобную духовную пищу свалить в одно корыто и перемешать, получится прокисший ядовитый винегрет. И что мы будем иметь через пару поколений украинцев? Нет, мы не можем и не должны отдать Одессу (как, впрочем, и всю Украину) на растерзание духовным вандалам!

Валентин ЛЕБЕДЕВ,
председатель Союза православных граждан

ПОД ПРИКРЫТИЕМ ПЕРЕГОВОРОВ

2 июня спецслужбы нацистского террористического режима Зеленского совершили отнюдь не безуспешную атаку на российские силы ядерного сдерживания. Согласно ядерной доктрине РФ, это нападение обязывает нашу страну к ответу с применением всех имеющихся средств поражения.

Совершенно очевидно, что это нападение было бы невозможным без активного участия спецслужб США и Великобритании. Это участие обеспечивалось как помощью разведданными, так и операцией прикрытия под названием переговоры с террористами, необходимой для того, чтобы западные спецслужбы вместе с СБУ готовили несколько месяцев атаку на российские силы ядерного сдерживания.

И они, к сожалению, успешно справились с втягиванием России в переговоры с «укрорейхом», чем создали максимально благоприятные условия для этого нападения. Его частичный успех призван доказать всему миру, что Россию нечего бояться, следовательно ее больше нет как мировой державы.

Ситуация усугубляется тем, что в состав украинской делегации на переговорах в Стамбуле вновь включен замглавы СБУ Поклад — один из ключевых исполнителей нападения на российские силы ядерного сдерживания, ответственность за которое официально взяла Служба безопасности Украины. Этот демарш означает, что с Россией более не считаются ни Запад, ни режим Зеленского, и поэтому киевские власти при полной поддержке США параллельно с попыткой уничтожения ядерной авиации России опубликовали свой переговорный меморандум о капитуляции России.

Обнаглевшие от ощущения слабости России главари бандеровских нацистов прямо перед вторым раундом переговоров в Стамбуле с особым цинизмом расписывали, как они будут добивать Православие в Колыбели Крещения Руси. Разработчик закона о запрете УПЦ глава профильного комитета Верховной Рады Никита Потураев заявил, что после окончательного судебного запрета Церкви ее храмы можно будет использовать под овощехранилища и казино.

Исходя из этих фактов, очередной раунд стамбульских переговоров ожидаемо закончился ничем. И в ответ на покушение на свою ядерную триаду Россия обязана неядерным путем добиться капитуляции террористического режима Зеленского, уничтожающего Православие.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2025 г.
(Апрель — май)

День изо дня наносятся ракетные удары по украинским заводам и военным объектам. Но вооружение Украине продолжает поставляться в огромных объемах железнодорожными и морскими путями. И пути эти до сих пор не перекрыты. Бои на линии соприкосновения идут ожесточенные. Украина на четвертом году войны не испытывает недостатка ни в вооружениях, ни в боекомплекте, ни в боевиках, ни в наёмниках.

А ведь еще совсем недавно российские власти носились с Украиной, как с писаной торбой. Януковичу аккуратно накануне т.н. «революции гидности» выделили кредит в три миллиарда долларов. Как пишет Р.Ищенко в статье «Украина сама себя закопала», «в 2013—2014 годах Россия предлагала восстановить в Николаеве производство военных кораблей и вложить деньги в завод «Антонов» для производства военно-транспортных самолетов АН-70». Представим себе, что сейчас было бы, если бы это произошло. Как минимум, по этим

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

производствам, если бы они были с нашей помощью восстановлены, пришлось бы наносить ракетные удары. Теперь уже наконец всем должно быть ясно, что любая наша помощь «независимой Украине» — это всегда не в коня корм. Помощь должна быть не «Украине», а самим себе, когда земля этой территории вновь станет русской землею. Как это сейчас происходит с Донбассом, Запорожьем и Херсонщиной.

* * *

25 апреля в подмосковной Балашихе при взрыве автомобиля погиб заместитель начальника Главного оперативного управления Генштаба Вооруженных сил России генерал-лейтенант Ярослав Москалик. В течение полутора года это уже второй теракт, направленный на ликвидацию высокопоставленных генералов. Как мы помним, в декабре 2024 года в Москве точно таким же способом был убит начальник войск РХБЗ генерал-лейтенант Игорь Кириллов. Оба погибли при выходе из дома, в которых они жили, возле своих подъездов, где их ждало взрывное устройство. Тот, прошлогодний, урок, похоже, ничему не научил ни руководство, ни спецслужбы страны. Люди, занимающие такие должности, должны жить и находиться в особых условиях, куда террористы и близко не могли бы подойти.

Ни в тот, ни в следующий день публичной реакции Кремля на этот подлейший теракт не последовало. Более того, и В. Путин, и его пресс-секретарь в эти дни несколько раз повторили: «Россия открыта к переговорам с Украиной». А Трамп еще и добавил интриги: «Сделка между Украиной и Россией по всем пунктам одобрена»...

27 апреля во всех теленовостях повторялось заявление, сделанное Путиным после его встречи в Москве со спецпосланником президента США Стивом Уиткоффом: «Россия готова к переговорам с Украиной без всяких условий». О гибели генерала Москалика он не произнес ни слова. Оказывается, можно проводить переговоры с государством-террористом, если олигархическому государству это по каким-то причинам выгодно.

* * *

Как писал Алексей Мозговой в своих дневниках, российский и украинский олигархат — это люди одного круга и одного племени. Скорее всего, в первую очередь, именно за эти дневники он и был ликвидирован.

Всё случилось так, как я и предсказывал. После непродолжительной игры на публику в виде публичных выяснений отношений и голословных претензий друг к другу сделка по природным ресурсам Украины между Трампом и Зеленским состоялась. 30 апреля договор был ими подписан. Причем договор «бессрочный». По сообщению российских СМИ, США, согласно этому договору, будут забирать 50 процентов дохода от редкоземельных металлов, алюминия, нефти, газа и т.д. То есть ресурсы Малороссии и Новороссии, когда-то принадлежавшие России, теперь будут работать на Америку. Кремль в праздничные майские дни на эту «сделку» никак заметно не отреагировал. И, судя по всему, в дальнейшем отреагирует на нее также спокойно и даже безразлично. Ведь для российских олигархов, как морковка на палочке, где-то впереди маячит отмена санкций... Трамп намекнул об этом в одном из своих предложений остановить войны... Поэтому нашим властям нет смысла резко реагировать на реальные теракты и на украинские угрозы терактов. Чем чёрт не шутит... А вдруг и вправду отменят... А ради этого можно и контроль за Запорожской АЭС передать Соединенным Штатам. Точнее, «совместный» с нами контроль. В тот же день, 30 апреля, генеральный директор госкорпорации Алексей Лихачев сделал заявление для прессы: «Росатом готов обсуждать форматы взаимодействия с Соединенными Штатами по вопросам Запорожской АЭС, но при условии принятия политического решения руководством России». Ну что ж, ждем политического решения...

Собственно, понятно и то, почему наши вооруженные силы адекватно не отреагировали на террористические убийства двух наших высокопоставленных генералов — Кириллова и Москалика. Почему до сих пор не превращены в пыль помещения СБУ и Министерства обороны Украины и почему не ликвидирован никто из властной банды Зеленского. Потому что в противном случае Россию Запад обвинит в терроризме, и тогда никакой речи об отмене санкций уже быть не может. Вот мы и играем в бесконечные жесты «доброй воли» и перемирия, которые всегда оборачиваются для нас новыми жертвами.

28 апреля В.Путин объявил о трехдневном перемирии на праздничные дни с 8 по 10 мая. А 1 Мая жидобандеровские звери ударили дронами по рынку в городе Алешки Херсонс-

кой области. После первого удара последовали еще три, чтобы накрыть тех, кто оказывал помощь раненым и забирал тела погибших. Дроны целенаправленно преследовали машины «скорой помощи». Погибли 8 человек и 20 человек были ранены.

И с этими моральными уродами наша высокая власть собирается вести переговоры? И с этими нелюдями хотят устроить перемирие? Если на 1 Мая они такое предприняли, то и 9-го тем более не остановятся! Ведь наш День Победы им как кость в горле. Заранее ясно, что никакого перемирия на наш Праздник не получится. Эти хохлонацистские выродки его просто не допустят.

Зеленский по украинскому телевидению пообещал в ответ на перемирие к Дню Победы нанести 9 Мая террористический удар по Красной площади в Москве. Конечно, блефовал, делал себе мировой пиар на угрозах ядерному государству.

* * *

С 7 на 8 мая в московский регион было направлено более пятисот жидобандеровских дронов. Это был рекорд по количеству смертоносных «птичек». Правда, все они (молодцы бойцы ПВО!) были сбиты. Но таков очередной укронацистский ответ на кремлевское перемирие. Однако наша высокая власть всё еще мечтает с ними замириться.

10 мая, воспользовавшись нашим «перемирием», в Киев на поезде прибыли главы четырех стран Евросоюза — Франции, Великобритании, Германии и Польши: Макрон, Стармер, Мерц и Туск. После полутысячи дронов, направлявшихся на Москву в преддверии нашего великого Праздника. И эти евросоюзные упыри прекрасно сознавали, что они могут не опасаться за свои жизни... Они тоже мечтают о тридцатидневной остановке боевых действий, продолжая насыщать укрорейх своим вооружением. Засуетились, забегали, предчувствуя очередное поражение...

* * *

11 мая Путин выступил перед журналистами с предложением новых прямых переговоров с Украиной. Как он сказал, — в качестве продолжения стамбульских «договоренностей» 2022 года. Кстати, приходится повторить: текст тех «договоренностей» российско-украинских переговоров до сих пор не опубликован, хотя он и был, как неоднократно говорил В.Путин, «парафирован украинской стороной». И что изложено в этом тексте — мы по сей день не знаем.

Несмотря на все укронацистские преступления на территории нашей страны, несмотря на все издевательства над мирным населением российских приграничных областей, наши власти готовы к продолжению стамбульских переговоров с преступным, по утверждению наших же властей, **нелегитимным** украинским режимом. Несмотря на все наши жертвы и огромные потери российских бойцов. Переговоры — это не победа, не денацификация и не демилитаризация киевской фашистской власти.

И Путин, и его пресс-секретарь Песков, и министр иностранных дел Лавров неоднократно называли киевский режим террористическим. Что же побудило главу нашего государства на предложение переговоров с террористическим режимом?.. Надо полагать, — это был путинский ответ на ультиматум европейской нетопырей о прекращении огня и перемирии на 30 дней.

Но можно было не сомневаться в том, что и эти переговоры кончатся ничем.

* * *

Президент Путин был главным лицом на торжествах в связи с 80-летием **сталинской Победы**. На победных торжествах без упоминания имени Сталина. Но своей победы над Украиной в продолжение Великой Отечественной войны мы пока еще не одержали. Украина за три с лишним года не побеждена. А заявления о «перемириях» и «переговорах», всё это время звучавшие из-за кремлевских стен, раздражали и вводили в недоумение, как минимум, половину нашего населения. И если изначально заявленные цели Спецоперации окажутся невыполненными, в наших сердцах останется горечь от недоведенного до конца дела разгрома и уничтожения русофобского нацизма. Не разгромленный и не уничтоженный русофобский нацизм — это гарантия и основа новой войны с Россией в недалеком будущем. Но это будет уже другой нацизм — гораздо более сильный, более вооруженный, более озлобленный и более мотивированный. Не доведенное до конца дело будет справедливым укором нам от следующих поколений.

* * *

15 мая должны были начаться новые переговоры российской и укронацистской делегаций в Стамбуле. Нашу делегацию вновь возглавил помощник президента В. Мединский. Хохлы прибыли в Стамбул, но в турецкий дворец переговоров 15 числа не явились, всячески стараясь показать

своё пренебрежение к российскому предложению. Пообещали явиться 16-го в 10.30. Но приползли в 13 часов. Говорили с нашей делегацией на русском языке, который сами же запретили у себя в «нэзалэжной». Опять потребовали, надо понимать, по европейским указаниям, 30-дневного перемирия и встречи нелегитимного ублюдка Зеленского с Путиным.

Наша сторона настаивала на выводе бандеровских войск с оккупированных ими территорий четырех конституционно оформленных российских областей и республик. Ясно было заранее, что все эти требования для обеих сторон являлись невыполнимыми. Ясно было заранее, что, начавшись, в тот же день они закончатся ничем. Они и закончились ничем в тот же день. Единственно, о чём договорились, — об обмене военнопленными: тысячу на тысячу. Но ради этого не стоило и собираться в Стамбуле. Обмен пленными происходит постоянно без столь представительных переговоров. Как говорится, и мы, и весь мир пережили «много шума из ничего». Громко и широко раструбленный спектакль кончился, едва начавшись. Хоть и было обещано его продолжение, но все понимают, что состояться оно может в совсем другой обстановке и при других обстоятельствах, если вообще состоится.

Настоящая победа одерживается не на переговорах, а на поле боя. И переговоров должна требовать разгромленная сторона, а не наоборот. И это разгромленная сторона должна первой являться на место переговорной встречи и сутки ожидать прибытия победителя, а не наоборот. И это проигравшая сторона должна не требования излагать, а молча выслушивать условия мира, выдвинутые победителем. Вот только тогда переговоры могут считаться успешными для нас и для всего остального мира.

А что мы слышим сейчас? Кремлевские и соловьевско-скабеевские пропагандистские «политологи» называют успешным то, что не дало ничего, кончилось ничем, не заставило сложить оружие врага и пока что не приблизило к миру ни на шаг. Что, собственно, трезво думающими людьми понималось и предсказывалось заранее.

* * *

Где живут бывшие вице-премьеры правительства:

1. Илья Клебанов — Израиль.
2. Аркадий Дворкович — США.
3. Игорь Шувалов — Австрия.
4. Максим Акимов — Израиль.

6. Виктор Христенко — Испания.

7. Александр Хлопонин — Израиль.

8. Анатолий Чубайс — Италия.

Как говорил когда-то Аркадий Райкин: «Ребята, вы хорошо устроились!»

* * *

В мае этого года страна и телевидение отмечали не только 80-летие Великой Победы, но и 25-летие президентства Путина, правда, с медведевским перерывом на четыре года. Так вот, за эти последние 25 лет страна наша превратилась в сплошную **мошенническую корпорацию**, которая с каждым годом только расширялась и продолжает расширяться. Прямо как по словам Н.В. Гоголя из «Мёртвых душ»: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. И не боятся они никаких наказаний, потому что наказания эти, если и происходят, то чаще всего чисто формальные или просто административные. Если же дело касается мошенников, находящихся за границей, то им вообще бояться нечего. Но вот если бы в связи с повальной эпидемией мошенничества у нас в стране внести более жесткие изменения в уголовный кодекс, тем более во время военных действий, и провести несколько показательных судов над распоясавшимися аферистами, обнаглевшими жуликами и циничными шулерами, и дать каждому из них по 10 лет строгого режима, то у других подобных прохвостов желание легкой наживы резко поубавилось бы. Но что-то никто во власти об этой кричащей проблеме за последние 25 лет всерьез не задумывался. Во всяком случае обвал мошенничества с каждым годом только нарастает. И остановить его можно исключительно и единственно жесткими мерами.

Но вот что примечательно: российскими властями до сих пор (повторяю: до сих пор!) не закрыты каналы перевода денежных средств из России на Украину, хотя сделать это надо было еще до начала СВО. Спрашивается: почему? Таким образом, российские власти как бы поощряли украинских мошенников грабить наше население. А как иначе понимать многолетнее равнодушное, безразличное наблюдение высоких российских властей за облапошиванием наивного, доверчивого населения России «самостийными» аферистами, действовавшими под прикрытием собственных властей? Как сообщили СМИ, ими было украдено у наших людей около трехсот миллиардов рублей, половина из которых ушла на содержание ВСУ.

Наши воины СВО очень часто на свои деньги и на деньги волонтеров покупают беспилотники, «уазики», радиостанции, бронежилеты, каски, берцы и многое другое, чего не хватает на передовой. Но вот что интересно: московская городская власть в мае этого года снова взялась за масштабную перекладку бордюров по всему городу. Это что, наиболее важное и наиболее своевременное вложение денег в наше время? Конечно, понятно: московским властям нужно чем-то занять сотни тысяч азиатских мигрантов, шатающихся по Москве без дела. Бордюры с мигрантами для них, по всей видимости, гораздо важнее материальных проблем СВО. И деньги, похоже, им девать некуда, если чуть ли не через каждые два года на широких улицах и проспектах Москвы они перекладывают асфальт и бордюры...

Вечером 31 мая в Брянской области был подорван автомобильный мост, когда под ним проходил пассажирский поезд. Один из бетонных пролётов моста обрушился на локомотив поезда. Первые два вагона, оказались сильно поврежденными, сошли с рельсов и перевернулись. Погибли семь человек, в том числе машинист локомотива и его помощник. Более ста человек получили ранения, среди них — дети.

Одновременно был подорван мост в Курской области, когда под ним проходил товарный поезд. Машинист локомотива получил повреждение ноги.

В ту же ночь произошла диверсия на железнодорожных путях в Брянской области, в результате которой товарный поезд сошел с рельсов.

Сразу же ответственность за эти варварские теракты взяла на себя СБУ.

Фактически новый раунд переговоров России и Украины, назначенный на 2 июня, начался вечером 31 мая, когда автомобильные мосты обрушились на наши поезда. Казалось бы, после этого раунда «переговоров» они должны были закончиться раз и навсегда. Однако, как мы вновь увидели, никакие теракты не могут изменить или разрушить переговорную тенденцию Кремля.

Теракты на железных дорогах Брянской и Курской областей в реальности были первыми страницами жидобандеровского «меморандума» о путях «прекращения огня и достижения мира»... К сожалению, российской стороной этот «меморандум» не был воспринят должным образом. И «переговоры» с этими жидобандеровскими ублюдками и террористами было решено продолжить.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Валентин Распутин

А вдруг всё это приснилось, всё, что началось в день его рождения, с пятнадцатого марта? И этот предполночный звонок, и ночное радио, и утреннее телевидение, и храм Христа Спасителя, и люди, люди, люди, и гроб, утонувший в цветах, и Патриарх, и облегчающее душу отпевание, и долгий перелет навстречу рассвету. Ангара, Знаменский монастырь, и снова люди, люди, люди, и митрополит, и холм жёлтого песка, и резной Крест, и гора цветов над могилой, и шеренги венков у стен церкви — вдруг всё это приснилось? И это холодное мартовское солнце. И этот мужчина у могилы, земляк писателя, который горестно восклицал, обращаясь к фотографии: «Валентин, а чего же Григорий-то и Нина не приехали? А ты ведь столько им помогал...» И этот осиротевший Иркутск...

Да, всё это было. И тяжелейший обратный путь из Сибири к закату.

Давным-давно, не помню от кого, услышал я выражение: «В мире одно счастье — Бог, остальное страдания».

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Вначале всё во мне сопротивлялось: а как же радости жизни, и улыбки, и книги, реки и моря? Но ведь это всё вечно только для Бога, для нас мгновение, вскрик в ночи. Как ни живи, а впереди смерть. Если ребёнок родился, он умрёт. Чему радоваться?

И второе, уже евангельское: «Мир во зле лежит. Злу не положено предела». Да, так. Конечно, мы верим, что Господь поразит зло, но Он поразит его в полном объёме, а для этого оно и должно открыться в своей полноте. А наше дело спасти себя. Мы на земле в командировке, посланы в неё, чтобы заработать вечную жизнь. Она же есть! Не умер же преподобный Сергей Радонежский и все святые, они с нами.

Валентин Распутин очень любил святого Сергия. Исследователи творчества писателя проходят мимо главного в распутинских трудах — их духовной наполненности. Она всегда была. Маленький ранний рассказ «Мама куда-то ушла» говорит о страданиях мальчика, который проснулся и увидел, что он всеми оставлен. Ему кажется, что он одинок, но кто-то же его видит, жалеет его? Конечно, Господь. Тогдашний автор взял на себя всеведение Бога: он был с мальчиком, но тот его не видел. Жалость автора передалась читателям, и они своим состраданием помогают ребёнку пережить одиночество.

Валентин Григорьевич предчувствовал свою земную кончину. «...Он лежал и вяло и безпричинно, будто с чужой мысли, мусолил в себе непонятно чем соединившиеся слова «март» и «смерть». Было в них что-то общее и кроме звучания. Нет, надо одолеть март, из последних сил перемочь эту последнюю неделю» (повесть «Пожар»).

Главный секрет его таланта в том, что он глубоко православный, воцерковлённый человек, раб Божий. Его вера была сокровенна. За год до 600-летия Куликовской битвы он был на Поле Куликовом и написал о нём. Затем была работа «Ближний свет издалека» о преподобном Сергии. И это были те вершины, по которым равнялись и остальные труды. Он крестился в Ельце в 1980 году. Его духовным отцом был великий старец схиеромонах Нектарий, благословивший Валентина крестом последних оптинских старцев. Многие ли знают, что и Оптиная пустынь была возвращена Православной церкви трудами Распутина?

Когда мы читаем о мучениях христиан первых веков, то вот перед нами Распутин — их повторение в наших временах. Его дважды убивали, в Красноярске и в Иркутске, у него умер сын, погибла дочь, тяжело и долго умирала жена, и сам он шёл по лечебницам и больницам, как измученный человек, как израненный воин. И при всём том, слышал ли кто от него хоть малую жалобу на болезни? Какой там! Его продолжали мучить, от него требовали постоянного присутствия

на каких-то совершенно ненужных мероприятиях, у него рвали предисловия, а вырвав, умильно говорили: «Валентин Григорьевич, берегите себя». Как беречь, если тут же нападает другой-третий, поглощает его время, изнуряет нервы. Уносит здоровье.

Он был чужд обид на кого бы то ни было. Знал, что во всех своих несчастьях человек виноват прежде всего сам. Знал, что жизнь даётся для подготовки к вечности. Что ничто нечистое в Царство Небесное не войдёт. Что все испытания, беды, посылаются нам для очищения души. Главное — сохранить верность Богу.

В 2008 году он был в Иерусалиме на схождении Благодатного огня. Как он выстоял в храме Воскресения многочасовое стояние-ожидание в жаре, тесноте, криках — это могло быть только с Божией помощью. Ведь уже и тогда он плохо себя чувствовал. Но всегда потом с радостью вспоминал тот день.

Он человек, которого полюбили и Восток, и Запад как русского человека, как человека из России — больше миру неоткуда ждать спасения. Только из России и от России.

В силе своей прозы он неподражаем. Как назвать стиль его письма, манеру? Непонятно. Всякие критики тут бессильны. «Как я пишу? Никогда ничего не выдумываю. Просто вспоминаю».

Его проза на вершине русской классики. Она — итог не только трехсотлетней истории русской литературы, она захватывает ещё и устный период словесности. Но что главное: его проза — это ещё и прорыв к новым пространствам русского слова.

Это пространство в заботе о спасении человека. От первоначального греха. «Адам, где ты?» — воззвал Бог. И возвращение человека к Богу — это и есть его главная его цель.

А для русского слова — возвращение к его главному назначению: служить достижению этой цели.

Когда будет новый Распутин? Никогда не будет. Он уже был. И остался. Лучше спросить: когда будет писатель такого же уровня? Это зависит от его ожидания. Русский язык способен помогать тому, кто верит в Бога и в Россию. Кто, как Распутин, будет понимать, что дело спасения человека не в политической системе, не в деньгах, не в оружии, не в экономике, а в очищении в себе образа Божия.

Значит, Господь любит Россию, если подарил ей Распутина.

Вадим Кожин

«У каждого человека, как и у каждого народа, есть своё таинственное предназначение», — говорил Вадим Валерианович

Кожин. А кто сам Кожин, и в чём его предназначение? Оно уже не таинственно для нас, его знавших, читавших, уяснивших его огромную роль в русской литературе и истории. Он — Вергилий в книжном царстве, истолкователь и философ процессов, прошедших в веках письменности, он современен во всех своих трудах, и от того необходим для понимания, что такое Россия для планеты, для мировой цивилизации.

Москвич, центровой житель столицы от рождения до ухода в вечность, он насквозь русский. Любовь к России — его одна и пламенная страсть. Обладающий огромными знаниями, он использовал их прежде всего для возвеличивания России. Именно литература была возносима им: «Литература в России, начиная с одиннадцатого века, играла в России решающую роль». Чем он доказывал этот свой тезис? Тем, что «литература есть воссоздание истории».

На отроческих и юношеских фотографиях мы видим несомненного задиру, бунтаря, с непокорной шевелюрой, требовательным взглядом, какие бывают у людей, идущих за свои убеждения на плаху. А возьмём снимки последних лет его жизни (он, рождённый в 1930-м году, дожил до нового тысячелетия), на них это великий мудрец, спокойный, чуть ироничный мыслитель. Уже отстоявший прижизненную свою вахту служения литературе и истории. И, добавим, и сейчас продолжающий доблестно служить России.

Подумать только, я познакомился с ним осенью 1968 года. К 50-летию СССР была возведена Останкинская телебашня с телецентром у своего подножия, и была открыта четвёртая, в дополнение к трём, уже существовавшим, телепрограмма. И в ней я работал. Предполагалось, что программа создана для интеллектуалов. Я вёл Дискуссионный клуб. Мы шли всегда в прямой эфир, никого это не смущало. Ставили острые темы. Например: «ЭВМ. Возможности электронного мышления». Да, уже тогда нам впаривали замену человеку, это была предтеча искусственного интеллекта.

Чтобы передачи получались живее, приглашались участники с разнополярными точками зрения и мнения. А я ещё со студенчества ходил в Институт мировой литературы (ИМЛИ) на конференции, и мне очень нравились задиристские выступления Кожина и Палиевского. Их-то я и пригласил. А с другой стороны были, кажется, Пекелис и Рунов — т.н. новаторы.

Петр Палиевский приехал на мотоцикле, хотя и не новаторов представлял. Они с Вадимом Валериановичем с блеском отработали отведённое эфирное время, ни в чём не переверив человеческих качеств электронике. Подали на

прощание противной стороне руки, и мы втроём отправились в ресторан «Космос» у метро ВДНХ. Вскоре Палиевский угазовал на своем мотоцикле, а меня Вадим Валерианович позвал «ненадолго» в один дом у Курского вокзала. В нём было шумно. Нас бурно приветствовали. Принесённое нами средство продолжения радости пошло в дело. Кожинов взял гитару.

— Одно вводное слово может изменить весь смысл, — сказал он, — поём! — И ударил по струнам:

«На просторах родины, родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, мы сложили, в общем, радостную песню о великом друге и вожде. Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полёт. С песнями борясь и, в общем, побеждая, наш народ за Сталиным идёт»...

И ещё потом были встречи. И, конечно, радостное чтение всё новых трудов Вадима Валерьяновича. Особенно запомнилось, как он расправился с хвалёной Нобелевской премией, показав её бесстыдство, лживость и услужливость европейничанию.

И прямая заслуга Кожинова в судьбе опального мыслителя Михаила Бахтина. Публикации его трудов, возвращение из Саранска в Москву — это дело рук Кожинова.

В 80-е годы мне повезло вместе с ним побывать на Черноморском флоте. Вовсю уже шёл неведомый народу и не освещаемый в СМИ раздрай с украинцами. Выступали перед моряками. С нами ещё был поэт Григорий Калужный. Кроме того, там Вадиму Валериановичу было необходимо увидеть памятную доску с именами защитников Севастополя, в частности, увидеть фамилию отца поэта Юрия Кузнецова, подполковника Поликарпа Кузнецова, погибшего при штурме Сапун-горы. Это ему посвящены скандальные строки поэта: «Я пил из черепа отца...» и «Отец, ты не принёс нам счастья. Мать в ужасе мне закрывает рот». Юрия Кузнецова Кожинов ставил высоко. Не случайно и стихотворение Кузнецова посвящённое Кожинову, звучит эпически: «Повернувшись на запад спиной к заходящему солнцу славянства, ты стоял на стене крепостной и гигантская тень пред тобой улетала в иные пространства. Обнимаемая небесную высь, через камни и щели Востока, пролегла твоя русская мысль, не жалея, что она одинока. Свои слёзы оставь на потом: ты сегодня поверил глубоко, что завяжутся русским узлом эти кручи и бездны Востока». Разве не о пророческом даре Кожинова говорит поэт. Разве мы не свидетели теперешнего обращения Востока к России?

Ездили тогда же в Херсонес, на место Крещения Великого князя Владимира. Место было совсем запущенным, проду-

ваемым: камни, полынь, голые кусты. Холодные волны Чёрного (Русского) моря.

— Тут надо возвести храм до небес, — сказал Вадим Валерианович.

Не раз потом вспоминал я его пророческие слова, посетив величие возрождённого, фактически заново созданного Херсонесского комплекса в память Крещения Руси.

Как бы жили мы без Кожинова, столько сделавшего для русской культуры, для прихода новых талантов на возделывание её нив?! Кожинов всегда был настроен как камертон на отклик настоящему таланту. Ширпотреб поэзии шестидесятников он не терпел, о Вознесенском и Евтушенко отзывался пренебрежительно и с трибуны, и в статьях. А кого поддерживал? Николай Тряпкина, Сергея Наровчатова, Михаила Луконина, Алексея Решетова из Перми, Бориса Сиротина из Самары, Алексея Прасолова из Воронежа (судьба похожая на рубцовскую), Алексея Недогонова, Анатолия Передреева, Станислава Куняева. С последним был дружен и в более поздние годы даже замещал его, формируя номера «Нашего современника».

Конечно, главную книгу о великом поэте Федоре Тютчеве написал именно Кожинов. Защищая в ней и отстаивая право русского поэта участвовать в политике, особенно во времена тяжёлые для отечества, в одно из которых прозвучали вещие строки Тютчева: «Теперь тебе не до стихов, о, слово русское, родное». Подумаем: теряет ли что-то при этом поэзия? Нет, обретает. Откуда у поэта талант? Конечно, от Бога. То есть Бог как раз доверяет поэтам нести спасительную ответственность за судьбы своего народа. И обязательно награждает за выполнение этой ответственной миссии.

В огромном таланте Николая Рубцова Кожинов видел таинственную движущую силу жизни и творчества: «Как будто ветер гнал меня по ней, // по всей земле, по сёлам, по столицам. // Я сильный был, но ветер был сильнее, // и я не мог нигде остановиться». Разве здесь ветер не образ судьбы, разве судьба это не Суд Божий?

Размышляя о религиозных воззрениях Кожинова, можно сказать, что присутствие Бога в мире для него было несомненным. Было оно, конечно, с литературной окраской. Очень многое сделал он для возвращения в Церковь Оптиной пустыни, и тут, конечно, проявлялись его симпатии к великим Киреевским. Посещал церковь Симеона Столпника, и опять же — вспоминал всегда о том, что в ней был прихожанином Николай Гоголь и венчался Аксаков. На отпевании Кожинова именно в этой церкви батюшка сказал: «Я всегда знал, что в моём приходе живёт такой значительный человек, рус-

ский учёный. Жаль только, что он не испытывал таинств исповеди и Причастия. Но, может быть, он был на Литургиях в других храмах, не знаю». Не знаем и мы и судить не будем. По смыслу своих трудов, убеждений, воззрений он, несомненно, православный.

Ведь стоит только взглянуть на список его основных трудов. Его фактически ведущее участие в создании трехтомного труда «Теория литературы», книги: «Судьбы России», «Победы и беды России», «Черносотенцы и революция», «История Руси и Русского слова». Все они доступны. Открой любую — на тебя хлынет спасительное понимание, что такое наша Россия, как надо её любить. Невозможно так искренне говорить о России и не быть верующим.

В девяностые годы оголтелого наступления на Россию было почти невозможно организовать хотя бы мало-мальскую защиту святынь России, её нравственного облика. Но были, конечно, попытки. Издательство «Столица» приняло ежемесячное издание «Дневника писателя». По типу «Дневника», издаваемого Достоевским. Его профиль украсил обложку. Для участия в Дневнике издательство пригласило нас: Вадима Кожинова, Ксению Мяло, меня, грешного, для написания статей. Это начало 1994-го года. Написали. Первый и второй выпуски вышли, а третий, хотя и написанный и набранный, пустили под нож. Мало того: предыдущие тиражи вывезли в неизвестном направлении. И вскоре — финал торжества демократии — издательство закрыли. Демократическая свобода слова была налицо. Хорошо бы теперь переиздать этот Дневник.

И закончу тоже гитарными аккордами. И сам Вадим Валерианович замечательно пел, и всегда поддерживал композиторов и певцов, так сказать, русской тематики. Особенно на стихи Рубцова.

В памяти слуха звучит его голос, а на полке стоят его книги, необходимые для обретения силы и мужества в битвах за нашу Россию.

В 80-е и далее бытовала шутка: «Всё может знать только Кожинов». Вспомним апостола: «Но кто любит Бога, тому дано знание от Него» (Кор. 8: 3).

Вслед за своим учителем Бахтиным, Кожинов стал и нашим учителем, внушая нам: наша жизнь — это действие, это непрерывные поступки, это служение. А служение кому или чему — это наш свободный выбор. А кому мы можем служить, имея пред собою великие примеры служения Богу и России?

«СТРЕМЯ» СОЛЖЕНИЦЫНА

Отношение к Михаилу Шолохову, его главному роману «Тихий Дон» — безошибочный проявитель сущности творческой личности. Как правило, русские авторы — шолохофилы, русскоязычные — шолохофобы. Конечно, любовь или ненависть к писателю не отменяют знаний, интеллекта, умения самостоятельно, логично, аргументированно мыслить, стремления к истине (которая выше любых «правд») и других обязательных составляющих профессионально написанного текста. Перечисленные качества далеко не всегда встречаются в статьях и книгах шолохофилов, и, как правило, абсолютно отсутствуют в работах шолохофобов. Это мы и покажем на примере публикаций последних десятилетий, рассмотрев их в контексте истории восприятия «Тихого Дона», Григория Мелехова, проблем казачества и авторства романа.

Ещё в 1977 году во время дискуссии «Классика и мы» один из самых влиятельных советских писателей-русофобов Александр Боршаговский (его многолетняя дружеская переписка с Валентином Курбатовым и Виктором Астафьевым — не опроверже-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ние нашей оценки, а лишь повод задуматься о степени русскости его корреспондентов) в своём выступлении не согласился с идеей Петра Палиевского: «Тихий Дон» — лучший роман XX века. Формально Александру Михайловичу не понравилось то, что данный «тезис» (его слово) «не доказывается, а “постулируется”». «Мудрый» Борщаговский, конечно, валял дурака: от выступления на другую тему нелогично было требовать то, что Палиевский уже доказал в своих работах ранее. Ясно, что проблема не в постулировании как таковом, а в той оценке «Тихого Дона», которая была озвучена Петром Васильевичем. Более того, с уверенностью можно сказать: либерал-русофобы не только никогда не согласятся с трансляторами подобных идей, но и будут обязательно дискредитировать (собственно полемика у них изначально исключается) сторонников данного видения «Тихого Дона».

Уже в XXI веке либерал Бенедикт Сарнов без каких-либо оснований и аргументов назвал Петра Палиевского и его безымянных единомышленников «официальными советскими критиками и литературоведами». Во многом проясняет истоки такой «профессиональной» полемики приводимая Сарновым цитата о шолоховедах 1960—1970 годов из книги Николая Митрохина «Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953—1985», называемой «фундаментальной монографией». На самом деле она — околонуточный опус, где фальсифицируется история отечественной мысли указанного периода с западнических, русофобско-либеральных позиций. Об уровне компетентности Н. Митрохина и идущего вслед за ним Б. Сарнова свидетельствуют, в частности, следующие факты.

Во-первых, Феликс Кузнецов, которым открывается список шолоховедов из четырёх фамилий, был не просто официальным советским критиком, а одним из самых правоторных ортодоксально-партийных деятелей от науки о литературе того времени. Но — и это главное — о Шолохове в данный период он не писал. Обращение к творчеству автора, судьбе рукописей и романа «Тихий Дон» происходит у Кузнецова лишь в 1990—2000-е годы. Правда, к тому времени его мировоззрение сильно изменилось.

Во-вторых, среди названных шолоховедов отсутствуют Федор Бирюков и Константин Прийма, которые одними из первых попытались приблизиться к пониманию главных героев романа и трагических судеб казачества. Они, как и многие шолохофилы, в том числе XXI века, преодолев многие вульгарно-социологические, казако-русофобские стереотипы

1920—1970-х годов, остались в плену некоторых советских мифов, что мы покажем позже.

В-третьих, называть Петра Палиевского и Виктора Петелина «официальными советскими критиками и литературоведами» означает публично расписываться в своей профессиональной несостоятельности (вариант сознательной лжи данный диагноз не меняет).

На примере двух эпизодов из житнетворчества Виктора Петелина и неназванного, несостоявшегося шолоховеда покажем литературно-идеологический дух времени, который игнорируется или в корне искажается не только Митрохиным-Сарновым, их единомышленниками, но и некоторыми шолохофилами типа Захара Прилепина. В результате этого мы имеем либеральные или советские версии отечественной истории, под которые подгоняется судьба и творчество Михаила Шолохова и других авторов.

Шолоховедение 1920—1940-х годов было сплошь вульгарно-социологическим, казако-русофобским. Об этом достаточно много и точно писалось в работах Константина Приимы, Сергея Семанова и других авторов. Нас будет интересовать иное — первые ростки шолохофильства 1950-х годов. Разговор о них начнём со статьи и мемуаров Юрия Буртина. Он шестидесятник, автор и сотрудник «Нового мира» времен Твардовского, позже соратник А.Д. Сахарова и, по словам Григория Явлинского, «серьезный исторический мыслитель, способный не только объективно рассказывать о своем времени, но и задать алгоритм таких размышлений на будущее. То есть Буртина, несмотря на желание шолохофобов навешивать ярлыки на тех, кто не разделяет их взгляды, к советскому официозу или к русским националистам, красно-коричневым и т.д. не отнесешь. Поэтому его воспоминания о первом литературоведческом, шолоховедческом опыте, встречах с Михаилом Александровичем, его отношении к надуманной проблеме авторства «Тихого Дона», не вписывающиеся в расхожие стереотипы, игнорируются как всеми шолохофобами, так и большинством лево-советских шолохофилов.

История, рассказанная Буртиным, даёт, в первую очередь, представление о том, что ожидало литературоведов и критиков, если их видение Григория Мелехова и «Тихого Дона» не совпадало с официальным представлением о герое и романе. Итак, в 1951 году 19-летний студент филфака ленинградского университета в своей работе «Григорий Мелехов и историческая основа “Тихого Дона”» сделал шаг к правильному пониманию героя и произведения. По этому пути чуть позже

пойдут В. Петелин и другие шолохофилы. В судьбе Григория Мелехова Буртин увидел «воплощение сложного, извилистого и тернистого пути основной части казачества, да и вообще крестьянства, в революции. Не историю грехопадения мятушегося одиночки, а великую народную драму.

Естественно, что доклад студента преподавателями кафедры советской литературы во главе с профессором Л. Плоткиным оценили с «правильных» партийных позиций как идеологически враждебный. Кафедральный вердикт, озвученный доцентом Е. Наумовым, по словам Буртина, был таков: «...доклад написан с бухаринской позиции, он целиком пропитан кулацкой идеологией». Что сие означало в 1951 году Буртин разъясняет: «...подобная оценка прямиком подводила 19-летнего злоумышленника под знаменитую 58-ю статью.

Скорая встреча с Шолоховым в Москве спасла будущего шестидесятника от готовящихся ударов. То, каким изображается Шолохов Буртиным, вновь не соответствует образу писателя, внедряемому более 30 лет в массовое сознание либеральными, желтыми и большинством так называемых официальных СМИ. Опуская подробности длительной встречи, Буртин сообщает, что манера поведения Шолохова была для него «удивительной и неожиданной. Достаточно сказать, что <...> он не просто поздоровался, но расцеловался со мной (это повторится потом и при прощании), более того — заставил меня взять у него 150 рублей на обратную дорогу.

Не менее важно и то, что буртинское отношение к Мелехову совпало с авторским. Отвечая на вопрос студента на данную тему, Шолохов, в частности, с «сильным» чувством сказал: «Я жил с ним 15 лет, я любил его как сына. Продолжение же разговора гениального писателя с начинающим литературоведом о послероманной судьбе Григория Мелехова вносит ясность в вопрос, обсуждаемый до сих пор.

По версии Буртина, озвученной им Шолохову, Григорий Мелехов, если бы дожил до 1929 года, то, как Кондрат Майданников из «Поднятой целины», вступил бы в колхоз. Шолохов не согласился с таким видением судьбы героя, так как «Григорий был слишком самостоятелен и неординарен для столь идиллического исхода. Время было такое, что человек подобного характера должен был рано или поздно вступить в конфликт с ним и сложить голову.

И в завершение урок от Буртина для всех. В 1965 году он, аспирант ИМЛИ РАН им. М. Горького, на заседании сектора, получив рекомендацию к защите кандидатской диссертации, в благодарственном слове упомянул и арестованного на тот момент их сотрудника Андрея Синявского. После это-

го Буртин был поставлен перед выбором: отказаться от своих слов или защита будет отменена. Буртин на предлагаемый компромисс не пошел...

В «Исповеди шестидесятника» воспоминание об известном выпаде Шолохова против Андрея Синявского и Юлия Даниэля никак не влияет на восприятие Буртиным и личности писателя, и проблемы авторства «Тихого Дона», что принципиально отличает Юрия Григорьевича от А. Солженицына, Л. Чуковской, Б. Сарнова и других. Свое видение самого обсуждаемого вопроса Буртин излагает предельно кратко, ясно и достойно: «Сомнения же в том, что ее (книгу «Тихий Дон». — Ю.П.) написал именно Шолохов, всегда представлялись мне попросту несерьезными.

Своеобразным продолжением истории Буртина являются «хождения по мукам» Виктора Петелина. Он, молодой учёный, в другое — оттепельное время — хотел опубликовать статью «Трагическое в “Тихом Доне”». Её отвергли в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Москва», «Дружба народов», «Знамя», «Дон», «Русская литература», «Вопросы литературы» и в «Литературной газете». Даже положительный отзыв Д. Поликарпова, заведующего Отделом культуры ЦК КПСС, которого многие представляют сегодня страшным и всесильным самодуром, не повлиял на позицию «Вопросов литературы».

На третий вариант многострадальной статьи журнал ответил письмом, подписанным Александром Дементьевым (главным редактором) и Михаилом Кузнецовым. Подчеркнем: А. Дементьев — не Всеволод Кочетов или Анатолий Софронов. В скором времени, с 1959 года, он заместитель Твардовского в «Новом мире». Самой же известной и нашумевшей публикацией А. Дементьева стала статья 1969 года «О традициях и народности (Литературные заметки)». Выражая мнение редакции, она была направлена против так называемой русской партии, заявившей о себе в литературе и критике в 1960-е годы. Закономерно, что основные идеи новмировского текста Дементьева рифмуются с тем, что транслировалось двенадцатью годами ранее в отзыве на статью Петелина о «Тихом Доне».

Приведем из этого текста некоторые высказывания, дающие представление о том, какой идеологический частокोल воздвигался в советское время на пути автора, стремящегося сказать правду о человеке и времени через произведения отечественной литературы. Итак, читаем внимательно: «Стремясь, что называется, любой ценой реабилитировать Григория Мелехова, которого, по мнению В. Петелина, неверно

оценивают многие литературоведы, автор данной статьи даёт неверную одностороннюю трактовку и истории Гражданской войны, и самого романа Шолохова»; «Петелин совершенно отвергает мысль о том, что контрреволюционное восстание казачества вызвано агитацией враждебной советской власти верхушки казачества; «Казачья специфика, по Петелину, до революции состоит в том, что здесь «изнурительный труд хлебороба сочетается с воинскими упражнениями». Это подавление революционных рабочих и крестьян именуется воинскими упражнениями?»; «... фактическая причина восстания у Петелина одна — плохая советская власть. Даже Подтелков у В. Петелина из героя Гражданской войны превращается в отрицательную фигуру»; «Получается весьма любопытно: верхушка казачества своей контрреволюционной агитацией не может вызвать восстание, но вот верхушка «из плохих комиссаров» вызывает его»; «Григорий всячески идеализируется, вся его вина перед революционным народом снимается, он, в сущности, только жертва коммунистов...»

Развязка этой длинной и показательной истории такова. Сокращенный вариант статьи, названной теперь «Два Григория Мелехова», был опубликован в 1958 году в четвертом номере «Филологических наук», журнала, который практически никто не читал. Но еще больше пришлось Петелину ждать публикации своей на тот момент главной работы. Как сетует он: «И только через семь лет, в 1965 году, вышла книга «Гуманизм Шолохова».

Для плохо слышащих, видящих, понимающих повторим: выход книги Петелина был задержан на такой длительный срок по причинам, четко сформулированным в письме А. Дементьева и М. Кузнецова. Наши либеральные авторы типа Н. Митрохина и Б. Сарнова уверяют, что «Петелин был официальным советским литературоведом и критиком». Понятно, что с подобными исследователями так не поступали.

Ещё дальше Н. Митрохина и Б. Сарнова в советской «прописке» В. Петелина пошел В. Литвинов. Очень сложно эмоционально реагировать на его статью о Шолохове, опубликованную в академическом биографическом словаре «Русские писатели XX века», вышедшем в 2000-м году под редакцией Петра Николаева. В очередной раз убедимся, насколько читатель может доверять этому изданию.

Итак, оказывается, В. Петелин принадлежал к тем советским шолоховедом, которые на протяжении 50 лет выполняли «задание сколь можно убедительнее иллюстрировать роман («Тихий Дон». — Ю.П.) <...> как художественное подтверж-

дение правоты и величия большевистской революции». Задание, как следует из контекста, — Сталина.

Разумеется, Сталин, его соратники и последующие руководители страны подобных заданий никому не давали. К тому же, большая часть из названных Литвиновым исследователей, начиная именно с Петелина, как критики и литературоведы стартовали уже после смерти Сталина. Главное же, история публикаций статей и книг Петелина, о чем говорилось, никак не вписывается в версию Литвинова. И наконец, он, хотя бы как исследователь «Тихого Дона», начинающий ряд шолоховедов, где искусственно оказался Петелин, фамилиями В. Гоффеншефера и И. Лежнева, не должен игнорировать неоспоримый факт. В. Петелин с первых своих статей и книг 1950—1960-х годов до итоговых работ XXI века («Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения», «Михаил Александрович Шолохов. Энциклопедия») полемизировал как с названными шолоховедами, так и с В. Гурой и Л. Якименко — представителями вульгарно-социологического направления в критике и литературоведении.

К этому направлению, конечно, большую часть жизнетворчества относился и Василий Литвинов, о чём справедливо напомнил автору статьи о Шолохове в биографическом словаре его давний «знакомец» Владимир Бушин. Правда, как и многие советские ортодоксы от литературоведения и критики, Литвинов в горбачевскую эпоху быстро перестроился и стал либералом-антисоветчиком. Это, как мы видим, не улучшило качество его текстов.

В. Бушин удивляется тому, что в рекомендуемой литературе к словарным статьям В. Литвинова о Шолохове и С. Залыгина о Солженицыне, а также ко всем остальным, его фамилия (автора многочисленных статей, книг о творчестве более 30 писателей XX века) отсутствует. К данному факту, думаем, стоит относиться с пониманием: либеральная цензура не ошибается, как это происходило периодически с цензурой советской. Через либеральные фильтры не прошел не только, конечно, Владимир Бушин. Тот же В. Литвинов в список работ о Шолохове не включил, например, книги В. Петелина и С. Семанова, статьи В. Кожина и С. Семеновой, других достойных исследователей творчества великого писателя, но скромно «рекомендует» две свои публикации. Думаем, понятно, что либеральные интерпретации (все равно чьи: Н. Митрохина, Б. Сарнова, В. Литвинова и так далее) становления шолоховедения в 1950-е годы в его шолохофильском варианте не имеют ничего общего с реальной историей литературы и критики.

Итак, только в 1950-е годы в Советском Союзе с огромным трудом стали пробиваться робкие ростки шолохофильства, которое в последующие десятилетия стало значительным явлением в литературоведении и критике благодаря статьям и книгам Фёдора Бирюкова, Виктора Петелина, Константина Приймы, Петра Палиевского, Вадима Кожина, Светланы Семёновой, Сергея Семанова, Юрия Дворяшина, Владимира Васильева, Валентина Осипова, Сергея Небольсина, Андрея Воронцова, Анатолия Знаменского, Николая Глушкова и других авторов. О достоинствах и недостатках некоторых работ шолохофилов мы скажем позже, а сейчас, как говорилось в одном рекламном ролике, мы идем к вам. Уточним: к вам — шолохофобы.

Разговор о шолохофобах второй волны, чьи публикации появились в 1970—2020-е годы, предсказуемо начнём с Александра Солженицына. По его инициативе и при разном участии создавалась и была опубликована в 1974 году во Франции книга «Стремя «Тихого Дона». С тех пор любые версии плагиата или двойного авторства прямо или опосредованно вырастали из грибницы «Стремени» и предисловия к нему Солженицына «Невырванная правда».

По версии Александра Исаевича, имя автора «Стремени» скрывалось пятнадцать лет под псевдонимом Д* в интересах его детей. Это имя — Ирина Николаевна Медведева-Томашевская — впервые было озвучено Никитой Струве в 1990 году и чуть позже самим Солженицыным. Далее мы будем называть предполагаемого автора «Стремени» Ириной Медведевой — так она подписывала свои статьи и книги.

Ирина Николаевна, как следует из предисловия Солженицына к нашумевшей работе, «литературовед высокого класса». Такая оценка должна придавать изначальную научную весомость «Стремени» и вызывать к нему доверительное отношение. Однако в названной статье Солженицына и в других его текстах о Медведевой ее тексты ни разу не цитируются. Автор этих строк не привык на слово никому доверять, ибо руководствуется известным постулатом: истина — конкретна. Проверить точность оценки Солженицына можно только объективной филологической реальностью: от «литературоведа высокого класса» всегда остаётся след в науке — работы, выдержавшие экзамен временем, не утратившие своей актуальности, значимости.

Из прочитанных текстов Медведевой разных лет мы сконцентрируем внимание на том, о котором говорит Солженицын в «Телёнке». Это последняя прижизненная публикация Медведевой, вышедшая в 1971 году, создававшаяся парал-

тельно со «Стременем», даёт более широкое представление о творческой личности Медведевой.

Свое отношение к безымянной книге литературоведа Солженицын выразил весьма «емко» и «содержательно»: «Исследование это оказалось интересным». Однако то, что именуется Александром Исаевичем книгой, — это скорее брошюра в 90 страниц, названная «“Горе от ума” А.С. Грибоедова». К тому же такое конспирологически кратчайшее представление «книги» вызывает вопросы и уже характеризует самого автора «Теленка». Как правило, там, где Солженицыну есть что сказать, и он не хочет скрывать своего мнения (например, о Владимире Лакшине или о «весьма неожиданных для советской печати идеях в публикациях «Молодой гвардии») оценки Александра Исаевича куда более пространны и хоть как-то аргументированы.

Прочитав якобы интересное исследование Медведевой, мы пришли к однозначному выводу: это типично советский литературоведческий текст. В нём пересказывается сюжет «Горя от ума», традиционно характеризуются герои, транслируется расхожее представление о смыслах произведения. Одновременно Медведева пытается превзойти своих коллег в идеологической правоте, что почему-то «не заметил» Солженицын. Об этой суперсоветскости свидетельствуют размышления о «едком дыме отечества», политически «правильные» оценки Александра I и «его приспешников (князя А.Н. Голицына с его кликой и Аракчеева)», а также противопоставление им «деятельных умников» во главе со Сперанским и, конечно, с «декабристским “поколением разумников”». И, как апофеоз «исследования» соратники Солженицына, — «наезд» на Николая I, не обусловленный ни временем написания пьесы, ни ее содержанием.

Советскую «целокупность» (слово Достоевского, которое употребляется в брошюре) мировоззрения Медведевой дополняют две цитаты из Дмитрия Писарева и длинный ответ не называемому автору, который в 1969 году говорит о «скептическом отношении Грибоедова к декабристским организациям». Ответ Медведевой, начинающийся словами «трудно поверить...», написан в лучших традициях советских ортодоксов от литературоведения типа Петра Николева или Юрия Суровцева.

Итак, брошюра Медведевой не является интересным исследованием, а сама Ирина Николаевна явно не «литературовед высокого класса». Думаем, это прекрасно понимал и Александр Исаевич. Но чтобы поддержать высокое реноме Медведевой, придуманное им в 1974 году, он продолжал пос-

ледовательно лгать и позже. В «Телёнке» из-за отсутствия реальных литературоведческих достижений Медведевой Солженицын использует известный приём присоединения: он ставит Ирину Николаевну в один ряд с её мужем — известным пушкинистом Б.В. Томашевским. Вот как это, на первый взгляд, впечатляюще красиво, пиарно грамотно выглядит: «...литературовед даровитый, в цвет своему умершему знаменитому мужу, с которым вместе готовили академическое издание Пушкина».

Солженицын, думаем, сам того не заметил (может быть, увлекшись придумыванием броского сравнения), как значительно понизил научный статус Медведевой: из «литературоведа высокого класса» она стала всего лишь «литературоведом даровитым». То есть «в цвет» со знаменитым Борисом Томашевским не получается уже на уровне понятийном. Аналогичная ситуация возникает, если мы откроем академическое издание собрания сочинений Пушкина. Из-за того, что Александр Исаевич не уточняет, о каком именно издании идёт речь, мы обратимся к разным его вариантам. В полном собрании сочинений (1962—1966 годов) в девяти томах на последней странице находим интересующую нас информацию: «Текст подготовлен и примечания составлены проф. Б.В. Томашевским». Лишь в десятом, завершающем томе издания, сообщается иное: «Текст подготовлен и примечания составлены проф. Л.Б. Модзалевским и И.М. Семенко под редакцией Б.В. Томашевского». Аналогичная информация содержится и в издании 1977—1979 годов.

След Медведевой можно обнаружить только в первом академическом шестнадцатитомном издании Пушкина. Лишь во втором томе в числе пяти сотрудников, принимавших участие в подготовке его, называется фамилия И.Н. Медведевой.

Итак, и формально, и по сути очередная — теперь цветная — солженицынская версия определения литературоведческого статуса Медведевой не подтверждается.

Исчерпав малокомплектный запас «аргументов» в пользу высокого профессионализма Ирины Николаевны, автор «Телёнка» с не меньшим пиететом характеризует её как личность. Прежде всего он акцентирует внимание на выдающемся интеллекте Медведевой: «Женщина блистательного и жесткого ума», «ум острый, мужской».

Александр Исаевич логичен, последователен в своём представлении Ирины Николаевны: блистательный ум, как правило, реализуется в профессиональной сфере. Однако в случае с Медведевой (в чём мы убедились на примере ее брошю-

ры о Грибоедове) это не происходит. Как следствие — давно назревший вопрос: мог ли автор упомянутого «исследования» написать «Стремя», резус-конфликтующее с ним во всех отношениях.

Мог, если ранее Медведева писала не то, что думает, подстраиваясь под политическое время, а в «Стремении» проявилось её подлинное человеческое и творческое «я». Не исключено, что, отталкиваясь и от своей судьбы, Ирина Николаевна так определила «наитруднейшую и тончайшую» тему, предлагаемую Солженицыну: «История гибели русской интеллигенции не там, а на воле. Паноптикум уродов (уродство не сразу и не у всех различимое), а среди них барахтаются последние уцелевшие, трогательно всё сохраняющие, ничего не смея, или изможденные справедливым гневом, их же сжигающим (иссушающим)».

Насколько эти и другие гипотетические версии человеческого и творческого пути Медведевой жизнеспособны, покажет очередное обращение к ее биографии.

Беглый обмен репликами Медведевой с Солженицыным о «Тихом Доне» в 1969 году стал толчком к тому, чтобы проблеме авторства романа литературовед посвятила последние годы своей жизни. До этого научные интересы Медведевой за пределы русской литературы XIX века не выходили. Мы не обсуждаем за пределами ложную, ничем не подтвержденную версию Зои Томашевской о давней тяге ее матери, отца, их солидного окружения к проблеме авторства «Тихого Дона».

Ирине Николаевне, рожденной в Женеве и прожившей большую часть жизни в Ленинграде и Гурзуфе среди преимущественно космополитической интеллигенции, тема казачества, выражаясь аккуратно, была не близка. И необходимых знаний о Доне (его истории, быте, традициях, языке и так далее), а также о Первой мировой и Гражданской войнах у Медведевой не было. Такие знания — плод многолетней, системной, постоянной, целенаправленной работы. Их не получишь из книг, поставленных внучкой Корнея Чуковского, Солженицыным или кем-то другим. Не получишь в том числе и потому, что весь этот массив литературы изначально контролируем: он должен иллюстрировать мертворожденные гипотезы Александра Солженицына. Собственно, об этом, но на примере солженицынского «Августа четырнадцатого», справедливо говорит Медведева в письме к автору романа: «Кажущаяся россыпь объединена изначально существовавшей направленностью».

О полной несостоятельности Медведевой в понимании истории, изображенной в «Тихом Доне», свидетельствует

письмо Ирины Николаевны Солженицыну от 16 апреля 1973 года (за полгода до её смерти). В нём даются не выдерживающие никакой критики оценки Л. Корнилова, А. Деникина, М. Алексеева, П. Краснова, А. Крымова, великого князя Николая Николаевича. Знания и «блистательный ум» Медведевой, о котором вслед за Солженицыным твердят другие, опровергает и оригинально-умилительная версия одной из причин поражения Белой армии: «...этот генерал (М.А. Алексеев. — Ю.П.), чистенький внутренне, казалось бы, чистый — сыграл роль немаловажную в провале белых (это говорится о человеке, умершем за два с лишним года до окончания первой «фазы» Гражданской войны. — Ю.П.) и только потому, что уж очень был плоть от плоти бездарности, какую создавал царский дом».

Эта характеристика М. Алексеева и царского дома — примитивно-убогая, фактологически провальная, либерально-большевистская — убеждает в том, что в своих основах мировоззрение Медведевой оставалось неизменным — левоинтеллигентским. Поэтому появился идеологический «шедевр» о «Горе от ума» и столь же «содержательное», вышеприведенное высказывание.

Но больше, чем Медведева, нас удивил своими представлениями об отечественной истории Александр Солженицын. До сих пор издано только одно его письмо, адресованное Ирине Николаевне, но и оно в тех немногих местах, где речь идёт о событиях и исторических фактах, изображенных в романе Шолохова, вполне определенно характеризует руководителя проекта под названием «Стремя “Тихого Дона”». Исправляя свою соработницу, Солженицын сообщает: «У Чернецова был не офицерский полк, а — небольшой отряд, почти только из гимназистов и юнкеров, и «сорок» расстрелянных были в основном мальчики (да Чернецов и в чине-то был не старше капитана, сейчас проверить мне некогда). Казачьи офицеры сидели в Новочеркасске и не хотели добровольно идти против Подтелкова!»

Во всех документах и воспоминаниях Василий Михайлович Чернецов называется либо есаулом, либо полковником (это звание ему было присвоено незадолго до смерти), но нигде — капитаном. Такого «чина» в казачьих войсках не было.

По главной гипотезе Солженицына, нашедшей разностороннюю реализацию в «Стремении», автор «Тихого Дона» — казачий автономист, сепаратист, а Гражданская война на Дону — это война казаков с иногородними. Отсюда и солженицынская подсказка Медведевой в письме: казаки-офи-

церы не хотели воевать против своего казака Подтелкова, сидели в Новочеркасске, поэтому в отряде Чернецова их почти не было.

Данная версия легко опровергается многочисленными свидетельствами участников событий, опубликованными, например, в «Донской волне». Вот небольшая часть из них: «Чернецов стал собирать живые силы для борьбы. Собрав около 250 человек, большинство которых составляли офицеры и молодежь...»; «В Зверево оставили заслон из 56 офицеров под начальством есаула Лазарева...»; «Вернулся полковник Морозов, бывший на левом фланге ушедшего отряда»; «С оружием прибыл есаул Лазарев и остатки его офицерского отряда»; «Я — один из 12 уцелевших от роты офицерского батальона, принимавшего участие в походе есаула Чернецова».

В замечании к 71-й странице «Стремени», где речь идёт о Филиппе Миронове (легендарном командаре 2-й конной армии красных) и Фёдоре Крюкове, именуемом в письме без каких-либо оговорок автором «Тихого Дона» Солженицын почему-то называет их близкими друзьями. Но главное в другом: Александр Исаевич определяет ту роль, которая отводится в «Стремени» Филиппу Миронову.

О нём, выдающемся полководце, открыто выступавшем против политики расказачивания, влиявшем на ход Гражданской войны, в «Стремени» говорится один раз скороговоркой и так предвзято, возмутительно-неточно: «Филиппом Мироновым, который сколотил (!!! — Ю.П.) изрядное войско (целая конная армия названа так абстрактно-отвлечённо. — Ю.П.) из казаков в помощь большевикам (в «помощь большевикам» предполагает изначальную отстранённость Миронова от событий революции и Гражданской войны, чего в реальности не было. — Ю.П.)». На примере Миронова видим, как поступают Солженицын и Медведева с теми, кто своей судьбой до основания разрушает главную гипотезу, на которой держится «Стремя».

Из сказанного следует, что Медведева во многом была лишь ретранслятором идей, гипотез Солженицына, который руководил ее работой над «Стременем», определяя главные направления этой работы. Подтверждает данную версию и цитата из письма Солженицына Медведевой, приводимая в статье Зои Томашевской (команда нобелиата такой документ никогда бы не опубликовала). Вот какое задание, в частности, даёт Солженицын Медведевой: «Очень интересно, что даст вам сравнение автора с Ф. Крюковым... Есть доводы за (очень живой свободный Донской диалог), есть против (голубизна в авторской речи, мягкота личности автора). Весьма

перспективно, если Вы найдете и докажете, что нижедонецкой, а не верхнедонецкой диалект...»

Понятно, что Медведева должна была написать работу, доказывающую гипотезы Солженицына, изначально непродуктивные, идущие вразрез с «живой жизнью», ее историей и литературой. Одну из главных гипотез «Стремени» Солженицын приписал Ирине Николаевне, изложив ее на собственном только ему, палачески изуродованном русском языке: «...о вкладе истинного автора и ходе наслоений от непрошеного «соавтора» и поставил своей задачей отслоить текст первого от текста второго».

Солженицын умело направлял Медведеву к нужному результату через устные беседы, письма, поставляемую литературу. Соработничество Александра Исаевича и Ирины Николаевны похоже на общение куратора с террористом-смертником, которого ведут к самоподрыву. Однако до конца план не сработал: Медведева умерла, не закончив «Стремени», поэтому Александр Исаевич (у которого рукопись находилась почти год) вынужден был из руководителя проекта, из куратора-«невидимки» стать видимым соавтором.

Солженицынский след легко обнаружить в «Стремени». В нем транслируются идеи, абсолютно совпадающие с теми, которые являются сквозными, главными во многих текстах писателя на протяжении всей его жизни. Конечно, могут возразить: схожие идеи порой приходят в голову к людям независимо друг от друга. Да, конечно, но у Медведевой, человека с такой биографией, мысли, аналогичные солженицынским, возникнуть естественно, органично, изнутри ее «я» не могли. Если это происходило, то по наводке Александра Исаевича. Тем более, что большая часть «Стремени» свидетельствует о том, что Солженицын сам правил, писал и переписывал сей ущербный, позорный и, по сути, преступный текст.

Таким корявым русским языком, которым написано «Стремя», владел только Солженицын. На этот лексико-стилевой след нобелиата в «Стремени» обратил внимание, в частности, Захар Прилепин в своей книге «Шолохов. Незаконный». Прочитывая большой и довольно показательный отрывок из «Стремени», Прилепин справедливо утверждает: «Никакая Медведева к этим привычно солженицынским риторическим вопросам, причастным оборотам с перестановкой слов и квазинародному языку никакого отношения, конечно, не имела».

В продолжение темы приведём примеры, подтверждающие очевидный солженицынский след в «Стремени»: «Самый факт приезда вёшенских казаков на спрос у каргинского

атамана...»; «и здесь вдруг оголяются возможные ходы связей Мелехова с Извариным...»; «походный атаман, вынужденный к слитным действиям с добровольческой армией»; «...“соавтор-двойник” пытается обходиться зазвоним идеиных фраз, пренебрегая идеиной перестройкой сюжета и характера...» Последнюю цитату есть смысл прокомментировать. Ирина Медведева — кандидат филологических наук, школьными знаниями по введению в литературоведение обладала. Во всех её текстах проколы, подобные приведенному, отсутствуют. Идея, как известно, — это основной смысл (мысль) произведения, который рождается в результате развития действия — сюжета. То есть речь может идти только о тематической, проблемной, но никак не об идеиной перестройке сюжета. Автор данного литературоведческого «открытия», несомненно, Александр Солженицын, который, к тому же, поставил на него свою фирменную «печать» — «завзвон идеиных фраз».

Итак, мы смело можем назвать Александра Солженицына как минимум соавтором «Стремени». Понимаем, что кто-то скажет в ответ — Солженицыну удалось зомбировать Медведеву не только на уровне идей, но и лексики, стиля — в результате родился такой «Телёнок». В это невероятное предположение, как и в другие альтернативные версии, поверим в одном случае: если будут предъявлены рукописи «Телёнка». Собственно, этого требовали от Михаила Шолохова, автора гениального «Тихого Дона», все шолохофобы, включая Солженицына. Когда же эти рукописи в разное время были найдены, более того, опубликованы, то человек, призывавший жить не по лжи, не только умолчал об этом (как, впрочем, и обо всех многочисленных публикациях, где опровергалась его версия соавторства), но даже не сделал примечания при переиздании «Телёнка».

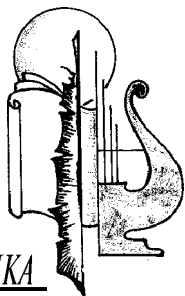
Александр Солженицын, всю жизнь по-сальеревски ненавидевший Шолохова, целенаправленно делал всё возможное для сокрушения, полного изничтожения русского гения. О разных выпадах нобелиата против Михаила Александровича в «Телёнке» и других текстах мы скажем далее. Сейчас же, подводя итог, подчеркнём: «Стремя “Тихого Дона”» — это главный удар по Шолохову Солженицына, писателя третьего, максимум второго ряда, в бессильной злобе осознающего свое лилипутство на фоне гения и великого романа.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТОГО ВЕКА

Народное слово в поэзии Владимира Кострова

Сорок дней на душе вологодская стынь,
И я плачу навзрыд бесконечные сутки.
Небосвод на мгновенье, Спаситель, раздвинь,
Дай услышать в раю мне костровские шутки.
Я приветствую вас, храбрый ангельский чин,
И смотрю в облака сквозь рассветный румянец,
Знаю: там, посреди святогорских вершин,
В ваших славных рядах костромской новобранец.
Александр Орлов, «Владимиру Андреевичу Кострову»

Поэты большого стиля и глобальных тем, равные личности Владимира Кострова, не уходят. Они остаются, свет их не только согревает, но и бросает лучи на тот особый мир, в котором обнаженной человеческой душе слишком горячо — изнутри. Владимир Костров — поэт-шестидесятник, но не «громкой», а «тихой» лирики. Это — один их самых признанных и значительных поэтов России. Человек-легенда, стоявший у истоков нашей поэзии, и когда поэты собирали стадионы, выступавший вместе с

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Симоновым, Вознесенским, Евтушенко, Ахмадулиной. На нем была славная печать «шестидесятничества». Всегда при любых обстоятельствах он сохранял гуманизм и доброту. Поколение Владимира Кострова, Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Юрия Кузнецова, Владимира Соколова, Глеба Горбовского, Станислава Куняева, Ларисы Васильевой, Новеллы Матвеевой отличало общее стремление к высшей правде. По словам критика Льва Аннинского, — то «поколение создавало само себя».

Мир поэзии Владимира Кострова широк и многообразен. Целая советская эпоха зримо и достоверно предстает в его произведениях. Величие образов, классическая поступь традиции отражаются в судьбе художника и в судьбе страны. Почва костровской поэзии вобрала в себя приметы исторические, бытовые, психологические, их выделяет своя собственная интонация и нравственная оценка событий. Но традиция не есть нечто однозначное и застывшее, как явление она развивается во времени и пространстве.

Детство будущего поэта прошло в деревне Власиха, что в Костромской области. «Я родился в 1935 году, в крестьянской семье, в глухой, совершенно затерянной деревне... в болотах, мхах, реках... Первое стихотворение сочинил в четвертом классе», — вспоминал он. Благодаря прекрасной школьной библиотеке уже в юном возрасте Владимир Костров хорошо знал русскую классику. Затем учился на химическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, работал инженером-изобретателем на Загорском оптико-механическом заводе. Впервые его стихотворение было опубликовано в 1957 году в журнале «Юность».

С 1964 года Владимир Костров — член Союза писателей СССР. Что примечательно: вопреки правилам был принят в творческий союз по верстке еще готовящейся к изданию книги. На тот момент он являлся автором нескольких перспективных изобретений, имевших немаловажную научную ценность. Причем сам же поэт вывел остроумную химико-эстетическую формулу стиха: *«Что-то физики в почёте, / Что-то лирики в загоне. / Дело не в сухом расчёте, / дело в мировом законе»*. И предпочел науке — поэзию! Но, как известно, наука и поэзия не противоречат друг другу. Поэзия науки и наука поэзии — своего рода синтез искусств и явлений жизни. Ведь в основе всего лежит Образ — и не обязательно художественный — просто образ, метафора. Поэзия присутствует повсюду, в любом виде творчества и в любом деле. В мире всё насквозь пронизано звуком и ритмом.

Стоит сказать, что Владимир Костров — автор более 30-ти поэтических сборников, мастер блестящего перевода, драматург. Вот далеко не полный перечень его книг: «Первый снег» (1963), «Избранная лирика» (1964), «Кострома — Россия» (1967), «Весны и осени» (1968), «Утро в Останкине» (1972), «Металл и нежность» (1974), «Я вас люблю» (1974), «Московские рассветы» (1977), «Товарищества светлый час» (1977), «Солнце во дворе» (1978), «Избранное» (1980), «Открылось взору...» (1984), «Свет насущный» (1984), «Стратостат» (1987), «Стихотворения и поэмы» (1989), «Песня, женщина и река» (2001), «Если любишь. Стихи, поэмы, переводы» (2006). Владимир Андреевич является лауреатом Государственной премии имени М. Горького и Правительства РФ в области культуры, «Большой литературной премии России», неоднократным лауреатом телевизионного конкурса «Песня года», обладателем Государственной медали им. А.С. Пушкина и золотой пушкинской медали XI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Поэт показал величие русского языка во всей его разносторонней сложности и красоте. Он был председателем Пушкинского комитета по проведению праздников поэзии. Работал заведующим отдела в журнале «Техника молодежи», в журнале «Смена», заместителем главного редактора в журнале «Новый мир», тираж которого тогда — период расцвета — составлял 3 миллиона экземпляров.

Владимир Костров — поэт Божьей милостью. Сердечный стих России этого художника слова — воистину, как дар Божий. Писатель Василий Воронов, отмечая реализм его пронзительной лирики, убедительно подчеркнет: *«Божий промысел открылся на Кострове. Такое случается очень редко, может быть, раз или два в столетие. Открылась душа, переполненная земными откровениями и уязвленная страданиями человечества. Всё подмечено, всё увидено, облюбовано и омыто слезами радости и печали. И обозначено Словом. Он оттуда, из стаи славной, от Пушкина и Некрасова... Поэт огромной духовной мощи, может быть, последний на нашем коротком веку»*. В нем — голос народа, зов самого поэта, наполненный болью, горечью и надеждой. Ему близко понятие народности, то, что русский по судьбе — это и награда, и цель, и большая ответственность художника. Быть выразителем исторического духа народа — значит, быть кристально честным. Тихая лирика, проникнутая исповедальностью русской судьбы, как известно, не терпит фальши.

Поэзия тем и прекрасна, что каждый раз рождается заново, представляя современникам своеобразный документ эпо-

хи. Неповторима колоссальная плотность костровской строки. Плотность и плоть слова — поэтическое совершенство, которое, прежде всего, отличает предельная насыщенность образов и смыслов.

*Мы — последние этого века,
Мы великой надеждой больны.
Мы — подснежники. Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.
Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли, как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.
И в конце прохрипим не проклятья —
О любви разговор поведём.
Мы последние века. Мы братья
По ладони, пробитой гвоздём.*

Величественная трагичность и неизбывная надежда — творящие и борющиеся между собой силы. Нежное сквозь острое. Острое сквозь нежное. Противостояние, контрастное и двоякое — философская диалектика противоположностей. Уникальное человеческое единство, каким были согреты послевоенные годы, оставило в душе поэта неизгладимый след ушедшей эпохи и вместе с ней след целого поколения:

*Так обнимемся. Путь наш недолог.
На виду у судьбы и страны.
Мы — подснежники. Мы из-под ёлок,
Мы — последняя нежность войны.*

«Как тяжело дышит русское пространство...»

Во все времена важным условием творчества было знание жизни своего народа, по главной сути без этого не может состояться ни один художник. «Не зря говорят: спасется Россия — спасется мир...» — свято верил в такое пророчество Владимир Костров. У него было исконно русское ощущение мира как Божьего творения. Естественное выражение фантазии поэта являло нам живые эпические образы народного мирозерцания:

*Две берёзы над жёлтою нивой,
Три иконы на чёрной стене.*

*Я родился в земле несчастливой,
В заветлужской лесной стороне.
Деревянная зыбка скрипела,
Кот зелёно сверкал со скамьи,
Белой выюгою бабушка пела
Журавлиные песни свои.
Отгорит золотая полова,
Дни растают в полуночной мгле.
Ничего слаще хлеба ржаного
Не едал я потом на земле.*

Он и был сыном своей многострадальной земли, неразрывной частицей ее «русского горького счастья». Подобная поэтическая олицетворённость сродни христианскому мирозерцанию, ищущему традиционные смыслы, насущные, как хлеб. Почему поэзия, искусство потеряли тайну? Но настоящий художник всегда и во всем находит таинственный смысл. Первые уроки нравственности маленькому Володе когда-то преподавала его бабушка, а дальше жизнь вела сама, подчас преподнося уже более суровые уроки. Родная деревня, немудреная философия «людей от земли», пожалуй, являлись самыми лучшими советчиками и учителями. Поэт дорожил кровной землей, знал российскую глубинку, хранил в себе сокровенную душевную чистоту. Проникновенный голос тишины, обращенный к родным истокам, звучит и в стихах «Возвращение»:

*Как вступление к «Хаджи-Мурату»,
Сторона моя репьем богата
(Стойкий, чёрт, — попробуй, оторви!).
Да ещё грачами, да ручьями,
Круглыми, протяжными речами,
Как ручьи, журчащими в крови...
<...>
Вот она — стоит у огорода
Маленькая седенькая мать.
Рядом папа крутит папиросу.
Век тебя согнул, как знак вопроса,
И уже не разогнуть спины.
Здравствуй, тётка, божий одуванчик,
Это я — ваш белобрысы мальчик.
Слава богу, слёзы солони.
Вашими трудами, вашим хлебом
Я живу между землёй и небом.*

*Мамочка, ты узнаёшь меня?
Я твой сын! Я овощ с этой грядки.
Видишь — плачу, значит, всё в порядке:
Если плачу, значит, это я.*

Пронзительная исповедальность — сильная черта лирики Владимира Кострова. Дом, малая родина, мать — близкие, иконописно пересекающиеся в творчестве русских художников темы. Известный есеновед Юрий Прокушев писал: «...да, Россия стоит на деревне, на земле!» Образ этот в стихах Владимира Кострова приобрёл глубокий метафорический смысл, восходящий к образу самой России. Поэзия Николая Рубцова, Евдокима Русакова, их крестьянская судьба органично отзываются и в его произведениях. Не угасает свет рубцовой «Горницы»: «С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь». Концовка — как обжигающая молния. Сберегая любовь и память к своим изначальным корням, к единственной деревеньке, речке детства, быть может, маленькому городку, тем самым мы сберегаем любовь к Отчизне и даже больше — ко всему живому на земле. Мощный духовный заряд несет нам творчество Владимира Кострова. И поэзия эта не «деревенская», а просто — поэзия, которая, по мысли Вадима Кожинова, «рождается из всей целостности жизни ее творца».

Иногда жизнь, смерть и бессмертие гениально вмещаются в одном стихотворении. Тогда поэзия может сказать гораздо ярче и убедительнее, нежели проза. Наглядный пример — красочное, метафоричное произведение Кострова:

*Я выхожу из леса и... ни с места.
И страх и боль не бережат меня.
В черёмуховом платье, как невеста,
Стоит деревня в жарком свете дня.
Так много света, радости и воли,
Так бьётся сердца перепел рябой,
Овсяное передо мною поле
Над песенкою речки голубой.*

.....
*Не осуждайте бедного поэта,
Что он остановился на пути.
Жизнь прожита.
Горит Господне лето.
Осталось только поле перейти.*

Какая лирическая напряженность и одновременно четкая завершенность поэтической формы! Совершенное полотно привычного мира и собственного пути. Художник тем и велик, что талантливее и острее иных чувствует непостижимую закономерность конечности и бесконечности жизни. Простота и глубина, реалистичность прошлого и настоящего. «Путник на краю поля» — в этом названии повести Николая Коняева, посвященной творчеству Николая Рубцова, пожалуй, и есть вся суть заключительных строк и всего стихотворения Владимира Кострова. Нет тяжести бытия — впереди вечность... Такое под силу лишь редкому мастеру пера, виртуозно сочетающему феномен философской парадоксальности и совмещающему его с чем-то непреходящим. «Осталось только поле перейти» — эта афористично-метафоричная строка перекликается еще с другой, принадлежащей поэту Игорю Шкляревскому: «Не умереть боюсь — боюсь не быть».

Произведения Кострова лишены какой-либо претенциозности на славу, на личную значительность. Автор чувствует, что каждый раз необходимо писать так, словно впервые взял перо и коснулся белого листа. И ты ясно понимаешь, что мера художественности есть степень народности. С некой легкой самоиронией он рассказывает о своих далеких предках:

*Выходец из волости лесистой,
Бражник, сочинитель, остролов,
В глубине истории российской
Жил Ермил Иванович Костров.
В переводах был весьма исправен,
Пил вино, работал не спеша.
О Кострове Пушкин и Державин
Говорили: «Добрая душа».*

*.....
Буду жить с такой фамилией древней,
Не употребляю её во зло.
Классиков высокое доверье
На мою фамилию снизошло.*

Вероятно, поэтому исключительно хороши его скромные деревенские пасторали. «Да, можно увезти парнишку из деревни, / Но вытащить нельзя деревни из него», — нечто древнее, посконное веет от такого прямого, простосердечного афоризма поэта. Как и художник кисти, он подбирает прозрачные акварельные краски, вкладывая в картины природы собственные мысли, тревогу, боль за утраченную и поруганную крестьянскую жизнь, о чем когда-то сокру-

шались наши писатели Можаев, Распутин, Белов... Что и сегодня крайне актуально. Пейзажная лирика Кострова возрождает забытые моменты милого деревенского бытования: «Проложи по траве чуть дымящийся след / И хрустящий сенник положи в изголовье... / Этот близкой луны ненавязчивый свет / Добр и жёлт, как топлёное масло коровье». Нашему взору открываются русские пейзажи — широта и простор вызревшей мысли утонченного мастера художественного пера:

*Хорошо на душе — я приехал из города,
Нет железобетонной нуды болевой.
Здесь легко остужать перегретую голову,
Умываясь прохладой росы полевой.
Как веснушки, к лицу мошара примеряется,
С веток ноты клюёт непреременный скворец.
На окошке в горшке огонёк померанцевый,
В поле с ветром голубится лён-долгунец.*

.....
*Нет. Душа не забыла слова пасторальные.
И с тесовых мостков недалёкой реки
И рубахи, и смуты мои простирали мне
Хвойным мылом две милые сердцу руки.*

Подкупает и непосредственность выражения поэтического чувства, и умиротворенное настроение «Пасторали», и первозданной природы, и безмятежной прелести. Спокойная камерная тональность. Вместе с тем полнота самоотдачи, когда от избытка чувства и рождаются истинные шедевры. Ведь это не просто стихи, это сама жизнь, ставшая поэзией. Произведения Кострова, как и у Рубцова, словно вырастают из самой природы, из дыхания деревьев и трав, движения ветра и воды, воздуха и неба, земли и космоса...

*Ликующей листвы крутая распродажа,
Медлительный исход реки, текущей всклень.
Здесь я всего лишь часть знакомого пейзажа,
Случайный огонек в одной из деревень.*

.....
*Я не один — со мной
И Пушкин, и Есенин.
Последняя слеза еще не утекла.
Приди ко мне и ты, мой нежный друг осенний,
И стань еще одним источником тепла.*

Во всём сквозит какая-то неодолимая тяга к пространству. Мир глубоких лирических раздумий о судьбах эпохи, о судьбах деревни в поэзии Владимира Кострова плавно переходит в протяжную русскую песнь равнин и полей, вливается в песнь холодных ветров и пустынных пространств, бескрайних дорог и печальных деревень. Магическая песнь, притягательная своей нарастающей мощью и в то же время близостью индивидуальной манеры автора с творческим методом русских художников-передвижников, таких, как Репин, Левитан, Куинджи, Перов, Крамской, Поленов, Саврасов... Автор поражает в ней насыщенностью красок, оттенков, игрой света и тени, свободным постижением закона равновесия и взаимной гармонии, соединением искусства поэзии, музыки и живописи.

Русское пространство — сквозной и сквозящий мотив лирики поэта, который впитал в себя всё тревожное и грустное, светлое и радостное Русской земли. Будучи ровесником нашего века, Владимир Костров создает многосмысловой образ России. *«Удушный дым, как знак непостоянства, / Несовершенства мира твоего. / Как тяжело дышит русское пространство — / Огромное живое существо»*, — настолько ощущать биенье времени способен лишь человек, обладающий провидческим взглядом, человек, мыслящий философскими категориями, диалектически точно соединяющий мир и природу воедино. *«Великое восстание природы / На смену революциям пришло»*, — мы тесно взаимосвязаны друг с другом и с мирозданием. Во многих авторских строках видно, что в основе их лежит вечное тяготение человека к бесконечному, к народной стихии как доминанте его художественного мира, его восприятия земного и небесного. Но это вовсе не бесплодное созерцание дальних полей, не только неистовая жажда свободы. Это — состояние русского человека, особое предназначение судьбы, характера, русской души, о чём выразительно и живо говорил в книге «Судьба России» философ Николай Бердяев.

Среднерусская равнина — необъяснимая сущность, подчас мистическая, она сильнее личной судьбы и никак немислима без судьбы России:

*Когда застынут поезда,
Свист оборвётся соловьиный,
Блеснёт последний раз звезда
Над среднерусскою равниной.*

.....

*Товарищ мой, мой друг и брат,
Ты помнишь те часы ночные,
Когда звучали, как набат,
Часы обычные, ручные.
Особой ясности полны,
Друг другу души поверяли
И от судьбы родной страны
Своей судьбы не отделяли.*

Соратничество, товарищество, славянское братство — забытые смыслы, каким поэт дает второе дыхание: «*И этим чувством жизнь полна, / Пред общей правдой неповинна. / Как среднерусская равнина / Одной самой себе равна*». Он воскрешает волю, зовет к нравственному возрождению. Музыка русского пространства — вселенская полифония жизни! Лишь вслушайтесь:

*Воробей, стучащий в крышу,
Дробный дождь в пустом корыте, —
Говорите, я вас слышу,
Я вас слышу, говорите.*

.....
*Ничего не надо, кроме
Общей радости и боли,
Доброй песни в отчем доме,
Свиста выюги в чистом поле.*

Подвластные чувственному художнику слова, и образ, и звук торжествуют! Лес, гул небесных мелодий, шелест листвы, шепот трав, цветов, щебетанье птичьих голосов... Когда слова, великие и простые, складываются в стихи. Любовь ко всему родному — многозвучная песня, какая по своей ёмкости и вовсе, оказывается, не тихая. Слово упало в душу! А еще неразгаданная тайна русского пространства, целая философия русского мира, завораживающая мистикой особого места. «*Что может знать чужак о полной русской воле? / Судить или рядить об этом не дано*», — прав автор, не понять ему печали русских равнин и сумрачных далей России. Однако это «безлюдное пространство» может быть последним и единственным спасением человека, когда всё потеряно, но когда лес, поле, дождь, стучащая ветвь в одинокое окно словно цепляются за твою израненную душу и заставляют жить... «*Пора идти гулять: сегодня ветер в поле, / И дождь стучит в окно. Безлюдно и темно. / Тут сам не разберёшь, как можно жить иначе. / Зачем тебе любовь пространства дорога?*» — в

нашем воображении возникает нечто величественное, невыразимое, вольное и прекрасное — то, чему никогда не будет конца, свободное явление природной стихии как понимание Божьего замысла Творца. *«Здесь просто и легко остаться неизвестным, / Любить сквозящий свет и вяжущую тьму. / И разум не смущать вопросом неуместным: / Зачем и почему? Затем и потому!»* — вероятно, так же странствующие святые, калики, богомольцы, некогда скитаясь на просторах Руси, не задавали подобных вопросов, как будто заранее зная ответы, отчетливо видя приближающиеся знаки злых и добрых сил. Сколько нищих и сирых людей из века в век бродило по Руси!

Поэт сохраняет этот реалистически правдивый колорит и пополняет его таким автобиографическим шедевром лирики, как *«В снежных шубах лесное боярство. / Горностайна позёмка полей. / Может, главное наше богатство — / Вольный ветер Отчизны моей»*. Явственно предстают живописные картины Матери-Родины: Заветлужье, Колокольный Валдай, Кострома... Простирается Великая равнина, где столько ветра в поле, столько неба, луны, звезд, снега, света... И столько высоких раздумий поэта о жизни и о России...

«Великое чудо единой народной судьбы»

Горькую память храню как наследство
И у судьбы, словно школьник, учусь.
Бедная юность. Военное детство.
Время простых человеческих чувств.

Владимир Костров

Хотелось бы еще раз напомнить, что Владимир Костров пришел в поэзию вместе с поколением фронтовиков, поколением поэтов военной эпохи: Михаилом Дудиным, Юлией Друниной, Константином Симоновым, Ярославом Смеляковым, Алексеем Сурковым, Александром Твардовским, Stanisлавом Куняевым, Егором Исаевым, Георгием Суворовым. В своих обжигающих произведениях они смогли воплотить все чаяния о человеке совестливом, милосердном, человеке ищущем, мужественном, человеке гуманным. Писатели были подлинными свидетелями грозной правды. Лирическая летопись той героической войны начала создаваться в июне 1941-го, продолжается она и донине. Беспредельная жертвенность русского народа не канула в Лету: современные авторы России явили миру жертвенное служение Отечеству. Трагический и великий 41-й стал точкой

отсчета их личной ответственности за память отцов. В этом стоянии отцов за правду и заключалось славянское ратоборство, национальные традиции которого продолжают наши лучшие поэты.

Но история не прощает предательства. *«Исторической памятью совесть очистил...»* — есть такие известные строки у Владимира Кострова. Его стихотворение о сражении на Курской дуге стало, пожалуй, одним из лучших литературных произведений об этом столь невероятном противостоянии. Вот две строфы из него: *«Дышит ветер эпохи — / Разбойник и мастер. / Непреложное время. / Огонь и беда. / Как магнитом опилки, / Магнитной массой / Всё железо Европы / Притянуло сюда»*. Добившись победы под Курском, Красная армия окончательно перехватила стратегическую инициативу. А сколько героев битва породила! Мы научились воевать, только поверив в победу под Сталинградом и устояв в танковом сражении на Курской дуге.

Достоверным отражением войны, несломленностью человеческого духа, внутренней силой защитников Отечества дороги нам многие стихи Владимира Кострова. И чем тяжелее, чем безжалостнее была правда отцов, тем в итоге она была созидательнее. Но время неумолимо. Представители поколения «детей войны» запомнили войну иначе, чем их непосредственные предшественники. Трагические стороны народного бытия мы видим в стихотворении поэта: *«И поворот. И сердце сжалось. / Дышу с трудом. / Стоит, не принимая жалости, / Мой отчий дом»*. Какое бесстрашие искренних интонаций! Память, словно раненная птица, стучится в сердце лирического героя, возвращающегося в отчий дом, в родную обитель:

*Навеки врезанные в память — тому назад —
Уверей дорожный камень и палисад,
Четыре стёртые ступени и три окна...
О, как в них пели и скорбели,
Когда пришла война.
Он дышит по ночам натужно,
Как дед больной,
Весь от торца до чёрной выюшки
Любимый мной.*

Дом в представлении предков — что-то живое, теплое пространство покоя и защиты. Миф всегда проистекает из деревенского фольклора. Мифология и поэзия, пронизанные общностью и зримостью, едины и неразрывны. Говоря о на-

циональной традиции, Николай Клюев писал: «Изда — свя-
тилище Земли». Этот вечный архетип кажется в стихах Вла-
димира Кострова не просто выразительным штрихом избы,
а прежде всего — совершенно точным феноменом, создан-
ным как бы для контраста с прошлой и грядущей катастро-
фой. Он умел создавать поэзию из совсем бытовых деталей,
будто владел особым языком, имеющим примеси небесной
глины, из которой Господь творил живую материю. Изда
сохраняет элементы далекого космоса. Образ космическо-
го дома всегда присутствует в сознании народа: окно — кос-
мос, ступени — выход в иной мир, порог — оберег от злых
сил...

*И тут, одетый в старый китель,
Давно вдовец, страны заступник и строитель,
Живёт отец. Живут, с эпохой не ссорясь,
Святым трудом, мои печаль, любовь и совесть,
Отец и дом. Четыре странные години
Несли беду, четыре красные рябины
Горят в саду. И не сдались, перетерпели
Тебя, война, четыре стёртые ступени
И три окна.*

Суровые дни войны и мира вместил в себя этот русский
Дом. Сила и ценность человека измеряется мерой перенесен-
ных страданий и в то же время мерой победы духа, победы
жизни над смертью. Реквием по нашим убитым солдатам —
это и прожигающее насквозь острой болью стихотворение
«Эхо войны», посвященное памяти поэта-фронтовика, по-
эта-шахтёра Николая Старшинова:

*Встану рано и пойду в поле.
Вот и солнышко встаёт — Божье око.
Только пусто без тебя, Коля.
Одиноко без тебя, одиноко.
.....
Посмотрю на небеса — воля,
Глаз на землю опушу — доля,
Поднимаю у мостков колья
И живу я без тебя, Коля.*

В стране полным ходом шла перестройка, наступило смут-
ное время потери главных ориентиров и вполне закономерно,
что автор обращается к своему товарищу, испытывая и чув-
ство вины, и, возможно, даже беспомощности:

*Горько, Коля, на Руси, очень горько.
Всё, что сеяли отцы — всё смололи.
Мне бы рядышком с тобой горку —
Всё тебе бы рассказал, Коля.*

Тут же рядом идут и стихи «Памяти Николая Старшинова» — поэта-шахтера, который, как и Владимир Костров, был родом из военной нелёгкой эпохи. Не отпускает скорбная память о трудовом человеке, и его не случайно автор приравнивает к «сыну и брату пехоты русской серой, / Когда земля, как ад, дышала серой...»

*Как внук голодных, нищих и забытых
(У нас сегодня кое-кем забытых)
Ты, верно, не любил искусство сытых,
Живя в воспоминаниях своих.
И был биологически различным
С тем шустрым стилем полузаграничным
Твой простоватый, но весомый стих.*

.....
*...Пред вечностью не суетился ты.
Пусть имена иные смоет Лета,
но вижу я: народ несёт цветы
к могиле Неизвестного поэта.*

Да, по своей мощи и правде, по своему трудовому подвигу Николай Старшинов ничем не уступает героическому подвигу Неизвестного солдата! Но разве до сих пор должны быть неизвестные и без вести пропавшие герои? Вопреки всему и воин-победитель и поэт-пророк в своем Отечестве есть. Вероятно, и сегодня мы не способны увидеть и показать пророка в своем Отечестве? Образы слова, искусства порой приобретают и в поэзии Владимира Кострова, и в национальном сознании народа общее и цельное представление о беспримерном подвиге. Мышление образами классики оказывается крайне богатым и познавательно полезным. К тому же оно ведет к неожиданным умозаключениям, что и прочитывается в истории «На открытие скульптуры “Теркин и Твардовский” в Смоленске». Автор-герой и центральный персонаж его литературного произведения зеркально отражаются не только в стихах поэта, но и в искусстве самого скульптора. Очевидно, что читатель соприкасается с самобытным соединением разных и самостоятельных видов творчества:

*Вновь над кручею днепровской
Из родной земли сырой
Встали Тёркин и Твардовский...
Где тут автор, где герой?
Рядом сели, как когда-то,
Чарку выпить не спеша,
Злой години два солдата,
В каждом русская душа.*

Да и сам Костров — участник этого душевного разговора — человек на Руси не лишний, слышащий и вдыхающий «полной грудью вечный зов земли родной». Героическое в истории, историческую Победу света над тьмой фашизма необходимо видеть в соотношении национального и общечеловеческого. Проблема совести — одна из самых больших, не вызывающих нынче в обществе ни отклика, ни интереса. Однако война была жестокой и грубой школой. Главные ученики истории — это люди и Время. Не забывать Время — это значит не забывать людей. Владимир Костров ничего не забывает, он пишет во многом противоречивые, но правильные, откровенные стихи, подчас звучащие словно запоздалое раскаяние, прощение... И оттого еще более ценные по силе какой-то невыразимой недосказанности...

*Гертруда Фёдоровна, немка,
В военном детском далеке,
Ты говорила на немецком,
На ненавистном языке.
А из села отцы и братья
Пошли в жестокие бои,
А по телам отцов и братьев
Шли соплеменники твои.*

.....
*Ты им не даром говорила
Про справедливость на земле,
Гертруда Фёдоровна, немка,
В ветлужском маленьком селе.
И ты не зря не уходила
В войну со своего поста.
Гертруда Фёдоровна, правда,
Как сложен мир, как жизнь проста!*

Последняя строка — гениальная. Путь от осуждения и сострадания, путь к дуновению любви занял годы. Но поэту удалось честно выяснить для себя правду и боль войны. Это

только кажется, как далеко ушла война. Фантазия Кострова встает вровень с реальностью в необычном произведении «Сумерки». Подобно вспышке молнии в сумерках, долгих и тихих, в молчании вдвоем появляется давно забытое ощущение неповторимости жизни:

*Вы — сумерки. Вас хочется погладить,
Как в детстве, с вами хочется поладить,
И псом лохматым в комнату пустить,
И до утра оставить в ней гостить.*

Вот тогда из глубин ушедших лет вдруг выплывают чьи-то лица, воскресают бывшие мечты и тени не только старых грез, вдруг начинает говорить сама память:

*Любимая, ты помнишь годы школьные,
Те редкие конверты треугольные.
Ты помнишь сводки горько-аккуратные,
Ты помнишь хлеба ломтики квадратные.
Ты помнишь мать, по вечерам стирающую,
И печку, угольками в нас стреляющую.
Нам дня того не позабыть, наверное,
Когда пришла домой пехота серая,
За Родину довольно порадевшая,
На вражеских высотах поредевшая.
Худая, поседевшая, окопная.*

В тех сумерках не было безнадежности, ведь «сколько было нежности накоплено. / И в сумерках для нас светили ласково / Эмалевые звёздочки солдатские. / Мы дети тех солдат. Мы ветви дерева. / Нам память поколения доверена. / Мы дети русской синевы и снежности, / Носители народной горькой нежности». И наша жизнь, которая кажется и реальной, и призрачной одновременно обретает уже иной смысл: «Закрыты шторы. В комнате смеркается. / Прошедшее с будущим смыкается».

Война, послевоенная эпоха роднят многих и многих, особенно принадлежащих к тому выбитому этой мировой трагедией поколению. Поэзия того поколения — поэзия обожженной почвы — это «последняя нежность войны». Но история человеческих судеб так просто не заканчивается:

*И рядом с нами шли не по обочине
родные люди русские, рабочие.*

*Простые люди, грешные и будничные,
из прошлого в таинственное будущее.*

«И опять тревожно за Россию...»

На протяжении столетий волновал художников идеал жизненной правды, именно в нем они искали долгожданный смысл творчества. Однако окружающий мир меняется с умопомрачительной скоростью. Мы остро чувствуем противоречивую сложность времени, которое буквально поглотило новейшую Россию. Горькая, обличающая интонация, переходящая в ноту протеста, звучит в произведениях Владимира Кострова, относящихся к периоду перестройки, а если проще, развалу страны. Подобная этой нота трагического переживания, непростительная для России времени конца XX века, появляется довольно часто в творчестве современных писателей.

Предошущение нашей общей гибели, общей непоправимой беды явственно слышится в стихах Кострова:

*На бетонной площади московской
Отлитой, возможно, на века,
Бронзовый Владимир Маяковский
На буржуев смотрит свысока.*

.....
*И опять тревожно за Россию —
Новый класс пришёл к её рулю.
Но признаюсь вам, буржуазию
Я пока не очень-то люблю.*

.....
*Выборы, парламент и свобода,
Как у всех. Но горько оттого,
Что всё меньше на земле народа,
Милого народа моего.*

Столкновение нравственных принципов, морали, классов, собственно, это и столкновение эстетических точек зрения на искусство и жизнь как таковые. Национальная катастрофа была неизбежна, но последняя ли она? Сегодня обыватель правит бал, который после национальных потрясений всегда остается в выигрыше. Достаточно тягостное настроение, пропитанное воздухом той беспокойной эпохи, вызывает хорошо известное стихотворение поэта «Московский дворик»: «Сварен суп... пора делить приварок... / ...Весь заросший, чёрный, словно морж, / На скамейке возле иномарок, /

Холодея, помирает бомж». Аллегорический контраст, убийственный своим голым натурализмом, метафоризм и смысл сделали здесь заключительным аккордом в жизни... Большой город — центральный топос пространственной картины мира — оборачивается к нам настоящим дьявольским нутром. Бетонный холод и человеческое отчуждение — приметы драматизации поэзии, наполненные открытой гражданской тревогой автора. Образ-метафора нынешнего времени, где среди привычного безразличия слишком много нечеловеческого, — это бомж.

*Бомж хрипит от наркоты иль спьяну —
Холодна последняя кровать.
Неужель я оборотнем стану,
Чтобы слабых гнать, и глотки рвать,
И считать, что только в силе право,
Думать: что хочу, то ворочу?*

В поэзии важнее верно поставленные вопросы, чем конкретные ответы. Более того, важнее чувство авторской сопричастности ко всему происходящему, проявление сострадания и любви к обездоленным. Поэт с трепетным и оскорбленным сердцем настойчиво утверждает доброту и справедливость, отвергая цинизм и ложь:

*Господа! Не надо строить храмы
И держать плакучую свечу.
Сварен суп. Пора делить приварок.
Падает, как саван, свежий снег.
Дворик спит. А возле иномарок
Умирает русский человек.*

Тяжкий стыд испытывает он, но углубляясь в истоки нового явления жизни, понимаешь, что народ, как ни печально, напрочь утратил христианский стыд. Стоит отметить, драматургия поэтических сюжетов Владимира Кострова охватывает самые сокровенные, самые потаенные уголки человеческой души. Пожалуй, высшее качество поэзии — философские противоречия, однажды обретающие и собственную гармонию. Неожиданным выглядит его обращение к сыну, своего рода поэтическое завещание:

*Не обязательно счастливым
Пускай мой сын в наш мир придёт,*

*Но совестливым, молчаливым,
Которым в жизни не везёт.*

.....
*Пусть станет совесть в изголодь,
Пусть встретит смерть в труде, в бою,
И пошлой женщины любовью
Не накажи ты плоть мою.
Среди глумливых и спесивых,
В чинах от пят и до бровей,
Как часто в людях несчастливых
Есть счастье Родины моей.*

Какое проникновение в человеческую судьбу! Поэзия как воплощение жизни человека и народа во всей ее глубинной сути, во всей ее природной основе. Владимир Костров не отделяет поэзию от жизни, напротив, ищет прекрасное в вещах повседневных. Человеку необходимо, хотя и сложно устоять в этом беспокойном веке, в этом свистящем безвременье. Авторская лирическая «Баллада об Андреевском флаге» — слёзы на глазах и ком в горле. Щемящая душу нежностью мелодия моря и волн...

*За дымкой голубой
Уже не отыскать нас,
Спасительный уже
Душе не нужен круг:
Исходит из страны
Печальная эскадра,
Как стая журавлей,
Летящая на юг.*

Хрупкий и стальной мир устоит доблестью и честью русского флага. Вот они, сияющие слова, дарующие надежду в то, что былое величие нас не покинет:

*Пускай вернутся к нам
И вера, и отвага
Любым ветрам в ответ,
Любым громам назло,
Чтоб больше не пришлось
Андреевского флага
В бизертах целовать
Подбитое крыло.*

Государственность, Народность, Православие — три стол-

па, на которых держалось и держится Отечество. Мощный образ России, написанный молитвенно-поэтическим словом, в произведении: *«Защити, приснодева Мария! / Укажи мне дорогу, звезда! / Я распятое имя «Россия» / Не любил ещё так никогда»*, — воистину, подобен восхождению на Голгофу. Оказывается, и один в поле воин: *«Оставляют последние силы. / Ничего не видать впереди. / Но распятое имя «Россия», / Как набат, отдаётся в груди»*. Поэт побеждает праведным Словом. Бороться «не одним мечом» призывал мир и великий провидец душ человеческих Достоевский.

«Укрепись, православная вера...»

Творчество и религия составляют вместе вечную тайну, но и Бог — есть самая величественная тайна, олицетворяющая веру. Человек жив верой, дающей ему неизбывную надежду и побеждающей дисгармонию мира. Но храм должен быть в душе, чтобы жить по-христиански, по-человечески. Как ни парадоксально, реальность в закрытом тоталитарном государстве была сердечнее, отзывчивее, нежели сегодняшняя — при отмене всяческого религиозного запрета, при активном строительстве и восстановлении церквей, которую нельзя назвать доброй и гуманной. Литература в советском обществе подменяла собой Церковь. Она как бы стремилась заполнить нравственный и религиозный вакуум. Не секрет, что слово писателя стало словом проповедника. И вдруг наша проза и поэзия перестают быть религией, а слово писателя — словом духовного пастыря. Современный мир оказывается ниже слова или вообще вне его.

Кому же отныне верит русский человек? Через образы добра и зла, правды и неслыханной лжи поэт Владимир Костров неустанно утверждал истину:

*Укрепись, православная вера,
И душевную смуту рассей.
Ведь должна быть какая-то мера
Человеческих дел и страстей.
Ведь должна же подняться преграда
В исстрадавшейся милой стране
И копьём поражающий гада —
Появиться Стратиг на коне.*

«Огромное это пространство», воспетое им, сегодня как никогда нуждается в покаянии, в очищающем Суде Божьем. Однако вначале надо принять «палящее пламя Возмездья».

Лишь тогда нам, своим Божиим детям, Бог с любовью раскроет тайны земного мира и Вселенной... А возможно, и свой лик! *«В слиянье дней — живая простота. / Как много в ней движенья неземного!.. / Мне верится, что даже у Христа / Есть время для Владимира Кострова»,* — а ведь он так и жил, будто по написанному слову его друга, поэта Александра Орлова. Господь всё еще милосерден, пока, во что верует Костров, отпускает нам время для духовного спасения: *«Какие мощные ветра, / Потопы и землетрясения! / Какая лютая жара! / Какие грозные знаменья! / Как будто каждый день и час, / Все исчерпав иные средства, / Всесущный призывает нас / Одуматься и оглядеться».*

Из века в век продолжается неизвестный и бесконечный эксперимент над человеком... В стихотворении «В небесах загорались Стожары...» автор говорит о том, что человек — Божье создание, что он должен вернуться к своей природе, чтобы сохранить свое единство с миром, с космосом, сохранить самого себя. *«Под мистерией звёздного свода / Завершается яростный век. / Для чего, о Господь и Природа, / Был вам нужен и я, человек?»* — увы, все и даже наука по-прежнему молчат. Вера не только призывает к истине, но и облегчает ее поиск. «Ищите во всём великого смысла», — упорно твердили сострадательные и простодушные Оптинские старцы, не раз изумлявшие мир своими предсказаниями.

Образы и тропы поэзии так же неисповедимы, как и пути Господни. Если эксперимент Всевышнего — тайна, то эксперимент государства и власти — насилие и уничтожение человека как такового. Теплохладность, отрешенность от всего, безразличие, боязнь любви к ближнему — настоящий результат подобных опытов — вот что страшно! Поэт тем и велик, тем и мудр сверх меры, «отрицающая отрицанье», что твёрдо знает: Человек выше любых экспериментов.

Отстоять исконную праотеческую веру и человека — первостепенная гражданская задача художника. Ведь борьба за человека изо дня в день превращается в борьбу за божественное, сакральное Слово. Мужественная правда пережитого слышится в каждой строчке Владимира Кострова, который хотел прежде всего сберечь национальную особенность русского человека, сберечь во всей чистоте его символ веры — Православие. Недаром поэт уверял своих читателей в том, что «Бог русской поэзии — больше Христос, чем Аполлон». Ибо конечный путь человечества — Бог.

Любовь издавна составляла предмет раздумий, неисчерпаемый источник вдохновения и творчества сотен поколений писателей, художников, музыкантов. Отношения мужчины и женщины на протяжении веков являлись средоточием бесконечно меняющихся сюжетов, всевозможных стилей, жанров литературы и искусства. Любовные коллизии различного рода, неповторимые судьбы влюбленных оживают в письменном слове и красках, в кино и на театральной сцене, в мраморе и звуках. Лирические произведения о любви — самое сложное, что есть в поэзии.

Вадим Кожинотв отмечал обязательную образность слов в поэтическом тексте. В этом плане лирика Владимира Кострова изобилует неожиданно возникающими образами и смыслами. *«Полон взгляд тихой боли и страха, / Что тебе я могу обещать? / На пространстве всеобщего краха / Обещаю любить и прощать»*, — разве это не христианские истины, о которых пишет поэт и которые провозглашает Библия? Любить и прощать, любить и снова прощать... Иного никому не дано. Любовь, по откровению Куприна, есть «высочайший и самый редкий дар неведомого бога». Силой любви, способностью любить измеряется степень нашей человечности, духовная суть личности, внутренняя красота или, напротив, духовная пустота. Впрочем, иногда бывает не до романтики. Но на то и художник, чтобы даже неминуемая потеря превращалась в оживленную пустоту. Очищающая, трезвая грусть сквозит в поразительном стихотворении Кострова:

*Поток ушедших лет
Мы не переиначим.
Мы можем только что
Глядеть ему вослед.
Над прошлым, дорогим
Давай с тобой поплачем.
А будущее где?
А будущего нет.
Так близко слышен зов
Свободного пространства,
Там только окоём,
Там вечны тьма и свет.*

Острая лиричность прощания с чем-то невозвратным, где нет ожесточения, безысходности, зато во всём сквозит скрытая нежность. На последнем своем рубеже человеку не избе-

жать одиночества. Разлад души и примирение, и понимание того, что существуют на свете вещи, которые больше обычного представления о любви. «*В твоих глазах вопрос: / Меня ты не оставишь? / В моих глазах ответ: / Не покидай меня*», — вероятно, и любовь принадлежит чему-то до конца нераскрытому, вечному... К тому же автор гениально угадывает внутреннюю драматургию чувств. Любовные истории притягательны тем, что все они сугубо индивидуальны, что воспринимаются как живая художественная летопись страстей, радостей и мук, а еще они поражают тысячами преград, встречающихся на пути любящих, тяжестью их душевных страданий. Но есть и другая любовь, которая несет что-то разрушительное, запретное любовное приключение, тайные дозволенные радости:

*Луна протягивает руки,
Былинки в поле шевеля.
А на меня со всей округи
Смурные лают кобеля.
Рыдает выпь — глухая птица...
Не муж законный, не жених,
Спешу последний раз напиться
Из окаянных глаз твоих.*

Мистика и приворотная магия или нечто языческое, идущее прямо из глубины Средневековья. Не зря подмечено: чем чище, чем выше, чем самоотверженнее страсть, тем она губительнее и несчастнее. Видимо, важна не направленность страсти, а ее грандиозность, ее мощь. Лирический герой потерял власть над собой, потерял голову, стал одержим мучительным, непреодолимым влечением:

*Наперекор стыду и страху
Я у судьбы любовь краду.
В твои колени, как на плаху,
Шальную голову кладу.
Как дождь, весёлой брагой брызжет
Лихая песня соловья.
И ведьмой в древнем чернокнижье
Судьба записана моя.*

Навряд ли подобная любовь-страсть способна принести человеку желанное счастье и умиротворение. Хотя существует и чувство иное, похожее на сон, ведь жизнь, как сказал когда-то поэт, — тоже сон, одно бесконечно длящееся во време-

ни и пространстве воспоминание... Владимир Костров открыл в себе и сохранил великое человеческое счастье — любовь, которое не зависит ни от прошедших лет, ни от времени. Поэтому что оно внутри его сердца, его чистота сродни рубцовской — прекрасной и вечно живой:

*Когда померкнет в небесах,
Стихают стрелки на часах,
Я засыпаю. И во сне
Ты возвращаешься ко мне.*

.....
*И комната моя светла,
Как от парного молока,
И как астральные тела,
Летят по небу облака.
И этот шорох, этот свет
Смиряет горечь долгих лет,
И ветер ночной в печной трубе
Поет негромко о тебе.*

«Широкая русская речь»

Запах зеленой осоки,
Запах озерной воды,
Месяц печально высокий,
Не долетая звезды...
Славное в сердце смирение
С тем, что пришло и уйдет,
Светлое стихотворение
Бог бессловесно прочтет.
Владимир Фролов

Более пятидесяти лет, хороших полвека звучал голос русского поэта Владимира Кострова — признанного крупного художника, оказавшего серьезное влияние на современную литературу России. Его прозорливое, выверенное, спокойное слово, без накала излишних страстей и эмоций было и будет бесценным для нашей поэзии. «Сейчас литературного процесса почти нет», — на заре перестройки сетовал Владимир Андреевич. Но не теряя веры в творчество, мудро замечал: «Литература — это машина времени. Литература живет в каждом из нас. Мы всё-таки хотим высокого... Ведь Россия связывает не железная дорога, а речь».

Чтобы Россия окончательно не утратила самобытности своей национальной культуры, поэт стремился сберечь са-

мые чистые воды русской речи. По его инициативе 6 июня — в день рождения Александра Сергеевича Пушкина — был учреждён День русского языка. Кроме того, Владимир Костров являлся Председателем Пушкинского комитета, редактором-составителем таких значительных поэтических антологий, как «Русская поэзия XX века» и «Поэзия Великой Отечественной войны». Живое древо языка не может расти без корней, питающихся соками земли. «Сохранить литературу мы можем лишь через простодушие, через ее слитность с простым народом, через обращение к живому языку, к фольклору», — честно говорил он своим читателям.

Вся русская литература заключает в себе великое духовное наследие. Искомое единство поэзии и народной судьбы Владимир Костров находил в классической традиции:

*Когда мне становится грустно,
Когда невозможно уже...
Читаю. От лирики русской
Рассвет наступает в душе.
Как будто бы солнышко брызнет,
Надежду неся и привет.
В ней нет отчужденья от жизни
И едкого скепсиса нет.
Как будто бы поем в тумане
Идёшь, погрузившись до плеч, —
Врачует, колдует, шаманит
Широкая русская речь.*

Мы видим предельно родственное освоение отечественной поэзии автором. Он плоть от плоти, сокровенная часть ее творческой языковой стихии, в основе которой лежат глубинные народные принципы. Мысль Гоголя о высоте и простоте русского языка и русского человека одновременно можно в полной мере отнести и к нему. Костров не считал классику чем-то архаичным, безвозвратно ушедшим в прошлое. «Она — совершенство», — подчеркивал поэт. Поэзия же — душа подвига, обращающая красоту в добро, в правду, в истину, которые ищет и находит художник. Литература, поэтическое слово помогают преодолевать всеобщее разобщение, вражду, отчуждение. Именно поэзия возвращает нас к истокам исторической памяти, к ясному осознанному единству всего живого на земле. Владимир Костров жил и творил в непрерывном диалоге с русской классической литературой. Его слово — целая и бесконечная Вселенная...

Однако поэзия — не только жанр. Это особая нравственно-эстетическая стихия. «Гнев рождает поэта», — гласит латинское изречение. «*Не трогайте жанр, излучающий жар. / Поленья рассудка в пыланье напева. / Поверьте, проверьте — поэзия шар, / Поедешь направо — приедешь налево*», — автору очевидно, что нельзя свободные чувства вместить лишь в рамки рационального. Логике вопреки в поэзии можно быть умным, как ни парадоксально, даже без ума. «*Поэзия — угол, я вам говорю, / Где редко, но мы преклоняем колени*», — Владимир Костров здесь явно вступает в перекличку с поэтом Павлом Коганом, когда-то тоже написавшим незабываемые строки: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал». Неудивительно: у творцов особая химия в крови — феноменальное явление, близкое и самому Кострову. Что примечательно: по первой своей специальности он — инженер-химик, занимавшийся исследованиями в сфере технологии экранов. Оказывается, ничего не проходит бесследно. «От гаджета — к книге» — вот современный девиз, им же изреченный. Но художнику, как воздух, необходимо еще и волшебное чувство меры. Чтобы не случилось смешной и грустной истории, какая произошла с одним из его персонажей, графоманом, принесшим в «солидный журнал» свой «незрелый корявый стишок».

Так в чем же неодолимое лирическое обаяние Владимира Кострова? Прежде всего в том, что он — художник искреннего, открытого чувства, сильной поэтической энергии.

*Громок ты и успеха достиг,
И к различным эстрадам притёрся.
Только русский лирический стих
Вроде как-то стыдится актёрства.
Словно скрежет железа о жезл,
Словно самая пошлая проза,
Неуместны заученный жест,
Модуляция, дикция, поза.*

Вначале было Слово — и этим всё сказано. «Когда пишешь стихи, они всегда приходят к тебе от природы. Через природу человек ощущает мир и пытается выразить его через слово», — открывал в себе самом и в мире эту естественную, первозданную истину поэт. Глубинная по замыслу Творца гармония слова не должна быть разрушена. Наперекор чужеродной моде Костров придерживался чисто русского строя языка. «Поэзия всегда знает жизнь в целом», — как бы невзначай отмечал автор, подтверждая собственное выска-

зывание в строках: *«Да, я стихи колоннам майским / На Красной площади читал».*

Творчество Владимира Кострова — яркий пример бережного отношения к родному языку. Помня об этом, отныне и впредь — как единый народ — мы обязаны сохранить чистоту русской речи.

«Я народную песню пою...»

Всё моё у меня под рукой
Ты, Россия моя, наградила меня
Песней, женщиной и рекой.

Владимир Костров

Сегодня, когда больше пишущих, чем читающих, падает интерес и к литературе, и, в частности, к поэзии. Но по-прежнему слово и музыка являют собой совершенное искусство и создают целостное представление о человеке и мире. Музыка и поэзия — категории непреходящие... Владимиру Кострову посчастливилось найти точки соприкосновения этих двух самостоятельных искусств. Его авторское творчество стоит разделить на поэтическое и песенное.

На стихи поэта написаны песни многими известными композиторами, среди которых Александра Пахмутова, Вано Мурадели, Раймонд Паулс, Лора Квинт. Среди исполнителей песен — Сергей Захаров, Иосиф Кобзон, Валентина Толкунова, Анатолий Папанов, Юрий Алябьев, Николай Романов... Один из дисков серии «Легенды фирмы “Мелодия”» посвящён как раз песням на стихи Кострова. Разве кому-то неизвестны его вдохновенные строки, ставшие популярной песней?!

*Здравствуй, мир! Здравствуй друг!
Здравствуй песен щедрый круг!
Здравствуй, миг! Здравствуй, век!
Здравствуй, добрый человек!*

Как поэт-песенник он органичен в этом неразрывном музыкальном круге. В творческом багаже автора более двухсот песен! Владимир Костров неоднократно был лауреатом конкурса «Песня года». «Вообще нашему миру не хватает музыки и поэзии...» — справедливо считал поэт. Современные люди гораздо лучше и легче воспринимают поэтическое слово благодаря музыке и мелодичному звучанию слова. Звук и ритм — черта нового времени. Неслучайно в стихах Костро-

ва критики отмечают интеллектуальный блеск, афористичность, ритмически свободную поэтику.

*Нет. Звон трамвая не стреножишь.
Попсу вокзалов не уймёшь.
Мой город, ты меня тревожишь,
Укрыться мраком не даёшь.*

.....
*Как будто некий гений юный,
Сжимая скрипку у ланит,
Играет ночью полнолунной
Безумный вальс оград чугунных
И железобетонных плит.*

Вот вам, утомленные постмодернисты, виртуозная игра несдающихся шестидесятников! Изысканный словесный танец, мелодия уснувшего города, созвучная душевному состоянию автора. Истинный крест, завидуй, представитель электронной эпохи! Попробуйте добиться такой художественной выразительности, граничащей с тонко-музыкальными переходами из прошлого в настоящее, из реального в будущее, быть может, и дальше — в таинственную вечность...

Отсюда крайне ощутима и близка читателю эта костровская тоска по щемяще-родной песне, олицетворявшей советскую страну. «*Такого певческого чуда / Уже не будет никогда*», — сколько сожаления, боли о чем-то неповторимом и дорогом сокрыто в пронзительных словах поэта. Осмысливая судьбы нашей культуры, Вадим Кожинов писал: «...русская песня представляет собой, в сущности, слияние, органическое единство этих трех искусств — музыки, искусства слова и, в известной мере, театра, ибо певец так или иначе создает определенный образ человека... То, что в начале всегда Слово, — неотъемлемая особенность, сама природа отечественной культуры... Музыка как бы претворяет стихотворение в Слово — роль музыки в судьбе русской поэзии вообще нельзя переоценить... Песня — своего рода средоточие, «центр», «ядро» отечественной культуры, в которой сливаются воедино ее ценнейшие достижения...»

Владимир Костров не любил ложный пафос — устаревший прием как в театре, так и в поэзии. Хотелось бы напомнить, что в основе всех искусств лежит Образ, и живопись тоже сочетается со всеми другими видами искусств. Исчерпывающе точно, лаконично автор объясняет свою эстетичес-

кую позицию, причем ничего не навязывая, ни в чем не настаивая. Более того, какой отменный вкус у него к литературе, к поэзии, к искусству вообще!

*Непродвинут я в общем строю,
Мне по жизни немного нужно.
Я народную песню пою —
Потому что она простодушна.*

.....
*Мой гламурный, продвинутый брат,
Инвективы твои надоели.
Забери себе «Чёрный квадрат».
И оставь мне «Грачи прилетели».*

Да, некая саркастическая насмешка. Художник предпочитает реализм. Отстаивает, увы, немодную нынче традицию. Но в этом высвечивается историческая и человеческая правда его жизненного слова. По мысли Кострова, свобода слова, свобода художника «не означает свободу от заповедей Божьих и человеческих». Искусство не должно быть разрушительным, подчеркивал он, тем самым призывая нас к созиданию и духовному просветлению. Ведь вокруг и так слишком много мрака. Поэзия, искусство становятся средством влияния на душу человека, становятся инструментом его внутреннего преображения, одновременно превращаясь в священный центр всей русской культуры. Нам необходимо вернуть себя к предощущению присутствия Бога и его энергии во всем: в природе и ее красоте, в гармонии слов и звуков, в эстетическом проявлении. Вернуть себя к восприимчивости Божьего мира и осознанию главенствующей роли Бога во всех событиях и явлениях в истории человечества. Тогда нам откроется кладезь духовных сокровищ и щедрых Божьих даров.

Сквозная тема в творчестве Владимира Кострова, напрямую связанная с отечественной классикой, — русские поэты, томимые творческой искрой, поэты, воспевавшие Россию и убитые собственной страной, вырванные с корнем из ее жизни, словно сорная трава. Что ж, она ведь неслыханно богата, стоит ли ей особо ценить кого-то? В стихах Кострова слышится отчаяние за трагизм их судьбы. Кажущаяся подчас легкость авторской строки обманчива. Вспомните признание русского песнопевца Сергея Есенина: «Осужден я на каторге чувств / Вертеть жернова поэм». Работа над словом — труд не менее тяжкий, чем физический. Непрекращающийся труд души. Но поэты бывают разные, в праве ли

каждый из них считать себя поэтом? Костров дал блистательный ответ и графоманам, и тем, кто мнит себя «героями и мучениками оаций», кто уверовал в то, что останется в цене: *«И, пожиная что посеяно, / Над тем подумай, старина: / А любит всё-таки Есенина / Россия, дикая страна»*. Исторически значителен, неповторим у автора и образ Николая Рубцова. Ему удалось реалистически правдиво передать колорит настоящего и пополнить свою лирику таким шедевром: *«Терпенье, люди русские, терпенье: / Рассеется духовный полумрак, / Врачуются сердечные раненья... / Но это не рубцуются никак»*. Родство по слову рождает духовное родство. Тут важно испытать момент катарсиса, о чем говорили древние греки. Эта «бездомность» Николая Рубцова — голая правда сиротства — будто нашли тихий и надежный приют в стихах Кострова: *«Он жил вне быта, только русским словом. / Скитания, бездомье, нищета. / Он сладко пел. Но холодом медовым / Суровый век замкнул его уста»*. Один поэт читает другого, и он слышит его через годы, оставив далеко позади тот беспощадный век, слышит Божье озаренье Рубцова — поэта прощения и жалости, пьет родниковую чистоту его речи, не обрамленную красотами:

*Сумейте, люди добрые, сумейте
Запомнить реку, памятник над ней.*

.....

*И потому, как видно, навсегда,
Но в памяти, чего ты с ней ни делай,
Она восходит, Колина звезда:
Звезда полей во мгле заледенелой.*

Звезда Рубцова навсегда взошла над небом России, прощесские строки русского лирика сбылись: «Звезда полей горит, не угасая...» Горит, милосердно освещая путь другим творцам. Поэтическая исповедь и отповедь, которые представляет читателю Владимир Костров, то исключительное мастерство меткой детали, широкой традиции классики и катарсиса, уходящей корнями в глубь веков, расширяют рамки нашего мировосприятия поэзии, дают целостное историческое видение неповторимости личности этого уникального художника слова.

Когда самое главное осознано и написано, Владимир Костров приближается к постижению своего поэтического предназначения, можно сказать, делая это в программном произведении: *«Завершаю жизненную драму, / Веря в Вифлеемскую звезду. / К ближне-переделкинскому храму / Переулком из*

дому иду». Небольшой автобиографический экскурс: в 1961 году поэт вошел в литературу и с той поры начал бывать в Переделкино. На протяжении более полувека всей его творческой работы он прожил там не одно десятилетие. «Островок в том самом цыганском таборе», — так Владимир Костров называл то легендарное место, через которое пролегла его литературная дорога. Дом творчества помогал художникам обрести духовную свободу. Переделкино — не просто знаменитое дачное местечко. Этот поселок, обладающий особым укладом и философией, в свое время был передовой культурной столицей СССР. Именно там по-настоящему раскрывались те, кого считали ведущей элитой страны. Чуковский, Фадеев, Кассиль и многие-многие другие. Милые привычки, вечерние посиделки, запутанные человеческие отношения, любовные драмы, головокружительные взлеты и полуманные судьбы — тайное и явное — одним словом, целая история-эпоха в лицах, длящаяся и сегодня...

Но для Владимира Кострова — это больше, чем полузабытые мелочи жизни, гораздо больше, чем судьба. Это — дорога к храму длиною в жизнь...

*В этом храме старенький священник
Тихую молитву говорит.
Я молюсь на Бога-Человека.
Он мне указал на свет и тьму
И не дал за творческих полвека
Надоесть народу своему.
Никакой я вовсе не вития.
Плосок мир. Ломать его нельзя.
И в меня вонзает Византия
Чёрные сионские глаза.
Вновь в тысячелетиях не лишний.
В центре мира — мать-сыра-земля.
Рядышком смиренное кладбище,
Где лежат мои учителя.*

В своем поэтическом пространстве он соединяет земное и небесное: «мать-сыру-землю» и Солнце веры — и в этом как художник видит собственную ценность. Небесное — Храм. Земное — погост, конец человеческого пути. Мать-сыра-земля символизирует в фольклорной традиции славянскую богиню-мать. В былинах и молитвах ее называют мать-сыра-земля, Богородица.словно целительное молитвенное заклинание — пронзительное прощение и прощание — звучат наполненные надеждой завершающие строки:

*Глубину земли нельзя измерить,
На свечах сердечки из огня.
Я пришёл надеяться и верить.
Родина моя, прости меня!*

Спасибо поэту за глубокую преданность родной культуре, за красоту и пронзительность его поэзии, за великую человеческую веру и любовь... «Стихи пишутся, и это удивительно. Самый большой страх для меня, когда перестанут писаться стихи, что-то оборвется...» — искренне делился с нами со-
кровенным Владимир Костров. Но не обрывается нить... Народной памятью и вечностью хранимы и великая поэзия, и ее гениальные творцы.

г. Минск

Вышла в свет новая книга Валерия Хатюшина

«Протуберанцы. Размышления и воспоминания. 2016—2024».

Летопись событий нашего времени за последние восемь лет.

Большой формат. Объем 704 стр. Твердый переплет.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 800 руб.

Деньги необходимо перечислить на карту Сбербанка номер: 2202 2005 6546 0175 или на номер телефона, привязанного к банку: 8 916 939 22 69.

А так же необходимо сообщить свой полный почтовый адрес по указанному телефону или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru

В Москве книгу можно приобрести в редакции журнала «Молодая гвардия» или в книжном киоске Союза писателей России (Комсомольский пр-т, 13)

Дорогие друзья!

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимого каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 2202 2005 6546 0175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».